

1920

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение

высшего профессионального образования

«Кубанский государственный университет»

(ФГБОУ ВПО «КубГУ»)

ФИСМО

КУРС ЛЕКЦИЙ "ИСТОРИЯ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА"

ДОКТОР ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР О.В. МАТВЕЕВ

Краснодар 2012

Подготовлено при финансовой поддержке государства в лице Минобрнауки России в рамках реализации мероприятий ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. по теме «Политика России на Кавказе в прошлом и настоящем: документальная база, интерпретации и противодействие фальсификации истории» (Соглашение 14.В37.21.0966)

Лекция 1. Актуальные вопросы изучения истории и культуры народов Северного Кавказа

1. Основные проблемы изучения истории народов Северного Кавказа
2. Обзор литературы и источников
3. Северный Кавказ в эпоху Древнего мира

Литература:

История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988.

История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М., 1988.

Народы Кавказа. М., 1960. Т. 1.

Северный Кавказ с древних времён до начала XX столетия (историко-этнографические очерки). Пятигорск, 2010.

Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007.

Как феномен истории, Северный Кавказ олицетворяет редкую по многообразию сочетаний этничность проживающих здесь народов и национальных групп. Одна из главных особенностей прошлого и настоящего кавказских народов – их динамичность, состояние диалога различных конфессий, языков, мировоззрений, исторических и культурных традиций. На разных отрезках истории могущественные империи, мировые религии, вторгаясь на Северный Кавказ, стремились поглотить его, растащить по частям – в буквальном и переносном смысле. Эти цивилизационные, военно-политические и крупномасштабные этнодемографические налеты не оставались бесследными для культур, языков, образа жизни, демографии, вероисповедания, духовного самочувствия народов региона. Во взаимоотношениях многочисленных этносов Северного Кавказа аккумулировался многообразный, противоречивый опыт их существования, взаимодействия, разностороннего общения, культурно-хозяйственной взаимосвязанности, совместной борьбы с иноземными нашествиями. История этого сложного, противоречивого пути учит осторожности и аккуратности в оценках кавказского прошлого и настоящего.

Цель курса «История Северного Кавказа» – ввести в богатый историческим прошлым и уникальными традициями мир региона, познакомить с существующими историческими взглядами на своеобразие Северного Кавказа, убедить в практической приложимости знаний и навыков о прошлом и настоящем вайнахских, дагестанских, адыгских и других народов.

Вы должны получить знания об особенностях развития региона в эпоху древности и средневековья, иметь понятия об общественном строе и менталитете народов Северного Кавказа в XVIII – начале XX в., формировании территория проживания, традиционной культуры, веры и верований. Курс направлен на обретение навыков применения знаний по истории многовекового опыта содружества народов. Лекционный курс составляет 6 часов, после чего Вы сдаёте зачёт.

Северный Кавказ отличается разнообразным рельефом, климатом, растительностью, хозяйством и народонаселением. Он делится на три основные природно-хозяйственные и историко-географические зоны: горы, предгорья и плоскость (включая подзону Ногайская степь). Хотя большинство жителей региона принято объединять под названием «горцы», основная масса населения сосредоточена ныне на плоскости и в предгорьях.

Еще античные авторы отмечали этнолингвистическую дробность региона. Арабский географ X в. Масуди назвал Северный Кавказ «горой языков». Этническая пестрота населения возросла вследствие переселения в регион ряда тюркских и иранских народов в IV–XIV вв., а затем российской колонизации в XIX–XX вв. Сейчас там живет более 50 коренных народов. Их языки относятся к трем большим языковым семьям: северокавказской, алтайской (тюркская группа) и индоевропейской (иранская, славянская и армянская группы).

Северокавказская семья делится на две группы.

Абхазо-адыгская группа представлена абхазами, кабардинцами, абазинами, черкесами, адыгейцами, шапсугами.

В **нахо-дагестанскую** группу входят около 30 народов: чеченцы, ингуши, аварцы, лакцы, даргинцы, табасаранцы, лезгины, агулы, рутульцы, цахуры. Наибольшая языковая дробность характерна для Дагестана, где существуют языки, распространенные в рамках только одного аула. Исследователи объясняют это несколькими причинами. Во-первых, особенностями природных условий. Отдельные горские ущелья были долго изолированы от остального населения. Во-вторых, у ряда народов Дагестана был распространен обычай эндогамии: заключение браков только среди представителей одного или нескольких населенных пунктов.

К **индоевропейской языковой семье** (к разным её группам – славянской, иранской, германской и пр.) относятся проживающие на Северном Кавказе казаки, русские, украинцы, поляки, белорусы, осетины, немцы, греки, таты, армяне и др.

Третья языковая семья, представленная на Северном Кавказе – алтайская семья народов или **тюркская** группа. Она включает ногайцев, кумыков, карачаевцев, балкарцев.

Согласно религиозной классификации, большинство народов Северного Кавказа являются мусульманами-суннитами. Здесь представлены два его толка (мазхаба) – ханафитский и шафиитский. Ханафитами являются кабардинцы, адыгейцы, черкесы, балкарцы, карачаевцы и др. Шафиитами – аварцы, чеченцы, ингуши и др.

Восточнославянское население в основном исповедует православие. В районах проживания казачества также распространено старообрядчество различных толков и направлений (например, поповцы и беспоповцы). Протестантизм, представленный лютеранством, баптизмом, пятидесятничеством, адвентизмом и др. получил распространение у немцев, католицизм у поляков. Верующие евреи исповедовали иудаизм.

По хозяйственно-культурному типу народы Северного Кавказа в прошлом делились на пашенных земледельцев (аварцы, чеченцы, осетины и др.) и кочевников-скотоводов (ногайцев). Земледелие в регионе имело свои особенности (в горах и на плоскости) и сочеталось в разной пропорции с отгонным скотоводством. Особый военно-промысловый хозяйственно-культурный тип на ранних этапах был присущ казачеству, что способствовало формированию особых субэтнических групп в составе русского народа: гребенцы, сунженцы, кубанские линейцы, черноморцы и др.

Первая волна научных описаний Северного Кавказа была вызвана Персидским походом Петра I в 1723 г. Один из его участников был бранденбургский немец Иоганн Гербер. Он пять лет служил в Южном Дагестане и Грузии. Перу Гербера принадлежат «Известия о народах между Астраханью и р. Курою». Среди участников Персидского похода был шотландский врач и диплома Джон Белл, издавший свои записки на французском и английском языках. Особенностью этих сочинений был научно-практический стиль, безличная манера изложения. Эти описание упорядочивают всю живую и неживую природу края, вплоть до населяющих его народов. Новый подъём научных исследований произошёл при Екатерине II. Российская академия наук

организовала ряд экспедиций на Кавказ. Во главе их стояли ученые немецкого происхождения Гильденштедт, Гмелин, академик Паллас, а также почётный член Петербургской академии польский учёный, путешественник и писатель Ян Потоцкий. Наибольший интерес представляют материалы экспедиции Гильденштедта, обобщённые им в многотомном немецком издании «Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа». Изучение региона в XVIII в. было сопряжено с немалыми опасностями. Так, Гмелин, был захвачен одним из дагестанских правителей, уцмием Кайтагским Амир Хамзой, и скончался в плену в 1774 г. Завоевания приводили к новым исследованиям. Так, после Персидского похода В. Зубова 1796–1797 гг. появился ряд новых описаний региона, составленных его участниками, из которых выделяются работы П.Г. Буткова и С.М. Броневского.

Романтизм, господствовавший тогда в Западной Европе и в России, наложил сильный отпечаток, как на художественную литературу, так и на научные исследования о Кавказе. Продолжая систематизировать кавказские материалы, русские и зарубежные авторы увлеклись изучением социальных сюжетов. Воспринимая горцев как осколок первобытного мира, дикарей, ещё не зараженных пороками современной цивилизации, ученые, публицисты и чиновники искали и находили у них формы первобытного общественного устройства. Так, с помощью шкалы определений, взятых из учений французских просветителей XVIII в. Броневский классифицировал формы политической организации горцев и обнаружил в сельских конфедерациях Нагорного Дагестана и Чечни «федеративные республики». Это понятие проникло в официальное делопроизводство, его использовали служившие на Кавказе военные и писатели, побывавшие там зарубежные путешественники.

Во второй трети XIX в. возобладал военный аспект в научных исследованиях, связанный с Кавказской войной. История взаимоотношений России и Северного Кавказа представала в тогдашних сочинениях как бесконечная борьба российской цивилизации против горского варварства, либо ответное сопротивление свободолюбивых горцев колониальному порабощению, либо, наконец, как война за веру (по арабски джихад) между мусульмангами и христианами. Вышедшие в свет уже после замирения Кавказа обзорные работы русских военных историков Н.Ф. Дубровина, В.А. Потто, С.С. Эсадзе делают основной осью повествования именно Кавказскую войну. В публикациях источников этого времени предпочтение также отдаётся военной истории. В частности,

именно по этому принципу построено осуществлённое в Тифлисе в последней трети XIX в. под редакцией известного ориенталиста А.П. Берже фундаментальное издание архивных материалов наместничества Кавказского, получившее название Актов Кавказской археографической комиссии. Этот крупнейший дореволюционный сборник документов включает 12 томов и охватывает период с 1799 по 1862 г.

После окончания Кавказской войны активизируется научная деятельность на Северном Кавказе. При поддержке властей наместничества Кавказский отдел Императорского Русского географического общества продолжает классификацию, картографирование и описание региона, издавая в Тифлисе многотомные статистические и справочные издания: Сборник сведений о кавказских горцах, Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа, Известия Кавказского отдела ИРГО. Здесь же выходит газета «Кавказ», Кавказский сборник и другая периодика.

В советскую эпоху произошла переоценка опыта Российской империи. Советская историография 20-х – 30-х гг. XX в. обратилась к изучению прежде всего социальных сюжетов истории Северного Кавказа, при этом крайне идеологизируя её, втискивая всё и вся в упрощённый официозный вариант марксистской схемы классовой борьбы и антиколониального сопротивления народов восточных окраин царскому гнѣту..

В советской историографии первых десятилетий центром тяжести в освещении темы стало разоблачение колониальной политики самодержавия. В силу этого концепция насильственного покорения Кавказа сохранялась довольно долго. Её поддерживали М.Н.Покровский, С. К. Бушуев, А. В. Фадеев и другие.

С конца 30-х годов в исторических работах и в учебниках утвердилась оценка факта присоединения народов окраин к России как “наименьшего зла” для них. Усилиями партийной пропаганды и чутких к политической конъюнктуре историков эта трактовка очень скоро распространилась на все национальные окраины, независимо от того было их присоединение добровольным или насильственным.

На рубеже 50-60-х годов, после пышно отпразднованного в 1957 году 400-летия “вхождения” Кабарды в состав России, историкам других республик региона правящей партийной элитой более или менее определено была поставлена задача: найти свидетельства мирного и возможно более раннего “вхождения” того или иного народа в состав империи. В ходе поиска в многочисленных публикациях 60-70-х годов как акты

принятия подданства и, следовательно, “вхождения” оценивались так называемые шертовые грамоты.

Своеобразным итогом пересмотра оценок стала конференция в Грозном в 1979 году на тему “Прогрессивная роль России в исторических судьбах народов Северного Кавказа”. В ее рекомендациях безапелляционно заявлялось, что интеграция всех без исключения народов региона в Российскую империю носила мирный и добровольный характер. В этой связи для обозначения процесса предлагался термин “вхождение” вместо традиционных для историографии “завоевание” и “присоединение”. Оба последних слова, на наш взгляд, лексически более точно отражали суть исторического процесса.

В постсоветской исторической литературе обнаружилось принципиально различающиеся подходы к изучению вопроса. Навязанное единомыслие в освещении проблем интеграции Кавказа в Российскую империю, некорректное в политическом и несостоятельное в научном отношении, рухнуло вместе с единовластием партии. Выявились резкое неприятие и критика концепции “добровольного вхождения” народов в состав России, а также попыток отказаться от использования терминов “Кавказская война” или “колониальная” при оценках внешней политики империи.

Следует отметить, что и отвергаемая ныне концепция мирного и “добровольного вхождения” содержала некоторые рациональные зерна, акцентировав историческую самостоятельность народов региона в их отношениях с империями, боровшимися за влияние на Кавказе. Этот аспект исследования проблемы не должен быть утрачен в последующих интерпретациях исторического процесса.

Советские кавказоведы внесли огромный вклад в изучение истории и традиционной культуры народов Северного Кавказа. Достаточно назвать имена нашего земляка Л.И. Лаврова, М.О. Косвена, В.К. Гарданова, М.М. Блиева, А.И. Робакидзе и многих, многих других. К сожалению, ограниченность в объеме не позволяет нам остановиться подробнее на этой странице.

Наиболее массовыми источниками являются археологические. На территории Северного Кавказа раскопки стали проводиться ещё в до революции. Археологические материалы стали не только достоянием музеев, но и нашли отражение в многочисленных монографиях и публикациях. Археологи не случайно ведут речь не о народах, оставивших определенные комплексы, а об археологических культурах, отличающихся

одна от другой определенным набором соответствующих признаков, скажем, керамикой, погребальными сооружениями, воинским снаряжением. Проводить прямые параллели археологических культур с отдельными народами не всегда возможно и правомерно. Так, из этнографии хорошо известно, что северные и южные русские в дореволюционный период имели весьма различную традиционную культуру. В то же время, например, у молдаван и западных украинцев много похожего, но они принадлежат к разным народам. Таким образом, однородность материальной культуры не может служить свидетельством однородности этнического состава, поскольку орудия труда, украшения, оружие заимствовались и распространялись достаточно быстро. Поэтому данные археологии не стоит абсолютизировать при выделении ареалов проживания тех или иных народов в глубокой древности.

Важным источником являются данные лингвистики. Указывая на родство языков они свидетельствуют и о родстве их носителей. Сложность этнической истории народов региона проявилась в чрезвычайной языковой пестроте населения, что отразилось в сочинениях средневековых восточных авторов. Данные языкознания позволяют определить влияние на язык обитателей региона лексики пришлых народов, оценить степень и результаты заимствований. Особое место в ряду языковых материалов играют топонимы (включая гидронимы). Чаще все географические объекты (горы, реки и пр.) сохраняют названия, присвоенные первопоселенцами. Поэтому я вам очень рекомендую топонимические словари, которые выходили по каждому народу Северного Кавказа. Если топонимы не выводимы из языка ныне живущего этноса, надо искать предков, этносы, оставившие о себе такую память. Правда, следует иметь в виду, что родство языков не всегда является свидетельством родства культур. Скажем, к одной финно-угорской языковой группе относятся ханты, манси и венгры. Но сколь разный исторический путь прошли эти народы, столь они отличаются по материальной и духовной культуре.

У каждого народа существовали свои предания и легенды относительно собственного происхождения. Эти фольклорные материалы, особенно этнонимические и топонимические предания, позволяют оценить глубину памяти народов. Зачастую они находят параллели в других источниках. Однако при этом надо иметь в виду, что фольклорные источники на протяжении веков видоизменялись, приобретали всё более мифологизированный характер, дополнялись письменными версиями.

Письменные источники (античные, арабские, персидские, турецкие и др.), касающиеся Северного Кавказа, ограничены во времени и в пространстве. Ранние сведения (с VI в. до н.э) как правило, принадлежащие античным авторам, далеко проживавшим от Кавказа, важны, но не всегда точны в локализации тех или иных народов. К тому же в ряде случаев они зафиксировали этносы, которые к настоящему времени не сохранились, скажем скифы, сарматы, киммерийцы и др. Я вам очень рекомендую книгу, изданную в 1990 г. в Ростове «Кавказ и Дон в произведениях античных авторов», где приводятся оригинальные тексты греческих и римских историков и географов о регионе. Очень хороший сборник «Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII – XIX вв.». Нальчик, 1974.

Гораздо большей достоверностью обладают письменные свидетельства грузинских, армянских, а затем и русских авторов, лучше знакомых с ситуацией на Северном Кавказе. Уже в ранних письменных источниках зафиксированы самоназвания и наименования народов соседями. Однако во многом они определялись политической и этнической ситуацией в регионе и далеко не всегда свидетельствовали о языке, на котором говорил тот или иной народ. Скажем, кавказоязычные адыги долгое время именовались тюркоязычным термином черкесы, тюркоязычные балкарцы и карачаевцы – иранскими ас и алан, а ираноязычные осетины называли себя дыгорон и ирон – терминами кавказскими по своей языковой природе.

В решении проблем истории народов Северного Кавказа особый интерес представляют данные этнографии. Собранные ещё в дореволюционный период сведения об обычаях и обрядах народов Северного Кавказа, их материальной культуре позволяют выделить общее и особенное, провести параллели с археологическими и иными материалами. Важным источником является картографический материал. Уже с IV в. до н.э. делались попытки составить карту региона с нанесением на неё названий различных народов. Наиболее полные картографические данные относятся к XVIII – XIX вв.

Постоянное взаимодействие народов на протяжении многих веков, включая его мирные и немирные формы, привело к тому, что попытки найти в регионе самый древний и самый чистый по крови народ обречены на провал. У каждого народа Северного Кавказа наряду с древними автохтонными элементами можно обнаружить индоиранские, тюркские, ближневосточные, закавказские и иные черты. Столь же бесплодны и попытки приватизировать наследие кого-то из великих предков (ими

объявляются то хетты, то аланы, то меоты, то урартийцы). Данные разных наук о Кавказе показывают, что чем древнее народ, тем больше у него предков, тем богаче его язык, материальная и духовная культура, в которой обнаруживаются наслоения многих эпох и традиций.

Первые люди пришли на Черноморское побережье Кавказа из Малой Азии. Произошло это около 350 тыс. лет назад. Эту эпоху археологи* называют ашельской по имени небольшой французской деревни Сент-Ашель, в окрестностях которой впервые были найдены орудия этого времени. Древнейшие следы обитания человека были обнаружены в окрестностях Хосты, в низовьях реки Мзымты и на правобережье реки Псоу. Самым характерным орудием в ашельскую эпоху было ручное рубило. Его изготавливали путём обивки обточенного водами реки булыжника 10-30 ударами. Орудие с узким зубчатым краем позволяло резать мясо, рассекать суставы и хрящи, выскабливать шкуры, заострять палки.

Люди ашельской эпохи вели полукочевой образ жизни, не задерживаясь долго на одном месте. Женщины охраняли жилище, поддерживали огонь, заготавливали топливо, собирали растительную пищу, заботились о детях и стариках. Мужчины занимались изготовлением орудий труда и охотились на пещерного медведя. Это был огромный, лохматый зверь, достигавший веса в 900 кг. Причём этот гигант вовсе не походил на такого своего агрессивного потомка, как современный бурый медведь. Пещерный медведь был медлительным, смирным, питался в основном растительной пищей. При охоте на пещерных медведей люди били их на тропах и пастбищах, пользовались дубинами и копьями. Древнейшие обитатели края выжили на мясе, жире и шкуре этого мирного животного. Людей этого времени называют палеоантропами (от греческих слов палео – древний, антропос – человек). В этот период формируется человеческая речь, появляются слова-предложения.

Ашельская эпоха сменилась мустьерской. Она получила своё название от французского селения Мустье, где впервые были найдены орудия этого времени. Мустьерские люди широко расселяются вдоль всего северного склона Большого Кавказа и в Причерноморье, проникают в Дагестан. Для района Черноморского побережья Кавказа эта эпоха представлена памятниками, датированными временем 70 тыс. лет назад. В 15 км от Адлера на правом берегу р. Мзымты расположена Ахштырская пещера. В ней

---

* Археология (от греческих слов архео – древний, логос – учение, слово) – наука, изучающая историю общества по материальным остаткам жизни и деятельности людей, вещественным памятникам

обнаружены древнейшие следы обитания человека. Другим памятником мустьерцев является Малая Воронцовская пещера, расположенная в верховьях реки Восточная Хоста в 16 км от берега моря. Мустьерские слои этих и других пещер в окрестностях современного Сочи характеризуются техникой пластинчатого скалывания каменных орудий. В результате получались плоские пластины с устойчивым лезвием по всему краю. Режущие края орудий приобретали в эту эпоху пилообразное сочетание зубов и выемок. Значительная часть найденных в Воронцовской пещере каменных орудий предназначались для обработки дерева. Мустьерцы применяли разнообразный набор каменных и деревянных орудий, использовали копье и дротик с каменным наконечником. Наряду с пещерным медведем предметом охоты становится быстроногий олень. Жители пещеры, находящейся в 1,5 километрах юго-западнее села Кепши питались мясом тура и пещерного медведя, ловили мышей и хомяков, охотились на горную индейку и кавказского тетерева.

Увеличение запасов пищи разграничило мужской и женский труд. Женщины всё своё время проводили на стоянках, поддерживали огонь, собирали и обрабатывали растительную пищу, вялили и коптили мясо. Мужчины были заняты охотой и рыболовством. Пещеры в окрестностях современного Сочи были заселены тогда неандертальцами – от названия долины Неандерталь в Германии, где были найдены останки ископаемых древних людей. К концу мустьерской эпохи они принимали облик, близкий к современному человеку.

35 тыс. лет назад происходят важные изменения в биологическом развитии древних людей. Они приобретают современный вид. Этих людей учёные называют кроманьонцами – от названия грота Кро-Маньон во Франции, где были найдены их костные останки. Тогда же формируются и расовые признаки. Так, на стоянке в Холодном гроте (Абхазия) были найдены человеческие кости и черепа, в которых выдающийся антрополог* Михаил Михайлович Герасимов определил негроидные признаки. По-видимому, негроиды сосуществовали с кроманьонцами. Следы пребывания кроманьонцев зафиксированы в Ацинской и Хостинской пещерах. Техника пластинчатого скалывания уступает в этот период место призматической технике раскалывания кремния. Она позволяла придавать каменному орудью более точные и детальные формы. Три-четыре типа универсальных изделий заменяются такими

---

* Антропология (от греческих слов антропос – человек и логос – учение, слово) – наука о происхождении и эволюции человека

разнообразными кремнёвыми орудиями, как ножи. Резцы, скребки, свёрла, наконечники копий и дротиков. Получают распространение костяные гарпуны для ловли рыбы. Изобретение шитья позволило изготавливать из звериных шкур достаточно прочную и тёплую одежду, защищающую тело от холода. Это привело к потере кроманьонцами волосяного покрова.

Помимо пещер кроманьонцы на Черноморском побережье обитали в деревянных жилищах. Первичной ячейкой общества становится парная семья. Пять-десять таких семей составляли общину, а самым крупным общественным объединением было племя. Каждое племя осуществляло контроль за охотой и собирательством на своей территории. Дичь делилась между всеми охотниками по определённым нормам. Внутри каждого племени начинают складываться свои традиции: верования, обряды, способы охоты, манера изготовления орудий. Мышление и память уже позволяли передавать из поколения в поколение информацию в форме преданий и мифов.

В V – III тысячелетии до нашей эры происходят важные изменения в жизни людей Черноморского побережья, которые имели подлинно революционное значение. Не случайно начало этой эпохи археологи называют неолитической революцией (от слова неолит – новокаменный век). Если долгое время человек являлся игрушкой природы, брал у неё то, что она давала, то теперь он переходит от добывающего хозяйства к производящему. Как это произошло? Совершенствование охотничьего оружия привело к обеднению животного мира. Исчезают последние пещерные медведи, всё большее значение приобретает охота на мелких животных. Поэтому изобретаются лук и стрелы, а также праща. Оскудение пищевых ресурсов привели к раздроблению общества, учащаются межплеменные столкновения. И только переход к производящему хозяйству позволил выправить ситуацию. Одомашнивание некоторых домашних животных удовлетворило потребности в мясе и молоке. Вложенный в землю труд обеспечил достаток хлеба. Продукты производящего хозяйства надо было где-то хранить. Поэтому люди приходят к мысли об изготовлении гончарной посуды.

На холмистых предгорьях современных сёл Ахштырь, Казачий Брод, Молдовка, Пластунка, горах Батарейка и Малый Ахун археологи обнаружили остатки не только грубой лепной посуды, но и мотыжки для рыхления земли, переворачивания грунта и подсекания корней растений. Материалом для изготовления мотыжек служили окатанные речные гальки. Сильным ударом по ребру эти гальки раскалывали на две

половины, обтёсывали вдоль полукруглого лезвия. В тыльной части орудия несколькими сколами выделяли узкий черешок для закрепления мотыжки на деревянной рукояти. Мотыжки, обнаруженные на Черноморском побережье Кавказа, очень похожи на соответствующие земледельческие орудия Передней Азии, где они датируются концом VI – III тысячелетия до н.э. Это сходство говорит о связях племён Черноморья с древними культурами Междуречья. Обмениваясь продуктами изделиями, совершая многотрудные военные походы, кавказские причерноморцы перенимали то лучшее, что было накоплено соседями в течение тысячелетий.

Поскольку мотыжное земледелие было одним из главных занятий женщин, господствующее положение имел материнский род. Академик Н.И. Вавилов доказал, что Дагестан и Закавказье входят в очаги происхождения хлебных злаков, зерновых, бобовых и льна. В условиях относительно мягкого и влажного климата горных и предгорных районов Северного Кавказа примитивное земледелие не требовало искусственного орошения. Однако немало труда приходилось затрачивать на очистку от обильной древесной и кустарной растительности, с чем связано распространение топоров. Неолитические племена Северного Кавказа возделывали разные сорта пшеницы, ячменя, ржи и бобовых культур. Обитатели неолитического слоя Чохского поселения в Дагестане содержали домашних овец и коз уже в начале VI тысячелетия до н.э. На холмистых предгорьях современных сёл Черноморского побережья Кавказа археологи обнаружили остатки не только грубой лепной посуды, но и мотыжки для рыхления земли, переворачивания грунта и подсекания корней растений. Материалом для изготовления мотыжек служили окатанные речные гальки. Сильным ударом по ребру эти гальки раскалывали на две половины, обтёсывали вдоль полукруглого лезвия. В тыльной части орудия несколькими сколами выделяли узкий черешок для закрепления мотыжки на деревянной рукояти. Мотыжки, обнаруженные на Черноморском побережье Кавказа, очень похожи на соответствующие земледельческие орудия Передней Азии, где они датируются концом VI – III тысячелетия до н.э. Поскольку мотыжное земледелие было одним из главных занятий женщин, господствующее положение имел материнский род.

Во второй половине IV – начале III тысячелетия до нашей эры первобытные люди Северного Кавказа делают ещё одно важное открытие. Человек познаёт искусство добычи и обработки металла. Первым металлом, который освоили древние жители

побережья, стала медь. Пройдут тысячелетия, пока металл полностью вытеснит камень. Но открытие удивительных свойств меди – возможность плавки и отливки в формах,ковки, знаменовало наступление новой эры в истории человечества. Открытие меди заставило первобытных металлургов искать её месторождения, расширить зоны обитания людей.

Развитие металлургии, связанной с добычей и обработкой меди, а также всё расширяющиеся торговые связи постепенно выводили мужчину на первое место. Открытие чудесных свойств меди показало явное преимущество металлических орудий над каменными. В III тысячелетии до н.э. древние кавказцы сделали новое открытие. Они обнаружили, что если к выплавляемой самородной меди добавить мышьяк, то получается новый сплав – бронза. Бронза оказалась твёрже меди. Кроме того, она была более легкоплавкой, а значит и более удобной для изготовления орудий. Эпоха бронзового века хорошо представлена на Северном Кавказе племенами майкопской, северокавказской, катакомбной, куро-аракской и дольменной археологическими культурами.

Открытие чудесных свойств меди показало явное преимущество металлических орудий над каменными. В III тысячелетии до н.э. древние кавказцы сделали новое открытие. Они обнаружили, что если к выплавляемой самородной меди добавить мышьяк, то получается новый сплав – бронза. Бронза оказалась твёрже меди. Кроме того, она была более легкоплавкой, а значит и более удобной для изготовления орудий. Эпоха бронзового века хорошо представлена на Черноморском побережье Кавказа дольменной археологической культурой*, датируемой 2700–1400 г. до н.э.

Дольменами называются каменные гробницы, сложенные из больших плит известняка и песчаника. Само слово «дольмен» в переводе с кельтского языка означает «каменный стол». Этот термин ввёл в науку во второй половине XIX века английский учёный Бодэн. Дольмены распространены на Черноморском побережье Кавказа от Таманского полуострова до Абхазии. Чаще всего эти монументальные сооружения сложены из четырёх вертикальных плит и одной горизонтальной (крыши). Встречаются также дольмены-монолиты, целиком высеченные в скале. Искусство строителей дольменов до сих пор поражает воображение: каменные плиты скреплены при помощи пазов, подтёсок, подшлифовок так, что часто между ними нельзя просунуть лезвие ножа.

---

* Археологическая культура – памятники одной территории и эпохи, имеющие общие черты в орудиях труда, общественной жизни, культуре, жилищах и т.п.

В передней стене плиточного дольмена пробивалось круглое отверстие-вход, который закрывался каменной пробкой.

Высота этих удивительных памятников от 80 см до 2,5 м. Имеются дольмены, одна стена которых весит до 20 тонн, а крыша до 10 тонн. Монолитный дольмен, вырубленный из целой глыбы, находится в долине реки Годлик (Лазаревский район). Часто встречаются и полумонолитные корытообразные дольмены, вырубленные из глыбы камня и накрытые сверху плитой-крышей. В районе Новороссийска сохранился дольменный комплекс на отрогах горы Серегой у посёлка Васильевка. Здесь впервые зафиксированы дольмены в каменных башнях. Широкий проход со ступенькой внизу и выступающим из стены башни козырьком вёл к передней плите камеры дольмена. Известняковая плита была доставлена за десятки километров к месту сооружения дольмена. В окрестностях Сочи также имеются составные, монолитные, корытообразные и колодцеобразные гробницы.

Загадочность и необычность мегалитических* построек до сих пор вызывают острые дискуссии среди учёных. Для чего древние строители возводили столь трудоёмкие монументальные сооружения? Местного ли происхождения дольменная культура, или была привнесена из других земель?

Коренные жители-адыги называли эти уникальные памятники «испун» – «дома карликов. По сказаниям горцев, одновременно с великанами-нартами на Кавказе жили крошечные люди, слабые и беспомощные, ездившие верхом на зайцах. Пожалев этих маленьких людей, нарты возвели им из громадных каменных плит неприступные дома-крепости. В передней части этих домов проделывался столь небольшой проход, что через него мог пролезть только маленький человек.

Поселившиеся на побережье в XIX в. русские крестьяне называли дольмены «богатырскими хатами», украинцы дали наименование «дидовы хаты». Сохранилась легенда казаков периода Кавказской войны. Как-то один из русских отрядов вёл в горах бои с черкесами и занял одну из высот. В это время на другой вершине в пределах видимости отряда из «богатырской хаты» вышел великан. Он снял громадную плиту, положил её на ладонь, сверху на эту каменную глыбу посадил маленькую жену, и с этой ношей на виду у изумлённых казаков стал удаляться в горы.

---

* Мегалиты (от греческих слов мега – большой и литос – камень) – культовые сооружения из огромных необработанных и полупереработанных каменных глыб

Изучение дольменов затруднено тем, что их сооружали на поверхности земли. Поэтому их грабили и использовали для собственных захоронений вплоть до эпохи средневековья. При раскопках дольменов у археологов всегда встаёт вопрос: относятся ли находки к строителям дольменов?

Большинство исследователей связывает появление дольменов с внедрением в местную этническую среду неизвестных пришельцев – носителей новых культурных традиций. По одной из версий строители дольменов были мореходами, выходцами с Пиринейского полуострова. На это указывает сходство западнокавказских дольменов с древнейшими гробницами Португалии и острова Сардиния. Переселенцы, по-видимому, представляли собой значительную силу. Они вытеснили местные племена майкопской археологической культуры в восточные районы Кавказа.

Существует также гипотеза, что традицию сооружения дольменов принесли на Кавказ племена из Центральной Европы, носители культуры «шаровидных амфор». Отдельные учёные считают, что строители дольменов принадлежат к древнему абхазо-адыгскому населению. Сторонники «пещерной теории» полагают, что дольмены возникли из естественных гротов, которые служили в предшествующее время усыпальницами.

Верования строителей дольменов. Почти все дольмены обращены своим входом к солнцу. Видимо, строители дольменов поклонялись этому светилу. На некоторых дольменах на наружной и внутренней поверхности изображены зигзагообразные линии, шашечки и лунки, символизирующие культ воды и солнца. На наружной поверхности дольмена, который находится близ аула Большое Псеушхо и дольмена вблизи села Адигналово имеются шишкообразные выпуклости, напоминающие женскую грудь. Это говорит о культе материнства, порождённом эпохой матриархата.

Характерной чертой заупокойного культа строителей дольменов является стремление как можно крепче изолировать внутреннее помещение дольмена от внешнего мира. Тщательность подгонки плит не допускала ни малейшей щели. Условия плотной герметичности давали гарантии для вечного успокоения родственников. Умерших сначала оставляли в священной роще вблизи дольменов. Когда от усопших оставались одни кости, их собирали, присоединяли к ним вещи покойного или пожертвования родственников, оружие, украшения, керамическую посуду с заупокойной пищей. На площади жрец разжигал огонь и осуществлял действия, призванные предотвратить

возможность выхода душ, уже заключённых в гробницу, когда вынималась пробка. Затем низкорослый помощник жреца проникал внутрь дольмена. Ему подавали кости и вещи, которые он укладывал на свободное место у стены. На это указывает порядок в расположении скопления костей и вещей.

Занятия и общественный строй строителей дольменов. В результате раскопок Дегуако-Даховского поселения археологами были обнаружены материалы, которые позволяют говорить об оседлом образе жизни строителей дольменов, занятии скотоводством и земледелием. Племена дольменной культуры разводили крупный рогатый скот, свиней и овец. О развитии земледелия говорят находки мотыг и кремнёвых вкладышей для серпов. Активно занимались строители дольменов рыболовством и охотой на морских животных. На раскопках Геленджикского поселения были найдены кости дельфинов.

Обнаружены следы металлургического производства, большое число изделий из мышьяковистой бронзы: топоры, кинжалы, булавки, украшения, наряду с которыми продолжали широко бытовать кремнёвые наконечники стрел. Строители дольменов изготавливали керамическую посуду, умели прясть и ткать, обрабатывать кожу и кости. Особенно высокого уровня достигла в связи со строительством дольменов техника обработки камня. Выломку плит песчаника и известняка производили с помощью деревянных колышков, забивавшихся в ямки, выдолбленные по нанесённому заранее на поверхность скалы контуру. Колышки поливали водой. Разбухая. Они отламывали плиты необходимого размера. Плиты подвергали грубой обработке и перебрасывали с помощью катков, рычагов и верёвок, с использованием тягловой силы животных и большого количества людей, на место установки. Поверхности плит подвергали тщательной обработке бронзовыми тёслами с узким лезвием. Расчёты величины и формы плит указывают на определённые математические знания строителей дольменов: понятия о прямых углах, окружности, различных изменениях квадратов. При установке дольмена использовали сложную систему рычагов и блоков.

В обнаруженном рядом с могильником на Мысхакском поселении дольменной культуры встречались древнейшие каменные якоря морских судов. Это подтверждает тот факт, что носители дольменной культуры были мореходами.

В общественном отношении дольменники прошли ту стадию, когда основной ячейкой являлся род. Однако наряду со значением семьи в жизни местных племён

сохранилась сила родовых связей, благодаря которым сообща возводились многотонные сооружения. Существование сложной системы религиозных представлений, связанных с особым родовым кладбищем, солярными знаками и площадками для молений говорит о выделении влиятельной жреческой касты.

К XIV столетию до н.э. носители дольменной культуры, по-видимому, слились с племенами, имевшими закавказский культурный облик.

Таким образом, племена дольменной культуры находились на высокой по тому времени ступени развития. Они занимались земледелием и скотоводством, морским промыслом, постигли тонкости обработки бронзы, яркую технику возведения многотомных каменных гробниц, обладали сложной системой народных знаний и религиозных верований.

Существование майкопской археологической культуры относится ко второй половине III тыс. до н.э. (2500–2000 гг. до н.э.) Она раскинулась на обширном пространстве от Тамани до Дагестана, но сердцем её являлось Прикубанье. В самом конце XIX в. внимание выдающегося археолога Н.И. Веселовского привлекла грандиозная земляная насыпь в г. Майкопе. Она оказалась погребальным памятником – курганом, давшим впоследствии название знаменитой майкопской культуре. Под 11-метровой толщей Майкопского кургана была открыта четырёхугольная погребальная камера, разделённая на северную и южную части. Северная в свою очередь, делилась пополам. В большом отсеке на циновке покоился одетый в богатейшие платья мужчина. Тело его было покрыто красной краской и усеяно многочисленными золотыми украшениями, состоящими из штампованных фигурок львов, быков, колец, и множества бус. Все они были нашиты на полог, который укрывал погребенного. В двух других камерах находились женщины. Вдоль стен могилы были расставлены сосуды, на дне находились орудия труда из меди и камня. Балдахин поддерживали серебряные трубочки, на концы которых были насажены фигурки золотых и серебряных бычков. Неповторимые в своём изяществе золотые и серебряные изделия уводят к традициям малоазийских культур, а древнейшие сердоликовые бусы заставляют вспомнить об искусстве индийских и иранских ювелиров.

Юго-восточными соседями майкопцев были племена иной культуры, связанной с Закавказьем. Впервые памятники этой культуры были выявлены в междуречье Куры и Аракса, почему она и была названа куро-аракской. На Северном Кавказе куро-аракская

культура была распространена на всей территории Дагестана, включая прикаспийскую плоскость, предгорные и высокогорные районы Чечни и Ингушетии, где она граничила с майкопской культурой, а также в Северной Осетии. Основу оседлого быта куро-аракских племен Северного Кавказа составляло комплексное земледельческо-скотоводческое хозяйство. Его потребностям определялся выбор мест для поселения вблизи пахотных угодий и пастбищ. Для обработки полей наряду с мотыгами применялись простейшие плуги и сохи. С развитием пашенного земледелия в горных районах вскоре стала ощущаться нехватка пригодных для этой цели земель. Это привело к необходимости создания искусственных террасных полей и раннему созданию в Дагестане своеобразного террасного земледелия. Рост производительных сил, усложнение различных отраслей хозяйства и производства отражаются на социальной организации общества. В горном Дагестане появляются склепы, в которых хоронили представителей больших патриархальных семей. Выделение патриархальных семей, накопление семейной собственности подрывали основы первобытно-общинных отношений. Имущественное и социальное расслоение усиливали войны и военная добыча. Родоплеменная знать сосредотачивает в своих руках богатства, присваивает большую часть военной добычи. Выделение такой знати нашло отражение в появлении погребений с повозками, как в с. Утамыш. Племена Северо-Восточного Кавказа поддерживали тесные связи с закавказскими и майкопскими племенами. Об этом говорит поселение со смешанными куро-аракскими и майкопскими чертами в Чечне (Луговое).

В эпоху средней бронзы развилась северокавказская археологическая культура (2000–1000 гг. до н.э.) Её следы в виде бытовых и погребальных комплексов находят на значительной территории Северного Кавказа: в степях Прикубанья, в долинах рек Кумы, Терека и даже в малодоступных горах Кавказского хребта от истоков р. Белой до самого Каспия. Памятники северокавказской культуры многообразны. Чаще всего, это курганы, но встречаются также и грунтовые погребения, содержащие могилы в виде каменных ящиков, склепов и обычных ям. Широкое использование камня при возведении погребальных сооружений, близкий обряд захоронения, некоторые типы керамической посуды позволяют производить северокавказскую культуру от предшествующей ей майкопской культуры. Испытывая на себе влияние знаменитых майкопцев, северокавказская культура приобрела свою самостоятельность в середине 2 тыс. до н. э. Потом, под воздействием культур северных степных племён эта самостоятельность стала

утрачиваться. Лицо северокавказцев эпохи Средней бронзы определяют изящно выгнутые боевые и ритуальные топоры, а также крупные булавы из твёрдых пород камня. Северокавказские кузнецы хорошо владели прогрессивными методами литья металла. Прежде всего, это литьё по восковой модели. Это техника проста, но требовала от древнего металлурга большой смекалки. Модель будущего изделия лепилась из воска, обмазывалась глиной и обжигалась. Растопившийся воск вытекал наружу через специально оставленное отверстие. Затем в отверстие наливали расплавленный металл и после охлаждения глиняную оболочку разбивали.

Катакомбная культура была распространена на обширной территории степей от Поволжья до Приднепровья. Название это связано с особенностью погребального обряда. Для погребения в одной из стенок глубокой подкурганной ямы вырубали особую камеру – катакомбу. С покойником клали глиняные сосуды со шнуровым узором, а также богато орнаментированные глиняные курильницы в виде чаш на крестовидной ножке. Будучи тесно связаны с Кавказом, племена катакомбной культуры распространяли в степях достижения кавказских племён. Большую роль в этом играл колёсный транспорт. Повозки с массивными колёсами без спиц не раз встречаются в катакомбных погребениях. Оставленные катакомбниками курганы известны в Прикубанье, в Ставрополье, в Моздоке, в Кабардино-Балкарии, у станции Манас и г.Дербента в Дагестане.

С середины 2 тыс. до н.э. на Северо-Восточном Кавказе складывается каякентско-хорочевская культура, получившая своё название от имени Каякентского могильника в Дагестане, Хорочевского в Горной Чечне. Она характеризуется одиночными захоронениями в каменных ящиках. Это говорит о процессе дробления большесемейных общин. Но родственные узы между парными семьями, входившими в большесемейные общины были ещё весьма крепкими. На родовых кладбищах захоронения в каменных ящиках располагались обычно отдельными группами, каждая из которых была оставлена близкими родственниками. Контакты с племенами сопредельных областей Кавказа способствовали развитию здесь коневодства. Изображение повозок и двухколесных колесниц имеется на каменных ящиках на Берикейском могильнике и в находках вблизи г. Буйнакса.

Горные области Центрального Кавказа в конце 2 – начале 1 тыс. до н.э. по обе стороны Главного кавказского хребта, а также северные склоны предгорий Центрального

и частично Северо-Восточного Кавказа заселяли племена Кобанской культуры. Она названа по могильнику, открытому близ с. Кобан в Северной Осетии. Могильники кобанской культуры производились в простых грунтовых ямах, в ямах со стенками, выложенными булыжником или плитками, в массивных каменных ящиках, перекрытых целыми или обломками плит. Специфические формы украшений, оружие и особенно посуда выделяют носителей кобанской культуры от других племен Северного Кавказа. Это корчагообразные чернолощенные сосуды, сосуды с округлым туловом и плавноотогнутым венчиком.

Эпоха поздней бронзы на Северо-Западном Кавказе связывается с Прикубанской культурой, которая датируется 11-7 вв. до н.э. Её своеобразие связано с чрезвычайным обеднением погребального инвентаря. В могилах прикубанцев археологи находят обычно 2-3 глиняных сосуда, а то и вовсе обломок керамики с углём. Сама погребальная яма напоминает колодец сподбоем (катакомбой). В хозяйственной жизни прикубанцы, заселявшие правобережье Кубани и восточный берег Чёрного моря от Тамани до Сочи, не произошло серьёзных изменений. В степных районах преобладало пастушеское скотоводство, а в предгорьях оно сочеталось с достаточно развитым земледелием. Главная черта прикубанской культуры – достижения в металлургическом производстве. Местные племена создали яркий центр по изготовлению медных, бронзовых, а впоследствии и железных изделий. Почерк прикубанских ремесленников определяют мощные топоры с четкой молоточной частью, резко изогнутые серпы и богато орнаментированные булавки для скрепления одежды. Древнейшим памятником на территории современного Новороссийска является поселение «Мысхако», относящееся к IV тыс. до н.э. На «Мысхако» было найдено медная проколка, повторяющая форму некоторых костяных проколов. Но самой ошеломляющей стала находка клада медных слитков одинаковой формы и веса. На слитках сохранились отпечатки ткани, в которую они были завернуты. Это позволило по-иному взглянуть на некоторые костяные инструменты, которые, по-видимому, использовали для набивки нитей в тканях на вертикальном ткацком станке. Форма медных слитков в «Мысхако» похожа на слитки куро-аракской культуры, послужившей основой для формирования многих древних народов. Развитие металлургии, связанной с добычей и обработкой меди, а также всё расширяющиеся торговые связи постепенно выводили мужчину на первое место.

В I тысячелетии до н.э. человечество вступило в век добычи и обработки железа. На Северном Кавказе производственное освоение железа началось в VIII в. до н.э. Но лишь несколько столетий спустя этот металл становится здесь основным материалом для производства орудий труда и оружия.

Происходит в эту эпоху ещё одно важное событие. Если ранее история древних жителей Кавказа прослеживается лишь по их материальным остаткам, археологическим находкам, то с I тысячелетия до н.э. биография края получала отражение в письменных источниках. Античные историки и географы Геродот, Диодор Сицилийский, Страбон, Гелланик Митиленский и многие другие донесли до нас свидетельства о народах, населяющих Причерноморье 2–3 тысячи лет назад. Среди племён, о которых рассказали древние историки, важное место принадлежит киммерийцам, скифам, синдам и меотам.

Киммерийцы, судя по данным античных историков, представляли собой мощный племенной союз. Обладая сильным, хорошо вооруженным и организованным войском, они проводили завоевательную политику. В начале I тыс. до н.э. не знавшие усталости киммерийцы овладели Северо-Западным Кавказом. Источники связывают с именем киммерийцев ряд географических названий. Так, Керченский пролив на картах античной поры обозначен как Боспор Киммерийский. Именно отсюда на рубеже 8-7 в. до н.э. киммерийцы отправились вдоль берега Чёрного моря в военный поход на юго-восток – в земли Передней и Малой Азии.

Главной причиной территориальных перемещений киммерийцев явилось вторжение в степи Предкавказья агрессивных скифов. Скифы представляли собой объединение многочисленных племён, ядром которых выступали ираноязычные народы. Расселившись в низовьях Дона и в северных районах Предкавказья около 8 в. до н.э., скифы установили тесные связи с соседствующими северокавказскими народами. Будучи подвержены кочевому быту в 70-х гг. 7 в. до н.э. скифы совершили ряд военных походов в Переднюю Азию. Широкой лавиной скифские полчища охватили предгорья Северного Кавказа, избрав для себя главной дорогой Прикаспийский путь. Лишь в конце 7-начале 6 в. до н.э. кочевники вернулись в Северное Причерноморье, установив здесь свое господство на 500 лет. Усилилось скифское влияние на культуру местных племён. Это выразилось в повсеместном распространении знаменитого звериного стиля в искусстве и

коротких мечей акинаков. Скифоидные элементы органически вплелись в местные традиции, обогатили их новым содержанием.

Основным населением Северо-Западного Кавказа в эпоху раннего железа выступали меоты, синды и племена Черноморского побережья Кавказа. Термин «меоты» является собирательным, объединяющим группу родственных племён. Впервые он упоминается в источниках 6 в. до н.э. Вопрос о происхождении наименования «меоты» вызывает в науке большие споры. Согласно одной из гипотез он происходит от адыгского «мэутхьох», что означает «море, которое мутнеет».

Владения меотского племенного союза упирались на западе и юго-западе в берега Азовского и Чёрного морей, на юге достигали Главного кавказского хребта, на севере, в степной зоне граничили с землями савроматов, на востоке доходили до Ставропольского плато (район нынешней станицы Темижбекской). Сложение меотской культуры относится к 8 - началу 7 в. до н.э. Часть учёных полагает, что меоты относятся к кавказской языковой семье и являются предками адыгов. Раскопки меотских поселений учеными прослеживают непрерывную линию развития с 7 в. до н.э. по 3 в. н.э. Более поздние письменные источники 10 в. сообщают нам о племенах касогов, которые бесспорно являются предками современных адыгов. Незаполненный пробел между 3 и 10 вв. не позволяет говорить о прямой преемственности адыгов от меотов.

Первое упоминание о синдах мы встречаем у поэта VI в. до н.э. Гиппонакта из Эфеса. Синды жили на Таманском полуострове и на прилегающей части Черноморского побережья до современной Анапы, и далее – до района современных станиц Раевской и Натухаевской. Северной границей Синдики являлась река Кубань, а на востоке её территория простиралась до современного хутора Красно-Батарейного (Крымский район).

Вопрос о происхождении синдов до сих пор вызывает дискуссии среди историков и лингвистов. Одни относят синдов к кавказской языковой группе языков и причисляют их к меотам – древнему населению бассейна реки Кубани. В названии «синды» видят отголосок имени «шиндживе». Так в XIX в. обитатели Черноморского побережья убыхи именовали своих ближайших соседей – абадзехов (одно из адыгских племён). Другие учёные считают синдов остатками индоариев, которые во II тысячелетии до н.э. переместились из Северного Причерноморья (территория современной Украины) на юго-восток. Язык синдов, по мнению этих исследователей, является одним из диалектов

индоарийской группы языков. Поскольку адыги принадлежат к кавказской языковой группе, то синды не могут считаться предками адыгов.

Синды оказались очень восприимчивы к культуре поселявшихся в Причерноморье греков. Основой хозяйства синдов являлось земледелие и скотоводство. Синды выращивали пшеницу, ячмень и просо. Обуглившиеся зёрна этих растений были обнаружены при раскопках синдских поселений. Благоприятные географические условия и соседство греческих колоний способствовали распространению виноградарства и виноделия. О социальном устройстве синдов рассказали раскопки знаменитых Семибратних курганов. Они находились в 12 км к западу от станицы Варениковской (Анапский район). В курганах были погребены представители синдской аристократии, а возможно, члены династии местных царей в период политической самостоятельности Восточной Синдики. Раскопанные останки сопровождаются железные мечи, бронзовые и железные пластинки от чешуйчатых панцирей, которые в древности нашивались на кожаную рубашку. На груди у одного из царей лежала превосходная серебряная пластина с изображением оленя с ветвистыми рогами. Погребения синдской знати сопровождались конскими захоронениями. При них были найдены богатые бронзовые уздечные наборы, украшенные фигурками животных, большие бронзовые колокольчики.

Рядом с Семибратними курганами раскопано большое древнее кладбище, где находили последний приют души рядовых синдов...

Некоторые учёные полагают, что в Восточной Синдике в последней четверти V в. до н.э. сложилось государство. На это указывают высокий уровень социально-экономического развития синдов, их эллинизация, наличие городов с одновременным существованием неукреплённых сельских поселений. О складывании у синдов государства говорит и найденная серебряная монета с надписью «синдон».

Пытаясь определить столицу Синдики, учёные часто вспоминают свидетельство древнегреческого географа Страбона, жившего в I в. до н.э.: «В Синдской области есть место Горгиппия – царская столица синдов, недалеко от моря, а также Аборака». Но такое свидетельство Страбона вызвало у историков вопросы. Во-первых, сегодня установлено, что Горгиппия являлась портом, поэтому указание, что она находилась «недалеко от моря», вызывает недоумение. Во-вторых, названия Горгиппия утвердилось за древним Синдиком не ранее первой половины IV в. до н.э. после присоединения Синдики к Боспору. Известный археолог Екатерина Михайловна Алексеева установила,

что упоминание Горгииппии было сделано поздними переписчиками рукописи Страбона. Остаётся предполагать, что «недалеко от моря» располагалась упоминаемая Страбоном Аборака. Возможно, Аборака находилась на месте раскопанного археологами Семибратнего городища в 11 км от станицы Варениковской. Были открыты мощные крепостные стены, монументальное каменное здание, остатки домов рядового населения. Город возник в конце VI в. до н.э. и являлся крупным политическим центром древней Синдики. Некоторые учёные считают его резиденцией синдских царей.

В конце V – начале IV в. до н.э. оборонительные сооружения города подверглись разрушению в связи с происходившими военными действиями. Археологи обнаружили мощные слои золы – следы крупных пожаров и разрушений. Возможно, это было связано с войнами между синдами и отдельными меотскими племенами.

С I тысячелетия до н.э. благодаря письменным источникам до нас дошли сведения о горских племенах восточного побережья Чёрного моря. Древние историки часто упоминают племена керкетов. По их свидетельствам керкеты жили на Черноморском побережье от Горгии до Торики (современный Геленджик). Один из римских авторов Псевдо-Арриан писал: «За синдами же находятся керкеты, справедливый и добрый народ и весьма опытный в мореходстве». По мнению некоторых современных историков название «керкеты» сохранилось в видоизменённой форме в слове «черкесы» – одно из названий адыгов. Греческий автор Скилак Кариандский, живший в IV в. до н.э., помещал керкетов от Горгии до Патуса, расположенного в Цемесской бухте на территории современного Новороссийска, а далее упоминал племена торетов и греческий город Торик с гаванью. Торик, по-видимому, располагался в районе Тонкого мыса Геленджикской бухты. Возможно, что под именем торетов скрываются керкеты, жившие в Торике и его окрестностях.

Раскопки памятников, расположенных непосредственно на морском берегу, показывают, что вид хозяйственной деятельности керкетов был связан с морем. По сообщениям греческих авторов местные жители занимались рыболовством, а также пиратством.

Зиги (зихи) обитали в I в. н.э. между нынешними городами Туапсе и Гагры, но к V в. н.э. их территория расширилась и переместилась на северо-запад. Некоторые учёные видят в слове «зихи» основу самоназвания «адыги» через несохранившуюся форму «а-дзыгэ». Абхазы называли адыгов «зухуны». В грузинских средневековых источниках адыги упоминаются под именем «джик», а их страна называется «Джикети». Видимо, впоследствии зихи, вместе с другими племенами средневекового Северо-Западного Кавказа послужили ядром для формирования современных адыгов.

Автор II в. до н.э. Артемидор Эфесский размещал гениохов на территории, включающей современную Северо-Западную Абхазию и восточную часть района Сочи. Другие античные историки распространяют владения гениохов до территории современного Туапсинского района. В переводе с древнегреческого «гениох» означает «возница, возчик». Гениохи в греческой мифологии были тесно связаны с божественными братьями Диоскурами. «Рассказывают, – писал Страбон, будто Гениохию заселили лаконцы*, которыми предводительствовали возницы Диоскуров [...],

---

* Лаконика – юго-восточная часть Пелопонесского полуострова, где располагалась Древняя Спарта

от них-то, вероятно, гениохи и получили своё название». Миф об аргонавтах, среди которых были и Диоскуры, играл важную идеологическую роль в адаптации греков среди местных племён. Горцы кавказского побережья представлялись родственными грекам, потомками тех эллинов, которые пришли сюда с аргонавтами.

Страбон рассказал о том, что гениохи имели четырёх царей. По-видимому, речь идёт о четырёх племенных объединениях. Возможно, имя гениохов было собирательным и скрывало за собой другие племена, переживавшие на рубеже н.э. период бурного развития. Учёные считают, что гениохи являются одними из предков современных абхазов.

Значительное число племён в Восточном Причерноморье говорит о господстве здесь первобытно-общинных отношений и политической раздробленности. Подтверждают это и нелестные отзывы античных историков об облике местных народов. Великий философ древности Аристотель в сочинении «Чужестранные обычаи» сообщал, что ахеи и гениохи «питают склонность к убийствам и людоедству». Они были страшны не только для греческих колонистов, но и враждовали друг с другом. Страбон утверждал, что зиги находятся во вражде с гениохами, а Псевдо-Арриан сообщал, что ахеи враждовали с керкетами. Гениохи, зиги и ахеи снискали в греческом мире дурную славу морских разбойников.

Античные авторы, жившие на рубеже нашей эры (Страбон, Плиний Старший, Клавдий Птолемей и др.) оставили сообщения о некоторых племенах Центрального и Северо-Восточного Кавказа. Ими упоминаются «санары», «аккасы», «соды», «хамекиты», «гелы», «леги», «диды», тидии. В них исследователи видят далёких предков вайнахских и дагестанских народов. Однако Н.Г. Волкова поставила под сомнение вайнахоязычность хамекитов и др, указывая на то, что в античное время вайнахские племена занимали ещё территории южных склонов Кавказского хребта.

В мифах об аргонавтах отразилось знакомство греческих мореходов с Чёрным морем. По следам аргонавтов, начиная с VIII в. до н.э. сюда устремились торговцы и земледельцы из древнегреческих городов.

Греческих городов в Причерноморье было много. Наиболее крупным являлся Пантикопей, располагавшийся на территории современной Керчи. К западу от современного посёлка Сенной на берегу Таманского залива выходец с острова Теос Фанагор основал в 540 г. до н.э. город, названный в его честь Фанагорией. Севернее

Фанагории переселенцы из города Милеты заложили колонию Кепы. На месте современной станицы Тамань греки возвели Гермонассу, в имени которой увековечили память о предводителе переселенцев Гермоне. На берегу Кызылташского лимана мореходы из Греции основали Синдскую Гавань. В Анапской бухте археологи также обнаружили остатки греческого поселения, которое возникло во второй половине VI в. до н.э. Позднее оно вошло в состав города синдов – Синдика, а в IV в. было названо Горгиппией.

Местные племена, по-видимому, не всегда добровольно отдавали свои земли грекам. Ранние обитатели греческих городов Черноморского побережья имели обычай класть в могилы умерших оружие. Отсюда учёные сделали вывод, что жизнь первых греческих поселенцев была беспокойной. Греческий историк Эфор, который жил в IV в. до н.э., писал, что милетяне (выходцы из древнегреческого города Милета), пока не предались роскоши, побеждали варваров и заселяли славными городами Понт Эвксинский.

В то же время греческие города стали вести оживлённую торговлю с местными племенами. Не случайно в захоронениях синдов, ахеев, генихов находят множество ювелирных изделий и прекрасных расписных ваз, сделанных в Греции. В большом количестве греки привозили амфоры и пифосы – большие глиняные сосуды – с вином и оливковым маслом, гончарную посуду, расписанную чёрным лаком. Кроме того, колонисты на новых местах своего жительства наладили ремесленное производство – керамическое, металлургическое, текстильное. Они активно занимались сельским хозяйством и рыбной ловлей.

Около 480 г. греческие города, расположенные по обе стороны Керченского пролива объединились под главенством Пантикопея. Из отдельных самостоятельных городов-государств образовалось Боспорское царство. Города Бспорского царства создали единую систему обороны от набегов местных племён. Для освоения и защиты новых владений боспорские цари привлекали жителей Прикубанья – меотов. Об этом рассказывают материалы городища у станицы Раевской, где были обнаружены захоронения всадников-воинов вместе с их боевыми конями. Характерной особенностью погребального обряда был обычай класть под голову погребённого миску. Это – черта, присущая прикубанским меотским племенам, и не характерная для жителей предгорий и побережья Чёрного моря. О том же говорят мечи синдо-меотского типа, снаряжение лошадей, посуда, украшения.

Из меотских переселенцев, которые были опытными воинами и могли нести охрану границ, было образовано сословие тяжёловооруженных всадников – аспургиане (от иранского слова «аспабара» – всадник). Завести тяжёловооружённую конницу боспорских царей вынудили сарматы – племена, которые с IV в. до н.э. господствовали в степях Северного Причерноморья. Главной ударной силой сарматской конницы были катафрактары – всадники, закованные в броню. С их появлением конница из вспомогательного рода войск превратилась в ударный. Поэтому заведение боспорянами собственной тяжёлой кавалерией было своевременным. Аспургиане активно участвовали в политической жизни Боспорского царства. Должность начальника аспургиан являлось одной из ключевых в правящей иерархии царства.

Экономическую основу Боспора составляло развитое земледелие. Хлеб экспортировался в города материковой и островной Греции. В то же время боспорские города были связаны с работоторговлей, способствуя развитию среди горских племён охоты за людьми.

Период наивысшего расцвета боспорского царства приходится на период правления Перисада I в IV в. до н.э. При раскопках древней Горгии были найдены списки победителей в спортивных состязаниях во время праздника в честь бога Гермеса. Гермес был покровителем путешественников, торговцев, и, одновременно богом гимнастики. Подавляющее число победителей носило греческие имена. Это говорит о большой роли эллинов среди жителей Горгии, где кроме греков жили синды и представители других племён Причерноморья.

В I в. до н.э. боспорские города попадают в сильную зависимость от Древнего Рима. В это время царство переживало кризис. Будучи не в состоянии оказывать сопротивление воинственным племенам скифов, боспорская верхушка обратилась за помощью к могущественному Митридату VI, прозванному Евпатором (т.е. «знатным»). Он был правителем Понтийского царства на южном берегу Чёрного моря. Боспор вошёл в состав державы Митридата. Обладая талантом полководца и политика, Митридат умело использовал в своих целях недовольство боспорских городов и местных народов быстрым ростом Римского государства. В своей борьбе с Римом он активно пользовался богатствами Боспора. Но войны Митридата с Римом, длившиеся с 88 по 63 г. до н.э., привели к резкому увеличению налогов, а блокада римским флотом Северного Причерноморья – к ухудшению положения торговых городов. В 63 г. в Фанагории

вспыхнуло восстание горожан против власти Митридата. К восстанию примкнули другие города. Спасаясь от взбунтовавшихся солдат, и не желая попасть живым в руки своих заклятых врагов-римлян, Митридат упросил одного из своих телохранителей заколоть царя мечом...

Гибель царя фактически отдала Причерноморье во власть Рима. Римские императоры стали назначать боспорских царей. В 14 в. на боспорском престоле с согласия императора Тиберия был утверждён Аспург, имя которого, возможно, было связано с происхождением царя из военного сословия аспургиан. Цари новой династии ликвидировали остатки самоуправления боспорских городов, отменили чеканку монет от имени города. Римляне внимательно следили, чтобы боспорские цари не проявляли стремления к независимости. Когда сын Аспурга Митридат VIII задумал «отложиться» от Рима, в Боспоре высадились римские войска. Митридат в борьбе с Римом попытался опереться на племена азиатской части Боспора, но был разбит и выдан римлянам. В боспорские города были введены гарнизоны закованных в броню легионеров, а на побережье началось устройство крепостей по римскому образцу. Римляне принесли в край порядок и процветание. С I в. н.э. до середины III в. н.э. происходит подъём экономической жизни в античных поселениях на Черноморском побережье. Следы городищ этого времени отмечены практически в каждой долине, выходящей к морю. В III в. положение Боспорского царства ухудшилось из-за нашествия варваров. В Северном Причерноморье появляются германские племена готов. Они пришли с берегов Балтийского моря, но в своём движении увлекли многие племена и возглавили большое объединение народов. Рим вынужден был вывести свои войска из боспорских городов для защиты границ империи по Дунаю. В 30-е годы III в. варвары разрушили Горгиппию. При её раскопках были обнаружены обгорелые перекрытия домов, разрушенные стены из сырцового кирпича, которые побывав в огне, приобрели оранжево-красный цвет. После этого разгрома Горгиппия так и не смогла оправиться.

Боспор был вынужден заключить с воинственными пришельцами соглашение, по которому передавал весь свой флот варварам. Прибрежные города превратились в базы, откуда готы совершали свои грабительские походы на города Чёрного и Эгейского моря.

Окончательно прервалась связь с Римом. Морская торговля замерла – на море господствовали пираты. Серьёзный удар по Боспорскому государству нанесло нашествие тюркских племён гуннов. В 80-х годах IV в. гунны разрушили многие посёлки и города

на Таманском полуострове. Однако Боспор пережил не только нашествие гуннов, но и падение Западной Римской империи в 476 г. В конце V в. боспорские города оказались под влиянием Восточной Римской империи – Византии.

Политическая история Северного Кавказа 2 в. до н.э. связана с агрессией сарматов. В это время они прочно осваивают обширные степи Предкавказья, откуда вытесняют некогда непобедимых скифов. Пространство между доном и Каспийским морем заняло сарматское племя аорсов, а в Прикубанье обосновались сираки. Население северного Кавказа испытало на себе натиск отсталых «женоуправляемых» сарматских племён. Наибольшее влияние на местные народы оказали сираки. Постепенно сираки растворились в местной среде, оставив о себе память в виде сарматских заимствований в меотской культуре – оружии, искусстве, религии. Известны случаи военно-политического союзничества меотов и сираков. Так, в 49 г. н.э. сираки и меотское племя дандариев сообща выступили в поддержку свергнутого римлянами боспорского царя Митридата VIII. Но римские легионы и преданные им аорские дружины разбили войско союзников.

Во второй половине I в. до н.э. выходцы из аорского племенного объединения аланы захватили степи Подонья и Прикубанья. Неукротимые кочевники привели в движение меотов, вынудив их уйти в Закубанье. Восприняв сарматские традиции, изучив опыт общения сираков с местными племенами, аланы постепенно перешли к оседлому образу жизни. Господство их в Предкавказье продолжалось вплоть до нашествия орд гуннов в IV в. Историки считают алан предками современного осетинского народа.

Эпоху от падения Римской империи до наступления Нового времени историки называют Средними веками. Это – период зарождения и развития феодализма. На протяжении всего Средневековья территория Черноморского побережья подвергалась нашествиям кочевых народов и агрессии со стороны сильных государств. Непрерывная борьба с захватчиками требовало крайнего напряжения сил местных народов. Это во многом задерживало их развитие.

До начала VI в. Боспорское царство сохраняло свою автономию, находясь под верховной властью сначала готов, а затем гуннов. Происходит значительная варваризация населения царства. На одной из каменных плит V в. упоминается имя боспорского царя Диптуна – явно не греческого происхождения.

Войны с готами настолько ослабили Боспорское царство, что племена, населявшие побережье к юго-востоку от Тамани, стали фактически независимыми. Здесь даже начали чеканить собственную монету. В V в. по сведениям римских историков, от Тамани до современного Геленджика простиралась страна Эвдусия, которую населяли готы-тетракситы. Жители Эвдусии были тесно связаны с гуннским миром, а также со Средиземноморьем. У готов-тетракситов существовало сильное имущественное неравенство. Богатые погребения отличаются обилием кувшинов, стаканов из тонкого стекла, бронзовых котлов. В мужские захоронения клали оружие – кинжалы, мечи. В женских погребениях археологи обнаружили украшения из драгоценных металлов, бронзовые зеркала, поясные и обувные пряжки. Что касается бедных соплеменников, то им в могилы обычно клали серп или нож. Официальной религией было христианство. Известно, что в 548 г. послы готов-тетракситов прибыли в Константинополь просить о назначении им епископа вместо умершего. Император Юстиниан исполнил их просьбу.

Большого искусства достигло ремесленное производство. В погребении готского ювелира вблизи современного Новороссийска были обнаружены инструменты, сырьё, из которого изготавливались изделия, а также образцы продукции. Страна Эвдусия, видимо, пала под ударами тюркских племён, которые вторглись в конце VI в.

Южнее, до р. Шахе, простиралась территория расселения зихов. По сведениям византийского историка Прокопия Кесарийского, зихи имели царя Стахемфласа, поставленного императором Византии. К югу от зихов Прокопий размещал племена санигов.

Сопrotивляясь давлению воинственных соседей, правители Боспора неоднократно обращались за военной помощью к Византии. В начале VI в. Боспорское государство превратилось в византийскую провинцию.

Значительную часть Дагестана историки и археологи включают в это время в состав древнейшего государственного образования – Кавказская Албания.

В середине и во второй половине VI в. на Предкавказье обрушились новые волны кочевников-завоевателей. Опустошительный набег на причерноморских жителей произвели авары. Возглавляемые ханом Байканом, завоеватели прошли во владения зихов и подвергли их разорению. Средневековые источники рассказывают, что спасаясь от жестоких аваров, зихи не смели проводить двух ночей в одном месте. В памяти местных горцев долго хранилось предание о жестоком Байкане. Его имя носит река

Бакан, располагающаяся к северу от современного Новороссийска. Ещё в середине XIX в. здесь находился курган из камней, называвшийся «Байканов белый конь», а горные дороги, пересекавшие край от Кубани к Чёрному морю, назывались «Байкановы смертоносные пути».

В начале 570-х годов Северный Кавказ был захвачен воинами Великого Тюркского каганата – империи кочевников, простиравшейся от границ Китая до Причерноморья. Византийские провинции на Тамани были ограблены, население перебито и уведено в рабство. Но спустя несколько десятилетий Тюркский каганат теряет своё влияние в регионе, а на его территории возникают новые племенные объединения. Лидерство среди них захватили поначалу болгары. Вождь болгарских племён Орган проводил дружественную политику по отношению к Византии и совершал набеги на врагов империи. За это он был тепло принят императором Ираклием, получил богатые подарки и почётный титул патрикия. Племянник Органа Кубрат был воспитан в императорском дворце в Константинополе. В 635 г. Кубрат объединил под своей властью приазовских и причерноморских болгар. Новое объединение получило название Великая Булгария, а её центром стала Фанагория.

После смерти Кубрата началась борьба за власть между его пятью сыновьями. Часть болгар во главе с ханом Аспарухом ушла на Дунай, где подчинила себе местные славянские племена. Впоследствии тюрки-болгары растворились в среде славян, а память о них сохранилась в названии современного южнославянского народа – болгары. Вторая группа болгарских племён перешла на Волгу, где образовала Волжскую Булгарию. Они приняли участие в формировании современных народов Поволжья – казанских татар и чувашей.

Третья часть болгар, предводительствуемая ханом Батбаем, осталась в Приазовье. Но во второй половине VII в. на Северный Кавказ устремилась новая волна завоевателей – хазары. Хазары разбили и подчинили себе приазовских болгар. Часть болгар передвинулась в верховья Кубани и в Приэльбрусье. Память о них сохранилась в названии современного кавказского народа – балкарцы. В Предкавказье сложилось сильное государственное образование – Хазарский каганат. Поставив под контроль значительный участок Великого шёлкового пути* и причерноморскую торговлю, каганат получал огромные доходы в виде пошлин. Хазарские каганы подчинили себе

---

* Великий шёлковый путь – в древности и средние века караванная дорога из Китая в страны Средней и Передней Азии

византийские владения на Черноморском побережье, но вынуждены были заключить союз с императором для совместной борьбы с арабами. В VIII веке шли кровопролитные арабо-хазарские войны. Укрепляя свои позиции, хазары возводили сильные крепости и переселяли в пограничные районы подвластное население. Западное Закубанье и районы современных Анапы-Геленджика хазары заселили касогами – племенами, которые явились одними из предков адыгов. Самым известным вождём касогов был князь Инал, сумевший на короткое время подчинить зихов. По преданию, он явился родоначальником большинства адыгских княжеских фамилий. Касоги верно служили хазарам, принимали участие в их войнах и удерживали зихов от набегов на земли каганата. Зихи, населявшие прибрежные районы к юго-востоку от современного Геленджика, не подчинились захватчикам. В еврейских документах (в конце VIII в. официальной религией Хазарского каганата стал иудаизм*) зихи упоминаются как враждебный хазарам народ. После ослабления Хазарии касоги, говорившие на тюркском языке, постепенно растворились среди зихов.

Территорию от р. Шахе, которая служила в первые века н.э. восточной границей Зихии, до окрестностей современного Сухуми, занимали племена санигов. Ранее саниги входили в союз гениохийских племён. Кровавая эпоха тюркских нашествий практически не коснулась санигов, однако они попали в зависимость от Византийской империи, а затем – Абхазского царства. Византийцы были заинтересованы в старинном перевальном пути, шедшем с побережья санигов через современное село Воронцовку в обход теснины Ахцу на Красную поляну и далее на Северный Кавказ. Перевал, открывая торговые возможности, одновременно представлял большую опасность. Из-за него порой к жизненно важным для Византийской империи центрам Закавказья прорывались воинственные аланы и другие северокавказские племена.

Саниги были воинственными племенами. Каждый боеспособный мужчина был воином, в «потусторонний» мир саниг уходил в полном боевом облачении, иногда с конём. Поэтому социально-политический строй санигов представлял собой военную демократию. В то же время у них шло обособление верхушки, накопившей богатство в идее драгоценных изделий. Одновременно археологи находят погребения с достаточно скудным инвентарём, принадлежащим рядовым дружинникам и членам их семей. Саниги поклонялись священным деревьям в прибрежных рощах. Вместе с тем, под

---

* Иудаизм – одна из мировых религий с культом бога Яхве, которая возникла в I тысячелетии до н.э. в Палестине и получила распространение среди иудеев – древних евреев.

воздействием Византии строй жизни санигов претерпевал изменения, придающее их культуре яркую самобытность. Традиционные верования местных горцев уживались с распространявшимся на побережье христианством.

В VI в. в северо-восточном Причерноморье столкнулись интересы двух великих держав того времени – Ирана и Византийской империи. Иран при поддержке своих северокавказских союзников пытался отторгнуть от Византии Закавказье. Персы в середине VI в. совершали сюда ряд опустошительных походов. Византия, действовавшая в союзе с племенами северо-восточного Причерноморья, возвела систему оборонительных сооружений. Раннесредневековая эпоха в окрестностях современного Сочи представлена довольно значительным числом крепостей, поселений, ремесленных центров и храмов.

В конце VII в. в Западное Закавказье вторглись арабы. Не дойдя 100 км до территории современного Большого Сочи, арабы опустошили абхазское побережье, но ожесточённое сопротивление местных народов, а также эпидемия чумы вынудили захватчиков повернуть назад. Однако нашествие арабов несколько ослабило позиции Византии. В результате в Восточном Причерноморье сформировалось первое раннефеодальное государство – Абхазское царство. Страна санигов попала под влияние Абхазии, а сами они послужили основой для формирования абазинской и убыхской народностей.

В 948 – 952 гг. император Византии Константин VII Багрянородный написал труд «Об управлении империей» для юного наследника престола. В этом сочинении мы встречаем сведения о народах Черноморского побережья Кавказа. Константин Багрянородный называет здесь две крупные группы племён – Зихию и Абасгию. Император размещал Зихию между устьем Укруха (Кубани) и р. Никопсис (Нечепсухо). Южнее до Сатириуполя (Пицунды) располагалась Абасгия. Сочинение византийского императора зафиксировало консолидацию двух союзов племён с осознанием своего этнического единства и территории.

Зихия возглавила объединение протоадыгских племён. Разгромленные аланами касоги стали расселяться среди зихов. Археологи находят погребения этого времени, совершаемые по двум погребальным обрядам: трупоположение в узких ямах (зихи) и погребения в небольших ямах с урновыми кремациями (касоги). Часто оба обряда соседствуют на одном могильнике. Расширение Зихии шло за счёт перехода из

равнинных обществ Прикубанья земледельцев и скотоводов к горцам-зихам. Выходцы с равнин постепенно усваивали образ жизни жителей Черноморского побережья. Именно в Зихии появилось самоназвание «адыги». Итальянский путешественник Джорджио Интериано, посетивший Черноморское побережье Кавказа во второй половине XV века, писал, что зихи – это название, принятое в греческом и латинском языках, а сами они себя называют «адига». Рост адыгского населения в Зихии и развитие феодальных отношений вызвали потребность в пастбищных землях.

Нашествие монголо-татар в XIII в. опустошило Северный Кавказ. Уцелевшие от разгрома остатки алан и половцев вынуждены были укрыться в горах и уже не представляли угрозы для средневековых адыгов. По сохранившимся преданиям с Черноморского побережья в XIII в. переселились на северный склон Кавказа адыгские племена кабардинцев и бесленеевцев, в XIV в. темиргоевцы и хатукаевцы, в XV в. бóльшая часть бжедугов.

Абасгия, располагавшаяся между реками Бзыбь и Туапсе, объединила санигов, апсилов, абазгов и некоторые другие племена Черноморского побережья, которых средневековые источники называли именем «абаза». Сегодня это самоназвание современного северокавказского народа – абазин. В народных преданиях в качестве первоначальных мест обитания абазин упоминаются Псху, Ачипсху, Варданэ, то есть территории современных Туапсинского, Лазаревского и Адлерского районов. На формировании языка абазин сказались связи местных племён с Абхазским царством, которое в VII – X вв. распространяло своё влияние до современного посёлка Лазаревский. Но процесс абхаизации абазин не успел завершиться. В XI – XIII в. распространение абхазского языка столкнулось с распространением языка адыгских племён, происходившим в обратном направлении.

Предки современных абазин были поначалу сильны и могущественны. По-видимому, именно они вытеснили кабардинцев с Черноморского побережья. Но в XIII в. адыги усилили свою мощь, в то время как среди абазин начались внутренние раздоры между племенами, связанные с недостатком удобной земли. В XIV – XVI в. происходит массовое движение абазин в верховья рек Кубани, Кумы, Урупа, Зеленчука. Оставшиеся на побережье абазины частью влились в адыгские племена шапсугов, абадзехов, махошей, жанеевцев. Некоторые историки считают эти племена очеркесившимися абазинами. Граница между черкесским (адыгским) и абазинским языками в XVI в.

пролегла по р. Туапсе, а в последующем стала смещаться в район Сочи. Лишь некоторые абазинские племена – джигеты продолжали жить на Черноморском побережье вплоть до 1864 г.

Основу занятий населения Северо-Западного Кавказа в средние века составляло мотыжное и плужное земледелие, придомное и отгонное скотоводство, различные ремёсла, а также захват военной добычи. Земледелием занимались на прибрежных равнинах. Об этом свидетельствуют находки серпов в районе Геленджика, мотыг и деревянных плугов в окрестностях Сочи. В жизни населения горных долин исключительное значение играло скотоводство. На это указывают остатки огромного количества пастушеских посёлков. Территорию городищ усеивают многочисленные кости домашних животных: лошадей, коров, коз, овец, свиней. В позднем средневековье важное место приобретает сбор дикого мёда.

Древнейшим видом хозяйственной деятельности племён Черноморья были охота и рыболовство. О значительной роли охоты говорит существование у адыгов в прошлом охотничьего божества Мезытхо, а у абазин – Ажвапша. Всякий убитый на охоте зверь считался посланным от божественного покровителя охоты. Если божество пожелает, считали горцы, то охотник непременно возвратится с пустыми руками. Поэтому Мезытху и Ажвапшу молились и приносили жертвы. При раскопках Борисовского могильника у Геленджика в погребениях VI – IX в., в могильниках на мысе Кодош у Туапсе, в окрестностях Новороссийска археологами были найдены рыболовные крючки. Немало в этих погребениях встречается и других железных изделий: топоры, ножи, наконечники стрел и копий, кинжалы и сабли. Это говорит о развитии местного кузнечного ремесла. Недаром у адыгов существовало особое божество – покровитель кузнечного дела Тлепш.

Участие в военных походах продолжало оставаться одним из главных занятий мужчин. Мужские погребения содержат железное оружие и доспехи: сабли с крестовиной у эфеса, кольчуги, шлемы. Здесь же археологи находят кожаные покрытия деревянных колчанов. Известны погребения покойников с конём, железными удилами и металлическими украшениями сбруи.

Ещё в античную эпоху приморские племена были известны как отважные мореплаватели. Очевидно, и в средние века адыги и абазины пользовались для морского разбоя большими ладьями, в которых помещалось 25-30 человек. На таких судах, по

свидетельству путешественников, они нападали «на оплошных корабельщиков и на тех, кто сел на мель».

По представлениям средневекового населения Черноморья окружающая природа была населена всевозможными духами, которые то вредили человеку, то могли быть задобрены, и в таком случае помогали ему. Жители Зихии и Абасгии поклонялись и приносили жертвы деревьям, скалам, божествам-покровителям отдельных фамилий и хозяйственной деятельности. Ведьмы, ежегодно устраивающие в определённый день веселье, страшный «лесной человек» с топором, «морские люди» – хацыфы, псыгуаши – «госпожи вод», которые в виде красивых женщин, расчёсывающих волосы, имелись на каждой речке, другие большие и малые мифические чудовища, по верованиям горцев, подстерегали на каждом шагу, насылали болезни, несчастье и смерть. Поэтому на забор выставлялись конские черепа, предохранявшие по повериям адыгов и абазин двор от всяческого рода несчастий. Народные верования уживались с распространявшимся в VI – XV вв. христианством.

Выдающимся достижением духовной культуры адыгов и абазин являлся героический эпос «Нарты», зародившийся ещё в эпоху Древнего мира. Это – совокупность самобытных песен и легенд о богатырях-нартах, в которых отразились многовековой опыт жизни народов Кавказа, их идеалы и представления о добре и зле. Слово «нарт» в переводе с адыгского означает «глаз (свет) дарящий», т.е. бесконечно щедрый. В этом наименовании выражены народные убеждения о сверхщедрости и беспредельном мужестве, благородстве и отваге. В эпосе действуют мужественные нарты Саусырыко, Шэбатныко, Пытэрэз и другие, которые совершают героические подвиги, борются с «иныжами» – великанами и драконами, олицетворяющими тёмные силы, добывают для людей огонь. Центральный женский персонаж эпоса – Сэтэней – мать Саусырыко, мудрая и заботливая жена нарта Орзэнэджа, которая своим умом и прозорливостью не раз спасает своего сына от врагов, а мужа – от смертельного приговора старейшин.

Белградский договор 1739 г. открыл перед султанской Турцией возможность открытого вмешательства в происходящие на Северном Кавказе события. Набеги османов, сопровождавшиеся сбором дани и разорением горцев, участились. Мусульманское духовенство активизировало свою пропагандистскую деятельность. Главной целью пропаганды было признание горцами турецкого султана идейным главой всех черкесов. Но свободолюбивые горцы занимали враждебную по отношению к туркам и крымских татарам позицию. Терские кабардинцы старались упрочить свои отношения с Россией. Осетины, чеченцы, ингуши, дагестанские народы также искали помощи у северного соседа в борьбе с агрессивным соперником. Такие обращения к русским властям ещё больше обостряли обстановку в регионе.

В это время в разных уголках Северного Кавказа довольно часто вспыхивали междоусобные стычки. Противоборствующие группы горских феодалов, как правило, использовали поддержку внешних сил – России, Турции или Крыма. Так было в Кабарде в период междоусобной борьбы баксанской и кашкатовской партий.

Русская дипломатия пыталась тонко играть на политических настроениях народов Северного Кавказа. В 1760 г. началось строительство укрепленной линии по р. Терек. Русское правительство призывало горцев переселиться на равнину под защиту русского оружия. Для реализации этой идеи в 1763 г. была возведена крепость Моздок. Её стены служили надёжной защитой для беглых кабардинцев и осетинских крестьян, спасавшихся от безмерного произвола феодалов. Они надёжно укрывали также сторонников и друзей России, беспощадно преследовавшихся на родине. Обычно беглецы принимали крещение и поступали в состав горской казачьей команды, исправно служившей интересам русского правительства.

В то же время строительство Моздока вызвало раздражение в Кабарде. Местная знать была озабочена потерей большого числа крестьян. Не меньше её беспокоила политическая активность Российской империи, создававшая угрозу независимости Кабарды. Уступая требованию горской аристократии, императрица Екатерина II отказалась от практики приёма в Моздоке беглых крестьян. Но сама крепость была сохранена.

Сподвижники Екатерины II ратовали за идею крутого и немедленного решения черноморской проблемы. Ситуация осложнялась все более неприкрытым вмешательством в северкавказские дела ряда западноевропейских государств. Султан

становился послушным орудие правительства англии и Франции. В сентябре 1768 г. грянул гром очередной войны России и Турции. Боевые действия развернулись на трёх театрах – дунайском, Крымском и кавказском. Ещё накануне войны султан попытался привлечь северокавказские народы в число своих союзников.. Сюда устремились турецкие эмиссары с целью поднять горцев на войну с «неверными». Но эта агитация успеха не имела. Так, кабардинские крестьяне завявили, что если их владельцы перейдут на сторону Крыма и Турции, то они передадутся к России. Такая позиция «чёрного народа» отрезвляюще подействовала на князей и дворян. Они поняли, что могут лишиться собственных подданных.

Во время войны участились обращения различных северокавказских народов с просьбой принять их в российское подданство. В 1768 –1769 г. с подобными просьбами обращались шамхал тарковский Муртазали, дербентский Фатали-хан и другие феодалы Дагестана. В феврале 1770 г. ингушские старшины прибыли в Кизляр и присягнули от имени своих обществ на верность России. Аналогичное желание изъявили в 1770 г. старшины Восточной Осетии. Народы Северного Кавказа оказывали и посильную военную помощь российским войскам.

Османская империя, утратившая былое могущество, не сумела на этот раз противостоять русской военной машине. Превосходство России и на суше, и на море было неоспоримым. К 1771 г. русская армия захватила важные пункты в Крыму, что заставило хана Селим-Гирея бежать в Турцию. Новый крымский хан Сахиб-Гирей подписал договор, по которому ханство поступало под покровительство России.

Турецкий султан не желал примириться с утратой Крыма. Он хотел использовать Чересию в качестве плацдарма для борьбы за возвращение отнятых у него владений. Отсюда он отправил в 1774 г. войско для расправы с Кабардой. Но местное население при поддержке казаков отразило натиск противника. Мир между Россией и Турцией был заключён 10 июля 1774 г. в болгарском селении Кючук-Кайнарджи. Россия получила участки Азовского побережья, крепости Керчь, Еникале и Кинбурн, на Кавказе Большую и Малую Кабарду. Она вернула себе право строить флот на Чёрном море и беспрепятственно вводить торговые суда в проливы. Чувствительным ударом для султана явилось признание независимости Крыма.

Кючук-Кайнарджийский договор определил и возможность принятия в российское подданство осетин. До 1774 г. сделать это было проблематично. Дело в том, что осетины

были данниками кабардинских князей, а Кабарда имела нейтральный статус. В октябре 1774 г. в Моздоке начались переговоры разнородного по своему составу осетинского посольства с астраханским губернатором П.Н. Кречетниковым. По их итогам осетины присягали России и получали право на переселение на предгорную равнину центрального Кавказа. Предполагалось возведение российской крепости и форпостов для их защиты от нападений соседних феодалов.

Подданническая присяга осетин (как и чуть раньше – ингушей) не могла устроить кабардинских князей. Получалось, что именно от них Россия собиралась защищать осетинский народ. Имелась здесь и религиозная подоплёка. Принятие осетинами российского подданства открывало перспективы их христианизации. Это также противоречило планам кабардинской знати. Завершение исламизации в самой Кабарде соответствовало стратегическим интересам Османской империи в регионе. Кадры кабардинского мусульманского духовенства готовились в турецких владениях. А это влияло на соответствующую внешнеполитическую ориентацию.

Довольно сложная ситуация сложилась в Дагестане. С одной стороны, после 1774 г. ряд дагестанских владетелей просили о принятии в российское подданство. С другой – враждующие между собой местные феодалы втягивали в свои распри российскую администрацию. Если одна сторона усобицы получала поддержку России, то другая искала протекции у Ирана и Турции. В такой обстановке русское правительство стремилось свести к минимуму военное вмешательство в дела края. Русские пытались помирить местных: хана Дербентского, шамхала Тарковского, уцмия Кайтагского. Но несмотря на то, что часть дагестанских владетелей состояла в российском подданстве, прекратить усобицы в Дагестане не удалось.

Между тем, Кючук-Кайнарджийский мир не привёл к нормализации отношений между Россией и Турцией. Для турок реваншизм стал долговременным фактором политики. Камнем преткновения оставался и Крым, где каждая из сторон стремилась посадить на ханский престол своего ставленника. Османы сделали ставку на Девлет-Гирея, который в мае 1775 г с их помощью захватил власть. Пророссийски настроенный Шагин-Гирей попытался опереться на ногайцев правобережной Кубани и с их помощью обрести желанный титул. Однако, спровоцированное турками восстание поставило его на грань краха. Возникла угроза вторжения в Прикубанье османских войск. Девлет-Гирей в сентябре 1776 г. заявил российским властям, что Кабарда принадлежит Крыму.

Эта претензия была отвергнута. Кавказская администрация напомнила кабардинским князьям, что они являются российскими подданными. В конечном итоге, Девлет-Гирей вынужден был уехать в Турцию. А кабардинские феодалы вновь подтвердили свою верность России.

Для безопасности южных рубежей на пространстве от Азова до Моздока в 1777 г. началось возведение укреплений Азово-Моздокской линии. Соединяясь с линией Моздок-Кизляр, она должна была образовать единую цепь российских военных коммуникаций на Северном Кавказе с выходом в Восточное Причерноморье. Кроме того, «нижний» участок Азово-Моздокской Линии – крепости Павловская, Мариевская, Георгиевская должны были поставить заслон проявлениям «приволья» кабардинских феодалов. Русские не забыли участия кабардинских владетелей в турецко-крымском нападении на Линию Моздок-Кизляр в 1774 г.

Уже в 1779 г. кабардинские князья требуют у России ликвидации новых укреплений. Более того, они начинают нападения на них довольно большими силами. Кабардинские феодалы считали земли, на которых возводились российские укрепления, своими пастбищами. При этом они старались не вспоминать о сделанном Екатериной II еще в 1763 г. напоминании. Дело в том, что ряд пастбищных угодий использовался ими только благодаря покровительству российских властей к владельцам, приверженным к России, то есть за пределами их собственных территорий.

В некоторых работах некоторых кабардинских историков строительство русских крепостей близ этнических границ Кабарды трактуется как «аннексия ее северных территорий». А между тем, даже статус Кабарды по договору 1774 г. не позволяет делать подобные утверждения.

Интересно и то, что еще накануне нападения кабардинских ополчений на Азово-Моздокскую линию, кабардинские князья получили обещание о помощи от закубанских владетелей и от турецкого султана. В антироссийской акции оказались задействованы и закубанские адыги, и часть ногайцев и чеченцев. Таким образом, разгром генералом Якоби «фронды» в Кабарде в 1779 г., принуждение кабардинцев к присяге можно считать мерами со стороны России ответными. Неприятие их привело бы к расширению антироссийских выступлений тех, кто претендовал на собственное доминирование на Центральном Кавказе. Однако конфронтация кабардинских социальных верхов с российскими властями на этом не исчерпалась и на рубеже 70-х -80-х гг. XVIII в. был не

исключен уход кабардинских феодалов вместе с подвластными крестьянами в Грузию. Продолжавшееся брожение умов в Кабарде выразилось и в письме кабардинских владетелей Екатерине II. Они жаловалась на получаемые от крепостей Азово-Моздокской Линии «немалые беспокойства и уроны в людях». Свои нападения на российские укрепления объясняли необходимостью «защищать себя по возможности». Но даже «испрашивая» прощения за эти нападения, кабардинские князья не становились сторонниками России. Неприятие российского военного присутствия и политического усиления на Центральном Кавказе приобретает среди кабардинской знати характер стабильный и долговременный.

К 1781 г. на верность России присягает значительная часть чеченских обществ. Данные присяги были во многом связаны с расселением чеченцев на плоскости близ Сунжи и Терека. Это расселение осуществлялось с разрешения российской администрации и с учетом смещения территории Малой Кабарды на запад. Тексты присяг предполагали для чеченцев (кроме обещаемых выгод от торговли с Россией) прекращение набегов, выдачу аманатов и подчинении власти назначаемых российской администрацией кабардинских и кумыкских владетелей.

Чеченские общества находились на догосударственной и доклассовой ступени развития. Они были не в состоянии следовать взятым обязательствам, особенно по части прекращения набегов в российские пределы. Не подчинялись они и власти «чужих феодалов». Это, в совокупности с тем, что завершилась исламизация чеченского общества, привело к обострению чеченско-российских взаимоотношений, вскоре после принятия присяги. Управляющими чеченцами назначались кумыкские и кабардинские феодалы. Россия была в то время не в состоянии сама непосредственно управлять чеченцами. Поэтому надо было опираться на более или менее подконтрольные «региональные кадры». У чеченцев же своих вменяемых «феодальных кадров» тогда не было.

Все это обусловило долговременное обострение ситуации в Чечне. Горский традиционный уклад вновь вступал в трудноразрешимое противоречие с российским пониманием безопасности.

Выход чеченцев на равнину мало изменил традиционный уклад их жизни, составной частью которого являлась набеги. Первый чеченский историк и этнограф У. Лаудаев отмечал, что "чеченцы, довольствуясь ограждением своей свободы от притеснений

кумыков и кабардинцев, признавая их братьями по религии, все свои предприятия обращают против русских".

Следовательно, в чеченско-российских отношениях играли роль несколько факторов: во-первых, свобода "от притеснений кумыков и кабардинцев" обусловила значительно меньшую заинтересованность в российской помощи; во-вторых, завершившаяся к этому времени исламизация основных групп чеченцев объективно способствовала большему восприятию ими агитации турецких эмиссаров, что вполне логично порождало антироссийские настроения. В-третьих, чеченцы довольно своеобразно понимали сущность своих присяг на верность России. И, наконец, деятельность местных российских властей теперь мешала чеченцам осуществлять набеговую экспансию. Одним из главных объектов последней становились российские владения на терском левобережье. Здесь вновь сталкивались традиционность и даже "освящённость" набегов у чеченцев (как и у других горцев региона) и вполне понятное неприятие подобных действий с российской стороны.

Процесс феодализации чеченского общества включал в себя извлечение "доходов" от набегов. Да и для рядовой массы населения "хищничества" были способом восполнить недостатки экономики и зарекомендовать себя в выгодном свете. Значительную роль начинает играть рабство, а основными его источниками были захват военнопленных и похищение людей, что вполне ассоциируется с набегам.

Исторической наукой признано, что набег на соседнюю территорию ради захвата добычи и пленных, свойственное всем горцам Кавказа, как и вообще многим народам на определенной стадии развития.

Чеченцы, жившие в бассейне Терека и Сунжи, не занимались набегам. Но они были не в состоянии воспрепятствовать горцам, совершавшим набег на русскую пограничную линию.

Сейчас чеченские историки утверждают, что "нападая на поселения и станицы Кавказской линии, горцы пытались остановить колонизацию северокавказских земель". На самом деле в конце XVIII в. российские укрепления на Северо-Восточном Кавказе располагались исключительно на левом берегу Терека, где чеченцы никогда не проживали. Даже напротив, чеченская колонизация притеречных и присунженских равнин происходила с разрешения России. Российские укрепления по Терек представляли для традиционного образа жизни чеченцев, включавшего в себя набеговую

систему и "пленопродавство". Российское "подданство" большинства чеченских обществ с 1781 г. было не в состоянии изменить данный традиционный уклад.

Так или иначе, к 1783 г. обстановка в Чечне была напряженная, что определялось и произошедшими в 1782 г. антироссийскими выступлениями.

Под прикрытием подписанной в 1779 г. конвенции Османская Порта развернула интенсивную подготовку к очередному столкновению с Россией. Антирусская турецкая агитация привела к тому, что Крым и Прикубанье стали ареной непрерывных беспорядков. Поддерживаемые Россией местные политики, в том числе крымский хан Шагин-Гирей, всё более теряли контроль над ситуацией и не были способны противостоять усугубляющейся анархии. К 1783 г. Порта планировала добиться отделения Прикубанья от Крыма. С этой целью сторонники Турции из числа татарских и ногайских феодалов избрали своего сераскира и готовились «отложиться» от Крымского ханства.

Развитие событий в Южном Приазовье привело к тому, что в правящих кругах Российской империи пришли к выводу о необходимости проведения иного политического курса. Южными областями империи управлял с середины 70-х гг. XVIII в. князь Г.А. Потёмкин, новороссийский, азовский и астраханский генерал-губернатор. У него был оригинальнейший характер, многим он казался чудаком, но все признавали за Потёмкиным гений государственного деятеля, который ставил его рядом с Петром Великим. С именем светлейшего князя связывали знаменитые «потёмкинские деревни» – символ чиновничьего обмана. На Юге, как и везде в России, было немало показухи, но говоря о «потёмкинских деревнях», как-то забывают, что прекрасный белый город и крепость Севастополь, Симферополь, Херсон, Одесса и другие города Новороссии и Тавриды (Крыма), крепости и слободы Приазовья, возведённые Потёмкиным, не были декорациями. Были настоящими и построенные под руководством Потёмкина Азовский и Черноморский флот; не были ряжеными и победоносные потёмкинские войска.

В ряде записок и писем Екатерине II, датируемых летом 1782 г., Потёмкин обосновал необходимость покончить с негативным для России положением дел в Северном Причерноморье. Выход он видел в присоединении Крымского ханства к владениям империи. Г.А. Потёмкин полагал, что дальнейшее сохранение власти Гиреев в Крыму может быть лишь «причиною войны, беспокойств, разорения границ наших, издержек несносных, которые уже в царствование Вашего Величества перешли только

для сего места более двенадцати миллионов, включая людей, коим цену положить трудно». По мнению светлейшего князя, России «с Крымом достанется и господство на Чёрном море».

События в Крыму ускорили реализацию замыслов Потёмкина. 6 апреля 1783 г. крымский хан Шагин-Гирей, полностью потеряв веру в свою способность справиться с бременем власти, отрёкся от престола. 8 апреля 1783 г. императрица Екатерина II подписала Манифест «О принятии полуострова Крымского, острова Тамана и Кубанской стороны под Российскую Державу». Возвещая о присоединении Крыма и Правобережной Кубани к России, Екатерина II гарантировала татарам и ногайцам «содержать их наравне с природными Нашими подданными, охранять и защищать их лица, имущество, храмы и природную веру, коей свободное от правления со всеми законными обрядами пребудет неприкосновенно». Особую задачу в этой непростой ситуации получил Кубанский корпус, которым командовал А.В. Суворов. Будущий российский генералиссимус должен был обеспечить безопасность русских границ в Южном Приазовье и организовать принятие русского подданства ногайцами. Суворовым был продуман и успешно реализован план приведения к присяге на верность России ногайских орд. Он требовал не наносить ущерба имуществу ногайцев и жестоко наказывать мародёров, необходимый провиант покупать у местного населения за деньги. Ногайцам оказывалась помощь продовольствием из провиантских магазинов. Все эти распоряжения А.В. Суворова были направлены на то, чтобы «не меньше оружия поражать противника человеколюбием».

Сама церемония принятия присяги не могла служить прочной гарантией, поэтому Г.А. Потёмкин принял решение изолировать ногайские орды от турецкой пропаганды, переселив их в уральские степи. Получив приказ, А.В. Суворов начал уговаривать ногайских мурз на переселение. Ногайцы согласились переселиться, но просили отвести им для кочевий земли вдоль р. Маныч. Однако донские казаки, помнившие опустошительные набеги ногайцев на донские станицы, просили командование не соглашаться на эти условия. Тогда русское правительство пошло на компромиссный вариант и предложило ногайцам переселиться на левый берег Волги.

Но ногайскую степь уже охватили волнения, которые Суворову пришлось подавлять силой оружия. В современной литературе можно встретить определение этих мер как «депортация» и «геноцид» ногайского народа. Однако эти термины XX века

неприменимы к историческим реалиям ногайской проблемы XVIII столетия. В письме, отправленном Екатерине II мурзой Халил-ага-эфенди, ведавшим Едисанской, Едичкульской, Джембойлукской и частью Буджакской орды, ногайское прошение о перекочёвке было определено как политическое обязательство. Наряду с поддавшимися турецкой пропаганде противниками переселения имелись активные сторонники перекочёвки. Среди последних – Муса-бей, султан Джембойлукской орды и приятель А.В. Суворова.

После спровоцированного нападения на Ейское укрепление был отброшен обычный суворовский девиз – «благородное великодушие более полезно, чем стремглавый меч». Военная акция против мятежной части ногайцев была вызвана стремлением ликвидировать очаг постоянной напряжённости в Южном Приазовье и Прикубанье. В отношении ногайцев Россия никогда не устанавливала официальной дискриминации. И хотя последствия разгрома Суворовым мятежников были весьма ощутимы, оставили горькую память в истории ногайского народа, вряд ли имеет смысл подходить к силовым мерам Российской империи в конце XVIII в. с современными критериями национальных обид. Пройдёт немного времени, и ногайцы мирных орд начнут постепенно перекочёвывать в ставропольские степи под прикрытие Азово-Моздокской укрепленной линии. Часть ногайцев была переселена в Таврическую губернию

1783 год можно считать временем решающего усиления России на Северном Кавказе. Теперь граница России на Северо-Западном Кавказе проходила по Кубани, а «протекция» над Грузией знаменовала собой начало продвижения империи в Закавказье. Однако нередко случается, что то или иное усиление имеет и «обратную сторону». В данном случае российские коммуникации на кубанском правобережье становятся притягательным объектом для систематических набегов западных адыгов.

Кроме того, наметилось известное обострение отношений с теми дагестанскими «владельцами» и союзами сельских общин, которые традиционно на протяжении XVIII века совершали разорительные набеги на Восточную Грузию. Ряд дагестанских «феодалов» к 1783 г. принял российское подданство, другие выражали готовность к данному шагу. Однако когда русские власти пытались дипломатическим путем «отвратить» своих «подданных» от грабежа своего нового «вассала», это вызывало непонимание дагестанских феодалов. Они почитали набеги и «пленопродавство» своим естественным правом, в которое никто не должен был вмешиваться. При этом такие

мелочи, как кто чей подданный или вассал не заботили вольнолюбивых горцев. Характер горского традиционного уклада не предполагал принцип следования каким-либо четким обязательствам по отношению к российским властям. Здесь нелишне вспомнить и тот общеизвестный факт, что нормы ислама запрещали обращать в рабов единоверцев. Следовательно, захватывать в плен и прибыльно превращать в рабов среди местных поборников свободы было принято христиан – грузин, армян, русских, что и делалось из десятилетия в десятилетие.

У новой проблемы имелся и внешнеполитический контекст: Османская империя, будучи не в состоянии в 1783 году военным путем воспротивиться потере Крыма и российскому протекторату над Восточной Грузией, стремилась усилить антироссийские настроения в Дагестан. Турки натравливали местных любителей набеговых доблестей на Грузию, и этим стремились утратить других от российской ориентации.

Итак, Россия становится сильнейшей стороной в борьбе за Кавказ. Османская угроза тому же Дагестану заметно слабеет. А Иран вплоть до середины 1790-х гг. находился в затяжной династической усобице. В этих условиях дагестанские владетели и «вольные общества» уже видели Россию помехой своему привычному укладу жизни. Хотя это не мешало местным владетелям – «подданным» России получать от нее генеральские звания и жалования по несколько тысяч рублей в год.

Местным российским властям приходилось теперь все больше вникать в достаточно сложную систему взаимоотношений дагестанских владетелей между собой и с восточногрузинским царем Ираклием II. Надо признать, что Ираклий стремился использовать «протекцию» России для достижения собственного доминирования на Южном Кавказе. Присутствовала и другая проблема конкретного свойства – необходимость сообщения с Грузией и обеспечение его безопасности. Для ее решения в 1783 г. от Моздока до входа в Дарьяльское ущелье было возведено три редута, а в 1784 г. была заложена крепость Владикавказ. Однако российские интересы вновь столкнулись с интересами и претензиями горцев. Российские укрепления оказались на землях, которые кабардинские князья привыкли считать своими, даже несмотря на смещение во второй половине XVIII века территории Малой Кабарды на запад и север. Кабардинская знать понимала, что прорыв России к Дарьялу приведет к усилению ее влияния на осетин и ингушей, к возможности их выхода из глубины горных ущелий на плоскость. А это не входило в планы кабардинских князей, которые привыкли «запирать» горцев

Центрального Кавказа в ущельях, контролировать их миграции, видя в этом основу зависимого от себя положения.

Корме того, российские укрепления на подступах к Дарьялу «разъединяли» Большую и Малую Кабарду, затрудняли возможность совместных антироссийских выступлений кабардинской знати.

Строительство укреплений к югу от Моздока не вызвало восторга и у немалой части чеченцев, принявших накануне российское подданство. И определялось это тоже возросшей затруднительностью набеговых «предприятий». Как уже не раз становилось ясно, нахождение немалой части северокавказских владетелей и этнических сообществ к тому времени в «подданстве» России само по себе не гарантировало их верность российской стороне. Поэтому вполне логичным выглядит то, что российское командование стремилось заручиться лояльностью и поддержкой северокавказских «феодалных» владетелей. Взаимодействие с ними, в силу хотя бы относительной социальной сопоставимости, давалось российской стороне успешней, чем с этническими сообществами во главе со старшинами.

1-м июля 1784 г. кн. Г.А. Потемкина предписал кавказскому генерал-губернатору П.С. Потемкину прислать именные списки дворянства Кавказской губернии для причисления к дворянству России лиц магометанского вероисповедания, имевших от русских царей жалованные грамоты на земли. Однако данная идея осталась неосуществленной. Довольно конкретный для истории России термин «дворянство» объективно достаточно условно применим к обозначению горских феодальных (или феодализирующихся) верхов. Бытие дворянина как такового предполагает «двор» государя, которому он служит. Даже для наиболее развитого кабардинского общества данная вертикаль взаимоотношений была не характерна.

Отсюда в известной степени проистекали и более конкретные возможные причины неудачи «интегративного проекта» 1784 года. Во-первых, «система доказательств» дворянского происхождения местных феодалов была довольно сложна и требовала времени. Во-вторых перспектива записи северокавказских владетелей в российское дворянство сопровождалась бы необходимостью действительного служения российскому престолу и подчинения российским властям. Это, вероятно, не входило в планы многих феодалов (особенно кабардинских), привыкших корректировать свою внешнеполитическую ориентацию в зависимости от складывающихся обстоятельств и

собственных интересов. И наконец, в- третьих, воплощение идеи Г.А. Потемкина привело бы к нарушению в среде феодалов иерархических соотношений и связей. Принадлежность к российскому дворянству фактически уравнивала бы феодалов «разной величины» перед лицом высшей инстанции – Российской Империи. Особо трудноприемлемо это было для кабардинских князей, имевших фактическую власть над рядом этнических групп и горских обществ Центрального Кавказа. Запись в российское дворянство способствовала бы разрушению сложившейся системы.

Ордер от 1 июля 1784 г. призван был нести в себе мощный заряд по интеграции северокавказских феодалов – «подданных» Империи – в российскую государственную систему. Однако подобная интеграция не вписывалась в традиционный уклад местных народов. Она не соответствовала политическим устремлениям немалой части феодальных владетелей. После образования Кавказского наместничества губернским городом становится Екатериноград. И практически сразу же по поручению П.С. Потёмкина в нем была открыта школа "для обучения детей, в аманатах находящихся и других тамошних народов".

Взятие аманатов от народов региона входило в сложившуюся систему взаимоотношений российской администрации и горцев. Турки тоже брали аманатов из некоторых народов региона, с тех же кабардинцев до трактата 1774 г. Аманатов не следует рассматривать как заложников в современном представлении. Институт аманатства был одним из немногих атрибутов, обозначивших в конце XVIII — начале XIX в. российское подданство горцев.

Примеры репрессивных действий по отношению к аманатам в конце XVIII в. встречались чрезвычайно редко (например, в случае масштабных нападений кабардинцев на крепости Азово-Моздокской линии в 1779 г.). Интересно, что на содержание аманатов при Кизлярской крепости отпускались немалые для конца XVIII в. суммы денег, что не может свидетельствовать об их бедственном положении. Показателен возраст аманатов – от 7 до 20 лет. Такой их возраст мог способствовать лучшему восприятию ими лояльного отношения к России. Пусть отдалённо, но система аманатства напоминала распространённую среди народов Северного Кавказа систему аталычества, но только на принудительной основе.

Открытая по поручению П.С. Потёмкина в Екатеринограде школа "для обучения детей, в аманатах находящихся, и других тамошних народов" должна была

содействовать приобщению детей горцев к тем ценностям, которые определяли российскую специфику отношений с народами региона. Однако следует, видимо, признать, что определенный срок пребывания в аманатском состоянии не мог в сколь-нибудь значительной степени задать направление умонастроениям горцев. Большая часть из них, возвращаясь в исконную этническую и хозяйственно-культурную среду, полностью и безоговорочно сливалась с ней. Поэтому возможные позитивные представления о России тонули в море незыблемости горского традиционного уклада.

В 1785 произошло значительное обострение обстановки на Северном Кавказе в связи с началом движения горцев под предводительством шейха Мансура (Ушурмы). Данное движение нельзя связывать с насаждением Россией на Северо-Восточном Кавказе собственной администрации, «российским засильем», которых по сути не было. Движение шейха Мансура было обусловлено как тогдашним состоянием чеченского общества, так отчасти и антироссийской деятельностью турецких эмиссаров в регионе.

Усилившиеся набеги горцев, получившие теперь религиозное обоснование, имели целью, в том числе расширение собственной территории за счет российской пограничной Линии. Начало религиозно-политической деятельности шейха Мансура можно отнести к 1783 году. За два года его проповеднической деятельности равнинная Чечня превратилась в очаг агрессивных форм ислама. Они были нацелены на наступательную «священную войну» с «неверными». Возрастает число чеченских набегов на Кавказскую Линию. Зарождение мюридизма и набеговая система оказываются взаимосвязанными.

События 1785-1787 гг. показали явно наступательный характер действий Ушурмы и его сторонников, их стремление к захвату территорий (прежде всего это касается нападений на Кизляр), к распространению движения на Кабарду и Дагестан. Однако Ушурме не удалось надолго заручиться поддержкой кабардинских феодалов. Кабардинцы итоге не пожелали оказаться в зависимом положении от шейха, замышлявшего создание подобия теократического государства, в котором доминировали бы чеченцы.

Ссама идея создания такого «имамата» была утопичной. Во-первых, в силу особенностей уровня общественного развития чеченцев. Во-вторых, вследствие несогласия кабардинских и кумыкских феодалов подчиняться шейху Мансуру.

Регулярные поражения шейха Мансура от российских войск обусловили проводимые им в Северном Дагестане насильственные мобилизации, взятие аманатов.

В конечном итоге шейх Мансур теряет социальную опору на Центральном и Северо-Восточном Кавказе, где турки (давшие ему титул имама) надеялись с его помощью распространить свое влияние. Это определило его уход летом 1787 г. в Закубанье и продолжение оттуда антироссийской деятельности уже под контролем османских властей. Турки имели масштабные планы по использованию шейха для совместных с турецкой армией действий против России на Северном Кавказе.

Несмотря на значительную напряженность на Центральном и Северо-Восточном Кавказе в преддверии русско-турецкой 1787 – 1791 гг. русские власти стремились продолжать попытки постепенной и ненасильственной интеграции горских народов в свою государственную систему.

Важнейшим стратегическим мероприятием (и одновременно интегративным проектом) России на Северном Кавказе явилось предписанное высочайшим рескриптом от 26 августа 1786 г. «учреждение войска из горских народов». Предполагалось содержать войска из кабардинцев, ингушей, осетин и аварцев. Это средство, по мнению императрицы, должно было послужить “к уменьшению, а со временем и к истреблению в них грубости и дикости”.

Анализ данного рескрипта Екатерины II позволяет отметить следующие моменты:

1. Рескрипт от 26 августа 1786 г. явился продолжением идеи привлечения населения Северного Кавказа к службе интересам Российской Империи. Это развитие ранее неосуществленного замысла «записи» местных феодалов в российское дворянство. Это должно было наполнить “подданство” горцев более или менее конкретным содержанием

2. Создание «милиции» из кабардинцев, ингушей и осетин призвано было не только укрепить российское влияние в регионе накануне войны с Турцией. Это должно было способствовать «отвращению» самих горцев от набегов на Кавказскую Линию. Теперь они сами должны были защищать её от набегов. Также это должно было предотвратить варианты распространения на Кабарду антироссийских движений (таких, как движение под предводительством шейха Мансура).

3. Учреждение «войска из горских народов» должно было утвердить Россию как главного и единственного “сюзерена” народов региона. Объективно это противоречило традиционным этносоциальным отношениям народов Центрального Кавказа, построенным на доминировании кабардинских князей над теми же осетинами и ингушами.

4. Не предполагалось создание «милиции» из чеченцев, чья лояльность в условиях еще продолжавшегося движения шейха Мансура была более чем сомнительной, и из представителей кумыкских феодальных владетелей, недавно подвергавшихся принудительным мобилизационным мероприятиям того же мятежного шейха.

Рескрипт от 26 августа 1786 г. не вызвал восторга в Кабарде. Кабардинские феодалы внесли российской стороне свои предложения. Суть их заключалась в том, чтобы не устанавливать между ними заведенного порядка воинской службы. Кабардинцы просили позволить в случае надобности, по усмотрению феодалов, выставлять необходимое количество воинов из других сословий. Вместе с тем они изъявили согласие охранять собственными силами все броды в верховьях р. Кубани и не допускать в этих местах действий противников России.

Принятие российскими властями кабардинских «контрпредложений» означало бы фактический отказ от самой идеи екатерининского рескрипта. Сбор ополчения «по усмотрению» феодалов и выраженное их собственное нежелание служить в «войске» не оставляли бы России никаких шансов на какой-либо эффект от кабардинского ополчения. Вместо системы служения кабардинская знать предлагала вариант, основанный на ее собственных инициативах и видениях обстановки. Что же касается готовности охранять броды в верховьях Кубани, то здесь кабардинские феодалы пытались сохранить контроль за собственной, не так давно обретенной зоной влияния. Неоднократные уходы «фрондирующих» кабардинских князей за Кубань не оставляли для российских властей никаких иллюзий относительно целесообразности этой части кабардинских предложений.

Но князь Г.А. Потемкин 24 декабря 1786 г. присылает в Кабарду грамоту, обязывающую её князей к выполнению всех пунктов, изложенных в рескрипте. В мае 1787 г. в присутствии огромного стечения людей на р. Малке кабардинцы "выслушали обращенную к ним прокламацию и присягнули в том, что будут исполнять свои обязанности в точности".

Что касается осетин и ингушей, то они решительно уклонились от участия в "милиции". Это можно, на наш взгляд, объяснить следующими причинами: во-первых, в случае участия в "войске из горских народов" на долю осетин и ингушей выпадали действия по отражению набегов чеченцев. Это могло существенно осложнить отношения с ними и привести к увеличению роста чеченских нападений на осетин и ингушей.

Российские укрепления, довольно редко расположенные по направлению к Дарьялу, вряд ли уберегли их от чеченских набегов. Набеги приобрели бы черты характера религиозного, а значит, достаточно высоко организованного. Во-вторых, возможные обстоятельства службы в “войске” не исключали для осетин и ингушей вариант конфронтации с кабардинскими феодалами. Для них в принципе было нежелательно какое-либо “патрулирование” осетинами и ингушами преддарьяльской плоскости, тем более под патронажем России. Кроме того, у осетин и ингушей не было, в отличие от кабардинцев, той социальной и военной организации, наличие которой хотя бы частично предполагало бы потребность в вассальном служении.

Вместе с тем нельзя сказать, что боевые команды из осетин и ингушей совсем не собрались. В конце 1786 г. под началом генерала-майора Горича объединенные "военные команды горцев" приняли участие в действиях против Шейха Мансура. Однако это лишь конкретный эпизод, не приведший к воплощению екатерининских контуров участия осетин и ингушей в “войске из горских народов”.

В Кабарде формирование «милиции» происходило медленно. Кабардинцы не торопились занимать “передний край обороны” напротив турецкого Закубанья. Здесь обосновался шейх Мансур со своими новыми черкесскими сторонниками и турецкими вдохновителями. Вариант мест «прохождения службы», предлагаемый самими кабардинскими феодалами, привел бы к фактическому восстановлению желанных для кабардинской знати зон военного, а значит и политического, доминирования на Центральном и отчасти Северо-Восточном Кавказе.

Вопрос об использовании горских ополчений решится уже во время русско-турецкой войны 1787 – 1791 гг. Проявление военной доблести на стороне России во «внешней» войне было для горцев предпочтительнее охраны Кавказской Линии в мирное время. К тому же успешное участие во внешней войне предполагало и захват добычи, а также удовлетворение “воинственности” горцев.

Таким образом получается, что в случае с проектом создания «войска из горских народов» традиционный уклад означенных народов в очередной раз вступил в противоречие с российским видением «совместничества» в регионе.

Анализируя традиционную в Кабарде систему судопроизводства сразу по окончании османо-русской войны 1787 – 1791 гг. главнокомандующий на Кавказе ген. И.В. Гудович докладывал Екатерине II о том, что "Кабарда с давних времен считается в

русском подданстве, но в верности своей колеблется; и хотя поставлен над нею русский пристав, но никаких законов она у себя не имеет, а довольствуется духовным судом или же народными обычаями". Генерал доказывал императрице вредность для российских интересов некоторых из этих обычаев (в частности взаимных набегов) и отмечал: "Ежели в сем народе не учинить суда и порядка, то оный будет государству Вашего Императорского Величества бесполезен, а самому себе во вред и разорение".

В ответ И.В. Гудович получил от Екатерины II довольно "программный" указ от 2 февраля 1792 года, где, в частности, говорилось "... не единою силой оружия предлежит побеждать народы, в неприступных горах живущие...; но паче правосудием и справедливостью нужно приобретать их к себе доверенность, кротостью смягчать, выигрывать сердца и приучать их больше общаться с русскими".

Для этого предполагалось:

1-е – всячески ласкать и привлекать к себе лучших людей из этих народов, тех же, кто более предан, жаловать чинами.

2-е – твердо наблюдать, чтобы ни от войск, ни от казаков на линии не чинились притеснения и обиды.

Таким образом, мы видим в этом указе программные черты той политики "ласкания горцев", которая была характерна для России довольно долгое время. В 1792 г. велась подготовительная работа к введению в Кабарде родовых судов и расправ, то есть элементов российского судопроизводства. И.В. Гудович рапортовал императрице, "что все роды владельцев и узденей Большой и Малой Кабарды присланными ко мне письмами просили сами по доброй воле и желанию об учреждении между ними родовых судов и родовых расправ».

Родовые суды и расправы были введены в Кабарде в 1793 году. Родовые суды и расправы не явились сколько-нибудь масштабным внедрением российских судебных порядков на кабардинскую почву. Только Верхний пограничный суд, во главе которого стоял Моздокский комендант, судил по российским законам измены, разбои, грабежи и воровства, убийства, а также имел право апелляции на родовые суды и расправы по гражданским искам.

Русские власти добивались таким образом ослабления и ликвидации самостоятельности местной феодальной знати. Рассуждения некоторых кабардинских историков о стремлении России к "упразднению государственности Кабарды"

несостоятельны. Кабардинские феодальные княжества не составляли единого государственного организма, находясь в постоянном соперничестве.

Однако кабардинские феодалы и явно протурецки настроенное мусульманское духовенство Кабарды выступили против судебных нововведений.

В начале 1794 года недовольство в Кабарде переросло в открытое восстание, для подавления которого были использованы войска.

С течением времени слабо организованные антироссийские выступления в Кабарде приобретают характер «шариатского движения», направленного на установление «духовного суда».

И вновь не обошлось и без османской агитации: турецкий султан опять призывал мусульман Кавказа объединяться и готовиться к войне с Россией, в которой он обещал освободить от «неверных» Крым и Кабарду. Кабардинская знать начинает рассматривать Османскую империю в качестве возможного противовеса деятельности России в регионе.

Упорная борьба против родовых судов и расправ свидетельствует о стойком нежелании кабардинской феодальной знати и мусульманского духовенства любых проявлений интеграции Кабарды в российскую государственную систему. Интересно, кстати, и то, что после уступки российских властей, разрешивших к 1807 г. введение «духовного суда» в Кабарде, успокоения там не произошло и антироссийская деятельность была продолжена. Таким образом, замена родовых судов и расправ шариатским судом являлась не целью кабардинской знати и духовенства во взаимоотношениях с Россией, а лишь необходимой ступенью дезинтеграции с российской стороной.

В конце XVIII в., в короткое царствование императора Павла I (1796 – 1801), Россия выступила с очередным проектом ненасильственной интеграции горцев в орбиту своего влияния. Император Павел замыслил создание из пророссийски настроенных владетелей Восточного Кавказа «федерации», члены которой должны были совместно обороняться от внешних врагов без привлечения российских войск. Павел I видел статус северокавказских народов более вассальным, чем подданническим.

Но идея создания «федеративного государства» наталкивалась на целый ряд объективных и субъективных проблем. В рамках Российской империи не существовало какой-либо федеративной традиции, а значит и опыта. Пророссийски настроенные

владельцы Дагестана и Северного Азербайджана, рассматриваемые Павлом I в качестве субъектов замысливаемой федерации выглядели сомнительно. Во-первых, их российская ориентация, пусть даже в форме «подданства», была не вполне надежной и зависела от ряда внутренних и внешних факторов. Во-вторых, различные «владения» и ханства Дагестана и Азербайджана находились на отличающихся уровнях социально-экономического и политического развития. Это серьезным образом затрудняло их объединение в любую единую государственную структуру. В-третьих, Восточный Кавказ кишел усобицами, распрями, борьбой за власть с привлечением «внешних сил», набегами, обманами и прочей колоритной «экзотикой». В этих обстоятельствах очень не ясно, как должны были выглядеть контуры взаимодействия между социальными элитами региона. «Право сильного», столь укоренившееся на Кавказе, весьма затрудняло компромиссы и стабилизацию обстановки в целом.

Любопытно, что российский император изначально хотел видеть и Восточную Грузию в составе замысливаемой «федерации». Однако внешнеполитические обстоятельства и, не в меньшей степени, традиционная набеговая экспансия дагестанских владельцев и «вольных обществ» на Грузию заставили Павла I отказаться от первоначального «формата» федерации.

Формально павловский проект федерализации Восточного Кавказа был воплощен уже после гибели императора, Георгиевским договором 26 декабря 1802 г. Но события ближайших же лет покажут явно недостаточную эффективность подобного «федеративного взаимодействия». И неудивительно, ведь реалии местного традиционного уклада было очень проблематично приспособить к несколько «идеалистическим» проектам Петербурга.

Нередко так называемый «доермоловский» период российско-горского взаимодействия именуют политикой «ласканий» горцев. По крайней мере, вторая половина XVIII – начало XIX века были насыщены примерами, как российские власти, региональные и столичные, стремились разнообразными способами «умиротворить» горские народы, суля им всякие выгоды от русского подданства. Правда, «ласкания» не предполагали отсутствия силового реагирования в тех случаях, когда горские привычки вступали в явное противоречие с интересами Российской империи в регионе и с безопасностью ее подданных. Категорическое неприменение силы в ответ на набеги, нарушения присяг, измены во время войн с той же Турцией могло привести для России к

обвальному росту данного горского непостоянства. Можно вспомнить и то, что в горской среде силовое разрешение проблем являлось традиционным, если не предпочтительным. В этой связи «непротивление злу насилием» со стороны России могло истолковываться в качестве ее слабости. Между тем, именно ответные по сути «репрессалии» горцам и нарекаются современными «национальными» историками (в немалой мере по советской историографической традиции, которая, правда, основывалась на классовой, а не национальной «подоплеке») агрессией, колониальной экспансией и т.п. Типичен и такой прием: описывать жестокости той или иной «карательной экспедиции» российских войск, без упоминания, какие же горские «доблести» ее обусловили. При этом нередко и политика «ласканий» не отражается практически никак в порыве обличения «колониальной политики царизма».

Следует отметить, что первые годы XIX века складывались весьма непросто для российских интересов на Кавказе. Назревала война с Ираном, «союзный и оборонительный договор» с Турцией, заключенный при Павле I уже тяготил османские власти (не без происков попеременно, то английской, то французской дипломатии). В то же время присоединение к России в 1801 г. Восточной Грузии делало на весьма недалекую перспективу Северный Кавказ «тыловой территорией» Российской империи, и ряд проявлений горского традиционного уклада в данном контексте смотрелся для российских властей все менее привлекательно.

В данных условиях Главкомандующим на Кавказе (эта должность появилась после присоединения Картли-Кахетии, раньше высшие полномочия в регионе имели командующие на Кавказской линии) был назначен ген. П.Д. Цицианов (1802 г.). В 1803 – 1805 гг. ему приходилось неоднократно применять силу против горцев, как то в случае с подавлением инспирированного Ираном восстанием в районе Военно-Грузинской дороги, или – с пресечением набегов в российскую уже Грузию со стороны Джаро-Белоканских «вольных обществ». Эти действия не предписывались П.Д. Цицианову инструкциями из Петербурга, а вытекали из сложившихся региональных и внешнеполитических обстоятельств.

Известно, что П.Д. Цицианов впервые в практике российско-дагестанских отношений стал налагать дань на местных владетелей. До этого, напротив, проявление их «подданства» заключалось в получении чинов, жалований и т.п. при небесспорном соблюдении взятых обязательств. В связи с этим наложение дани призвано было рельефно обозначить конкретную зависимость дагестанских владетелей от России, символизировать их подданство по отношению к Российской империи. Принципиально важно здесь отметить, что наложение дани не исключало продолжение получения жалования теми владетелями, которые обнаружили приверженность к России.

Если учесть, что дань есть примитивное проявление налогообложения, получается, что при П.Д. Цицианове делается первая попытка поставить дагестанских феодалов в непосредственную зависимость от России (кроме прочего, наложение дани, ее размер, наличие и размер жалования напрямую увязывались именно со степенью лояльности владетелей к российским властям, с соблюдением им ранее взятых на себя обязательств). Связывать все это с какой-то колониальной политикой России, на наш взгляд,

безосновательно.

После ряда внешне успешных, но не приведших к "замирению" горцев силовых акций П.Д. Цицианов пытается изыскать иные методы стабилизации местной обстановки, признавая тем самым возможность корректировки той политики, которую он был вынужден осуществлять в первые месяцы своего командования на Кавказе.

И как раз эта динамика взглядов и действий П.Д. Цицианова в достаточной мере согласуется в концепцией российскости в русско-кавказских отношениях. Так, получив в 1804 г. от правительства предписание "внести коррективы в управление Кабардой", где было тогда в разгаре "шариатское движение", Цицианов разрабатывает новую систему подходов к урегулированию обстановки в Кабарде, в основе которой лежала постепенность. Сам генерал, изначально вынужденный сторонник немедленного "замирения" горцев, признал, что "перемены нравов и обычаев азиатских" можно "ожидать с переменною целых и нескольких поколений".

Новая цициановская концепция действий в Кабарде предусматривала прежде всего перемену "воспитания" кабардинцев и сближение их с российскими нравами.

В январе 1805 года, после трехлетнего пребывания на Кавказе, князь Цицианов наставлял генерала Дельпоццо, назначенного начальствовать над Большой и Малой Кабардами: «... Долг звания моего ставит мне в обязанность указать вам главные черты правил поведения, коего держаться надлежит при управлении сим беспокойным и к хищнической жизни приобвыкшим народом и тем еще необходимее, что по представлению моему, Высочайше утвержденному, перемениться должна от сего дня система оного управления.

Доныне система состояла в обуздании лютости их: 1) поддерживанием узденей в неповиновении к их князьям, 2) пенсионом, явно производимым. Рассматривая со вниманием сии два способа, нашел я их более ко вреду, нежели к пользе цели служащими; ибо первым, содержа узденей против их князей во вражде, нечувствительно Россия вселяла в них военный дух и заставляла их по необходимости сделаться год от года больше военными людьми, нежели спокойными обывателями. Следовательно, не обещающими оставить свои дикие и пагубные привычки. А второй способ, производя в не- получающих к получающим пенсионы зависть неминуемую, возрождал в первых к последним презрение и неуважение, считая предателями собратий.

И для того предположено, оставя сию систему, основать новую, на трех главнейших

предметах, а именно: 1) на перемене их воспитания; 2) на введении в Кабарду роскоши и 3) на сближении оной с российскими нравами, покровительствуя наружно их веру и умножая случаи к сообщению с российской.

По разуму сих трех номинальных предметов, по представлению моему Высочайше утверждено: 1) чтобы в Георгиевске и Екатеринограде заведены были училища для обучения детей кабардинских владельцев и узденей, каковые воспитанники после перемещаемы были бы из училищ в кадетские корпуса; 2) чтобы учредить беспошлинный впуск в те места, куда за нужное признано будет, кабардинских домашних произведений и изделий, особливо в торговые дни; 3) чтобы в Георгиевске и Константиногорске построить казенным коштом мечети и иметь горцам муллу для отправления их богослужений, и наконец, 4) чтобы сформировать кабардинский гвардейский эскадрон.

Изложив все милосердия Е. И. В. о благосклонности сего народа, попечения и новые Высочайше дарованные милости оному, предписываю, первоначально вруча мое к ним письмо, здесь в списке прилагаемое, внушить им всю важность оногo, потом приступить к выполнению всех вышепрописанных статей, а именно:

1) Выбрать место в Георгиевске за крепостью для построения мечети, около которой желательно бы было, чтоб они, особливо мастеровые, поселились под именем кабардинского форштадта. Начало сие можно сделать переводом тех, кои теперь в Георгиевске находятся, в Екатеринограде, тоже на местах выбранных, снесясь с господином генерал-майором Брюзгиным, меня уведомить.

2) Узнав о муллах и ахундах или их духовных, кои больше против других имеют от народа доверенность и уважение, стараться их привлечь на нашу сторону, обещая ежегодно производить тайно пенсии, доколе верными пребудут, и из таковых двух выбрать для сих двух мечетей.

3) Защищать их всеми образами от притеснений, чинимых нашими воинскими чинами.

4) Когда построены будут мечети и при них школа, то склонять через мулл для пополнения их учениками. Буде же прежде и до построения школ набралось их до 12 или более охотников отдать своих детей, то меня уведомить, и я временные школы учредить поспешу.

5) Так как главнейшим неудовольствием их служит введение родовых судов, то

стараться узнать и разведать мысли сего народа, будут ли они довольны тем, что на первую инстанцию разбирательств их, сверх и всякого рода дел, поручить их муллам, кадиям и ахундам, с тем чтобы они представляли ежемесячно верховному пограничному суду о числе бывших дел и без спора их судом кончившихся"

При анализе данного документа можно уяснить, что Дельпоццо впоследствии зондировал возможность введения духовного суда в Кабарде, исходя из программных установок не только Александра I, но и Цицианова. Кроме того, Цицианов явно стремится воспитать кадры лояльного к России мусульманского духовенства, что было очень важно.

Цициановский проект стабилизации положения в Кабарде был действительно масштабен и многопланов, что видно из цитируемого предписания. Однако сложность представлял один немаловажный фактор: захотят ли кабардинцы многое из того, что замышлялось теперь Цициановым, или будут по-прежнему держаться за свой традиционный уклад, со всеми его проявлениями, тем более при условии допущения шариатского суда, ведь шариат реально противостоял "сближению Кабарды с Российскими нравами".

Вообще следует, видимо, признать, что трансформация горского традиционного уклада в необходимой российской властям редакции – дело многих десятилетий, и нельзя сказать, что эта трансформация сегодня присутствует во вполне приемлемом варианте...

Интересно и то, что П.Д. Цицианову приходилось действовать в условиях наметившегося соперничества военных и гражданских властей в регионе (или, по крайней мере, недоразумений между ними). Еще в 1802 году Коллегия иностранных дел признала необходимость изъять управление народами Северного Кавказа, в том числе кабардинцами, из ведения начальника Кавказской Линии и передать его в руки коллежского советника К.С. Макарова, назначенного главным приставом.

Таким образом, полномочия Макарова расширились в сравнение с планами ближайших предшествующих лет. По существу, ставка на чиновника от Коллегии иностранных дел в роли "главного пристава" горских народов есть попытка внедрения Россией элементов модели гражданского управления жителями Северного Кавказа – "подданными" империи. И успех данного проекта почти напрямую зависел от того, сколь часто Макарову придется обращаться за содействием военных властей. А это, в свою

очередь, зависело от того, сколь часто те же горцы будут создавать ситуации, требующие военного вмешательства.

Макаров прибыл на Кавказ еще в июле 1802 г., и первое же его общение с кабардинцами было отмечено проблематичностью распространения в регионе гражданского управления. Командовавший тогда еще К.Ф. Кнорринг сообщил ему о претензиях жителей деревни Маслов Кут к кабардинцам (с 1792г.) на сумму 4277 руб. 20 коп. Макаров потребовал от родовых судов и расправ взыскания этой суммы и получил отказ. Тогда главный пристав потребовал от К.Ф. Кнорринга военной команды. Это свидетельство того, что взаимодействие Макарова и родовых судов и расправ, то есть разных уровней “гражданского управления” России в Кабарде, не срабатывает. И дело здесь, как представляется, не только в зыбкости положения родовых судов и расправ в контексте продолжавшегося шариатского движения.

Любопытна точка зрения В.Н. Кудашева на данный эпизод: "Такого рода требование заставило кабардинцев с недоверием отнестись к новому представителю власти, и кабардинцы встретили довольно равнодушно отделение гражданского управления от военного". Разумеется, взыскать с кабардинцев (как и с любого другого народа региона) за "уворованное" было делом традиционно весьма трудным, и, как правило, подобные взыскания ранее проводились либо "барантованием", либо под угрозой применения войск. А родовые суды и расправы во многом тем и не нравились кабардинской знати, что должны были заниматься подобными взысканиями. Однако здесь наглядно проступает то, что кабардинские феодалы те или иные нововведения России оценивали с точки зрения выгоды для себя, в данном случае – в контексте желательности собственной безнаказанности за грабительские набеги.

Чрезвычайно умеренный по части применения силы в регионе К.Ф. Кнорринг выразил недовольство “разведением” военного и гражданского управления, считая, что это приведет к замедлению дел и к "затруднению в соображении местных обстоятельств, обычаев и умоначертаний кавказских народов".

Уже при П.Д. Цицианове главному приставу К.С. Макарову пришлось заниматься вызволением из плена отставного полковника Дельпоццо. Выясняя обстоятельства его пленения, Макаров писал в Коллегию иностранных дел относительно причин местных “непокойствий”: "Необузданность сия и особенная отважность хищников происходит от того, что покушения их ... обстоятельно не рассматриваются, так что нередко мщение

падает на неповинных... главное здешнее начальство не имеет достаточного познания о ... нравах и обычкновениях местных народов".

Довольно показательно то, что не слишком компетентный в местной специфике К.С. Макаров был склонен российскую, то есть свою, сторону обвинить в недоразумениях с горцами. Несмотря на все возможные издержки, может, здесь есть чему поучиться тем, кто замечает у "своей стороны" лишь положительности, а у противной соответственно лишь недостатки и стремление к "колониальной экспансии"...

Между тем российские власти не могли следовать в полном объеме "рецептам" Макарова, так как розыск непосредственных виновных в набегах был предельно затруднен, не в последнюю очередь и в силу традиций тех же горцев. Полностью же положительно воспринимать "права, обычаи и исторически сложившийся уклад жизни" горцев российские власти просто не имели права, так как те сами собой подразумевали набеги, органически входящие в систему ценностей местных народов.

Существует точка зрения, что "реформа гражданского управления встретила на Кавказе определенное сопротивление местных военных властей и в силу этого не была проведена последовательно и доведена до конца". Но необходимо отметить, что гражданское управление как таковое (вместе с разделением гражданских и военных властей) было мало понятно тем же кабардинцам, как и другим горцам, для которых в силу стадияльного уровня развития и мировоззренческих установок существовала, видимо, лишь одна приемлемая модель "управления" – собственный традиционный уклад.

В условиях же продолжавшегося в Кабарде шариатского движения элементы функционирования российского гражданского управления кабардинским феодалам и духовенству были не нужны в принципе. Тем не менее, именно в это время мятежная Кабарда могла получить политического лидера, чьи взгляды были далеки от воззрений шариатистов и принимали черты своеобразной альтернативной интеграционной модели развития российско-кабардинских и российско-северокавказских взаимоотношений.

В 1801 году из екатеринославской ссылки был отпущен Измаил Атажукин – одновременно кабардинский князь и европейски образованный российский офицер, попавший под подозрение в причастности к волнениям в Кабарде в 1794 г., после введения родовых судов и расправ. Любопытно, что в ссылке вместе с Измаил-беем (так нередко подписывался Измаил Атажукин) находился его брат Адиль-Гирей, ставший

вскоре лидером (наряду с Исхаком Абуковым) шариатского движения в Кабарде. С 1801 по 1804 г. Измаил Атажукин пребывал в Петербурге, где создал два весьма показательных документа в форме докладных записок. Первая из них называлась "Краткое описание жителей Горских Черкес, начиная от Большой и Малой Кабарды, покорных Российской державе и расположенных между рек Терека и Кубани", а вторая – "Записка о жителях Кавказа, Большой и Малой Кабарды, с описанием первобытного их состояния до устроения линии крепостей от Моздока до Ставрополя и какие из того произошли неудобства».

Уже в самих названиях документов просматривается некая политическая двусмысленность (если не неадекватность): ведь кабардинцы в тот момент (и на протяжении ряда лет – периодически) были вовсе даже не покорны "российской державе", да и неудобства от крепостей Азово-Моздокской линии автор рассматривал не как российский офицер, подданный империи, а как кабардинский князь. Если учесть, что подобные концептуальные настроения вряд ли могли возникнуть у Измаила Атажукина в Петербурге или екатеринославской ссылке, можно предположить его действительную оппозиционность российским властям в событиях 1793 – 1794 годов.

В "Кратком описании жителей Горских Черкес..." Измаил Атажукин развивает идею создания в Кабарде опорного пункта для проведения политики российского правительства на Кавказе, объясняя свою позицию заботой "обо всем происходящем во всем краю родины своей".

По замыслу Измаил-бея Кабарда должна была стать "посредником" между Россией и народами Северного Кавказа, что объективно способствовало бы ее доминированию в регионе. Таким образом, автор "Краткого описания", несмотря на свою высокую интегрированность в российскую систему службы, образования и даже в "высший свет", выражал в своей "записке" долговременные интересы кабардинской феодальной знати. Здесь же Измаил Атажукин утверждал, что кабардинские князья со всеми подданными российскому престолу были всегда высокочестною державою сею уважаемы как **личные соседи** (выделено нами. – *Б.В.*) при наблюдении совершенного их во всем спокойствия.

Заметим здесь, что между "личными соседями" и подданными (а даже и вассалами) есть значительная, принципиальная разница, да и "совершенное во всем спокойствие" кабардинцев как по отношению к России, так и в контексте их собственных усобиц есть явное преувеличение.

Что же касается второго документа, "Записки о жителях Кавказа...", то здесь Измаил-бей предлагал российскому правительству "возвратить кабардинцам отрезанные у них земли, на коих устроена линия и поселены слободы, а если сие невозможно... дать им свободный вход во все прежде принадлежащие места для пастьбы скота и прочих нужд, не подвергая их обязанности брать билеты; возвратить кабардинским владельцам всех беглых их, поселившихся на линии и впредь оных не принимать".

Любопытно, что все это предлагалось российскому правительству принять взамен роли Кабарды как "открытого пункта" для проведения российской политики в регионе. При подобном "раскладе" Россия бы теряла часть укреплений Кавказской Линии (а значит – и системность укреплений в целом), ряд территорий и допускала бы то самое доминирование Кабарды на Центральном Кавказе, установления которого добивалась кабардинская знать начиная с того времени, когда ослабла ее потребность в российской защите. Стратегическим интересам России на Кавказе был бы нанесен существенный урон, чем бы не преминули воспользоваться в том числе Турция и Иран. Обращает на себя внимание и то, что предложения Измаила Атажукина отражали именно то непонимание российского суверенитета над Кабардой, которое было свойственно кабардинским социальным верхам в целом и выражало их собственные перспективные планы в регионе.

Разумеется, что П.Д. Цицианов как командующий на Кавказе резко возражал против проектов Измаил-бея и ставил под сомнение полезность использования для службы на Кавказской Линии.

Предательское убийство П.Д. Цицианова 8 февраля 1806 г. переменяло образ действий России на Северном Кавказе, цициановские проекты были не реализованы, а о нем самом, как правило, распространилось суждение, основанное на восприятии силовой составляющей его действий.

В 1806 г. Россия стояла перед перспективой одновременной войны и против Ирана, и против Турции, не говоря уже о соответствующих проблемах противостояния в Европе. В данных обстоятельствах новым главнокомандующим на Кавказе назначается уже возглавлявший российские силы в регионе в конце царствования Екатерины II и в начале царствования Павла I опытный и осторожный граф И.В. Гудович.

Не стоит, наверное, связывать престарелый возраст графа И.В. Гудовича и его "бездеятельность". Скорее годы, проведенные им вне Кавказа не могли способствовать

адекватному восприятию им изменившихся местных реалий. К тому же И.В. Гудович довольно негативно воспринимал деятельность в регионе своего предшественника П.Д. Цицианова и стремился исправить в ней все, на его взгляд, ошибочное и неполное.

В контактах с горскими владетелями И.В. Гудович, как считается, возобновил “политику ласканий”, прерванную П.Д. Цициановым. Однако конкретные обстоятельства российско-дагестанских взаимоотношений тех лет показывают, что Цицианов, взимая с местных феодалов дань, не отказывался от практики предоставления жалований, а Гудович, широко практикуя разнообразные пожалования, фактически не отказался от дани с некоторых владетелей.

Следовательно, между деятельностью И.В. Гудовича и П.Д. Цицианова были и черты преемственности, обусловленные стратегическими задачами России на Северном Кавказе на протяжении довольно долгого времени. Вместе с тем надо заметить, что новая система отношений российских властей с дагестанскими владетелями не была возвратом к методам XVIII века.

Несмотря на войны с Ираном и Турцией одновременно, русской администрации в целом удавалось контролировать ситуацию в Дагестане и даже укреплять здесь свое влияние. Однако надежды И.В. Гудовича на отвращение дагестанцев от набегов были идеалистическими, исходящими из недопонимания особенностей местного традиционного уклада.

И.В. Гудович пытался урегулировать и обстановку в Чечне, где проблема набегов стояла наиболее остро. Сразу по вступлении в должность главнокомандующего на Кавказе он предложил Александру I три пункта, которые, по его мнению, должны были привести к успокоению и усмирению чеченцев: 1) Переселить как можно больше чеченцев на правобережье Терека, но с условием, чтобы они сами охраняли близлежащую кордонную линию от нападений со стороны горцев; 2) Отдавать чеченцам соль за небольшую плату, позволить им беспошлинно торговать в российских пределах; 3) Разрешить им пасти свой скот в зимнее время "на пустопорожних степях левобережья Терека". Есть небезосновательное мнение, "что эти предложения отвечали насущным нуждам чеченского населения и при соответствующем исполнении могли бы привести к дальнейшему российско-чеченскому сближению, упрочению политических и торгово-экономических связей".

Обращает на себя внимание то, что интегративный проект И.В. Гудовича по

успокоению чеченцев обнаруживал немалые черты сходства с теми условиями, на которых чеченские общества принимали присяги на подданство России во второй половине XVIII века. А как известно, в текстах данных присяг были заложены условия, трудные для выполнения чеченцами в контексте их традиционного уклада. В современном кавказоведении даже есть точка зрения, что разрешение российских властей на расселение чеченцев на равнину являлось стратегической ошибкой России, осложнившей на перспективу чеченско-российское взаимодействие (правда, тогда становится неясным, как, по какому сценарию российская администрация должна была строить свои отношения с чеченскими обществами, не допуская их миграцию на правобережье Терека и другие равнинные территории).

План И.В. Гудовича, являвшийся своеобразным атрибутом политики “ласканий горцев”, имел специфические “узкие места”. Во-первых, переселение большого числа чеченцев на Терское правобережье было довольно проблематичным. Там уже существовал ряд чеченских селений и российским властям приходилось практически постоянно пытаться “отвращать” здешних чеченцев от набегов на Кавказскую Линию, принуждать их к выполнению подданнических присяг. Причем и в конце XVIII века, и в первые годы века XIX-го, при П.Д. Цицианове, данные попытки (дипломатические или силовые) если и давали успех, то чрезвычайно кратковременный. Недаром тот же П.Д. Цицианов замышлял в 1803 г. строительство новых российских укреплений на Сунже. Появление в Притеречье нового чеченского населения (логично предположить – жителей предгорий, склонных к набегам) заметно осложнило бы ситуацию, так как контролировать поведение “новоселов”, основанное на традиционном укладе, было бы российской стороне весьма трудно. В состав “мирного” чеченского населения правобережья Терека (принимаем здесь известную условность данного наименования) влился бы мощный поток “немирных” чеченцев, и последствия этого были бы весьма неоднозначными. Во-вторых, расчет на перспективу охраны пополненным чеченским населением Притеречья близлежащей кордонной линии от нападений со стороны горцев был, по нашему мнению, достаточно призрачным, ведь до этого укоренившиеся здесь чеченцы были не в состоянии справиться с такой задачей.

И наконец, в третьих, разрешение чеченцам в зимнее время пасти свой скот на Терском левобережье также несло в себе достаточно предсказуемый вариант развития событий: вместе с действительно желающими мирно пасти скот на левый берег Терека

устремились бы и искатели иных "доблестей". Скованность Терека льдом облегчила бы их "предприятия", а вычленив "воровские партии" среди "мирных чеченцев" опять-таки было бы непросто.

Поэтому, видимо, план И.В. Гудовича, несмотря на одобрение его Александром I, и остался тогда неосуществленным, так как не вполне соответствовал сложившимся местным реалиям, быстро изменить которые было бы невозможно даже самыми благими намерениями.

Возможности и методы российской политики на Северном Кавказе определялись тогда и "Предначертаниями" Министерства Иностранных дел о политике на Кавказе, предоставленными Александру I в апреле 1806 г. В них, в частности, отмечалась взаимосвязь безопасности в Закавказье с ситуацией на Северном Кавказе, а также "наружный" характер подданства горских народов, что в принципе соответствовало реалиям конца XVIII – начала XIX в. и продолжало традиции российской северокавказской политики.

В конце июля 1806 г. И.В. Гудович начал переговоры с чеченскими старшинами. Он созвал съезд старшин 104 чеченских селений, то есть большинства населенных пунктов Чечни. Чеченские представители заявили российскому командующему, что недовольство в Чечне и нападение чеченцев на Кавказскую Линию порождены притеснениями жителей со стороны местного российского начальства. Интересно, что сам И.В. Гудович не исключал в принципе возможных случаев неадекватных действий российских военных властей. Однако еще более интересно то, что со стороны горцев Северного Кавказа обвинения местного российского начальства в притеснениях и объяснение этим собственных набегов было явлением довольно типичным. Кроме прочего, жалуясь на местные российские власти, они таким образом "оправдывались" перед более высокими российскими инстанциями, стремясь избежать наказания и, по возможности, получить какие-либо выгоды. Нельзя не заметить, что данный не лишенный лукавства прием взят на вооружение целым рядом современных "национальных" историков, вполне готовых все обострения местной обстановки в конце XVIII – начале XIX в. объяснять исключительно действиями российских властей.

Не отрицая в принципе возможности злоупотреблений со стороны российских властей, следует все же признать, что они не могли "перевесить" мощное инерционное, освященное традицией движение – набеговую экспансию, получившую в конце XVIII –

начале XIX в. дополнительные идеологические импульсы вследствие завершения исламизации горских этносоциальных сообществ.

... И.В. Гудович обещал разобраться со всеми жалобами чеченцев и потребовал от них прекратить набеги на Кавказскую Линию, обещая за это блага, вполне соотносимые с положениями его же программного проекта по урегулированию ситуации в Чечне.

Однако чеченские старшины оказались не в состоянии обеспечить прекращение набегов на российские коммуникации. В этих условиях 20 сентября 1806 г. И.В. Гудович обратился к чеченцам с "Обвещением", которое хоть и содержало прежние посулы чеченцам, но отличалось уже наличием полуультимативных нот, обещанием наказания за продолжение набегов.

Из "Обвещения" следует, что два месяца "переговорного процесса" с чеченцами не дали ощутимых результатов. Более того, к осени 1806 г. набеги чеченцев еще более участились, и определенную роль тут сыграла подстрекательная деятельность турецких агентов. В этих условиях в ноябре 1806 г. И.В. Гудович, видя бесплодность дипломатических увещеваний, дал согласие на проведение масштабной военной экспедиции в Чечню, возглавлять которую было поручено командующему на Кавказской Линии С.А. Булгакову.

Обстоятельства проведения в феврале-марте 1807 г. данной экспедиции выяснили, что перед лицом внешней угрозы (пусть даже вызванной их собственной манерой поведения) чеченцы проявляют "этническую солидарность", которая оказывается выше присяг, обязательств и т.п. по отношению к России. Ведь "мирных" чеченцев, которым И.В. Гудович предписывал давать "протекцию" в Чечне, в тот момент не оказалось.

Исторический контекст анализируемых событий не позволяет согласиться с утверждением, что "царские власти в условиях войны с Ираном и надвигающейся войны с Турцией ... чисто в превентивных и назидательных целях могли ударить по Чечне". Зато личная вовлеченность И.В. Гудовича как главнокомандующего на Кавказе в оказавшийся бесплодным переговорный процесс может свидетельствовать о значительном, угрожающем размахе чеченских набеговых "предприятий" на Кавказской Линии.

В итоге военной экспедиции ген. С.А. Булгакова ряд равнинных чеченских обществ вновь присягает России и обещает прекратить набеги, а И.В. Гудович возобновляет попытки заинтересовать чеченцев выгодами мирной жизни, вновь обещая им различные

льготы. Таким образом, российский главнокомандующий практически возвращается к методам общения с горцами первых месяцев своего пребывания на Кавказе в 1806 году. Следовательно, военный поход рассматривался им как сугубо вынужденная мера, не определявшая генеральных перспектив российско-чеченского взаимодействия.

После “замирения” равнинной и предгорной Чечни в 1807 г. делается попытка установления здесь элементов российской административной (гражданской) власти. Было решено установить на данной территории систему приставского управления. И.В. Гудович предписал главному калмыцкому приставу полковнику Ахвердову принять в “управление” присягнувшие России чеченские селения. Основной опорой российских властей в чеченских обществах должны были стать «частные приставы» – собственно старшины, на которых возлагалась, прежде всего, функция недопущения набегов своих единоплеменников на Кавказскую Линию.

И здесь мы видим довольно масштабный и показательный интегративный проект российского кавказского командования, поддержанный, кстати, и Министерством Иностранных дел, и на высочайшем уровне. Показательно, что российские власти отказались от варианта контроля за чеченскими обществами посредством начальства над ними кабардинских и кумыкских феодалов, помня, видимо, неуспешность такой попытки в начале 80-х годов XVIII века. Теперь ставка делалась на собственно чеченские “управленческие кадры”, за исключением назначения кабардинских и кумыкских владетелей в селения, расположенные в стратегических местах.

Однако, хотя “частными приставами” утверждались только проявившие свою преданность и благонадежность России чеченские старшины, уже ближайшее время показало, что старшины – «частные приставы» – не справлялись с основной предписанной им функцией – недопущением набегов жителей своего общества на российские коммуникации. «Управляющий чеченцами» (главный пристав) полковник Ахвердов рапортовал И.В. Гудовичу в феврале 1809 г., что «несмотря на подписанный чеченскими старшинами договор, хищничества чеченцев на Линии продолжают», а старшины «ничем не помогают в борьбе с хищничеством, хотя и чины и жалования получают здесь».

Следует отметить, что реальной властью в своих обществах чеченские старшины не обладали в силу догосударственной ступени развития Чечни и более чем невысокого уровня феодальных отношений. К тому же для принятия решения на совете старшин

требовалось по традиции полная «единогласность», что на практике означало невозможность консолидированных мер по предотвращению набегов, которые производились чеченцами не только на Кавказскую Линию, но и друг на друга, а также на соседние народы.

Таким образом, уже к началу 1809 г. выявились признаки неэффективности введения института приставства в равнинной Чечне, и очередной интегративный проект российской стороны начинает “трещать по швам”, причем отнюдь не по вине его разработчиков.

Причины тщетности интеграционных усилий России в отношении Чечни (да и других районов Северного Кавказа) можно видеть в том, что чеченцы, как и в конце XVIII в., понимали принятие российского подданства как возможность мирного сосуществования с Россией и свободной, беспошлинной торговли в российских пределах. Данная концепция “прав без обязанностей” органически вписывалась в догосударственный, со значительными чертами патриархально-родовых отношений уровень развития чеченского общества. И даже “мирное сосуществование” могло пониматься горцами по-своему, ведь взаимные набеги не воспринимались в их среде как нарушение мира.

Между тем стоит заметить, что российские власти начала XIX в., генерируя проекты стабилизации обстановки на Северном Кавказе, в известной степени предвзяты взгляды (как это ни парадоксально звучит) советских историков, которые на в значительной степени патриархально-родовые отношения в Дагестане, Чечне и Черкесии накладывали канву феодальных отношений. А ведь следует признать, что адекватная оценка уровня развития одной из сторон интегрирования во многом предопределяет перспективы успеха тех или иных конкретных интегративных проектов.

Неэффективность деятельности чеченских старшин в качестве «частных приставов» привела российское правительство в марте 1811 г. (уже после ухода И.В. Гудовича с поста командующего на Кавказе) к решению об упразднении приставства в Чечне. Так, попытка опереться на чеченские социальные верхи и ввести элементы российского администрирования через привычные для чеченцев общественные структуры потерпела неудачу, натолкнувшись на незыблемость традиционного уклада, освящающего набеги.

Ход и итоги войн России с Ираном (1804 – 1813) и Турцией (1806 – 1812) еще более обозначили Северный Кавказ, по крайней мере, его центральную и восточную часть в

качестве тыловой территории Российской империи. Ведь теперь Россия обладала значительной частью Закавказья. Кроме того, Гюлистанский мирный договор с Ираном (1813 г.) оформлял суверенитет России над Дагестаном. Стоит, правда, заметить, что на Северном Кавказе рассматриваемого периода времени привычное для международных отношений соотношение «де-факто» и «де-юре» практически не существовало. Так, признание в 1774 г. Кабарды в российском подданстве юридически, то есть с признанием этого международным сообществом, не влекло автоматически фактического и полномасштабного контроля над ней российских властей. Так и международное признание суверенитета России над Дагестаном в 1813 г. не обеспечивало автоматически полный контроль в нем русских властей «де-факто». На наш взгляд, подобные несоответствия проистекали оттого, что фактическое, а затем юридическое признание странами тех или иных реалий зиждилось на межгосударственных отношениях, где каждая сторона взаимодействия являлась субъектом международных отношений и международного права (сообразных конкретным историческим эпохам). В нашем же контексте имелись объекты межгосударственных договоров, находившиеся на той ступени стадийного развития, которая практически по условию отвергала возможность «государственного подчинения» (по крайней мере, без грядущих коллизий), вследствие неимения подобного опыта. Исходя из этого, те или иные международные договоры и не воспринимались зачастую в Кабарде и Дагестане в качестве чего-то для себя обязательного к исполнению.

Между тем, явные конечные успехи России в войнах с Ираном и Турцией не предполагали сколь-нибудь наступательного образа действий по отношению к горцам (за исключением случаев их явных «внешнеполитических» измен в военное время). Справедливости ради, у России тогда на данный счет не было ни соответствующей концепции, ни реальных возможностей в контексте эпохи «наполеоновских войн». Таким образом, политика «ласканий» горцев продолжалась. Наиболее последовательно ее проводил в 1811 – 1816 гг. ген. Н.Ф. Ртищев, бывший сначала Командующим на Кавказской линии, а затем командующим на Кавказе. При этом «ласкания» нередко противоречили интересам и безопасности России в регионе. Так, безнаказанными предписывалось оставлять набеги, и российские поселенцы в Предкавказье оказывались практически беззащитными от горских вооруженных разбоев (особенно это касалось безоружного крестьянского населения). Зато в горы направлялись многие центры

медных денег для задабривания местного наезднического «контингента», отвращения его от набегов. Распространяемая же при Н.Ф. Ртищеве меновая торговля с горцами сама по себе не могла стабилизировать ситуацию на Кавказской линии. Кроме прочего, в горской среде торговля не считалась престижным занятием (за исключением работорговли...), следовательно, участие в «меньбе» не означало автоматически отказа от набеговой традиции.

В 1811 – 1816 гг. по-прежнему достаточно сложной была обстановка в Чечне. Н.Ф. Ртищев, следуя практике, имевшей место при И.В. Гудовиче, К.Ф. Кнорринге и других российских командующих, пытался урегулировать ее путем переговоров, для чего созвал в марте 1812 г. в Моздоке съезд чеченских старшин. Стратегической линией Ртищева на этих переговорах были заверения чеченских представителей в создании условий для развития взаимной торговли и подкуп их подарками и деньгами. Одновременно он запретил местным начальникам кордонов и казакам делать чеченцам «репрессалии» за набеги, что объективно способствовало их набеговой экспансии.

Результат не заставил себя долго ждать: обоз Н.Ф. Ртищева был, как известно, разграблен на обратном пути с моздокского «съезда».

Как уже отмечалось, в марте 1811 г. за неэффективностью был упразднен институт приставства в Чечне. Если учесть, что теперь функции кордонного военного начальства по «управлению» чеченцами сводились только к недопущению набегов, предписание Ртищева «не переходить с военной целью границу» выглядело неадекватно.

Весьма спорным представляется утверждение, что «передача функций управления чеченцами в руки кордонных приставов в корне подрывала основы уже показавшей свою эффективность в развитии российско-чеченских отношений системы переговоров». Во-первых, переговоры с чеченцами проводились военными властями и до введения приставства, во-вторых, к сожалению, эффект от переговоров и соглашений бывал кратковременным в силу прежде всего скорого возобновления чеченцами набегов на Линию.

В-третьих, переговоры самого Н.Ф. Ртищева с чеченскими старшинами в Моздоке в марте 1812 г. проходили уже после отмены приставства. И наконец, линия Ртищева на умиротворение чеченцев деньгами и подарками совсем даже не предполагала действительного управления чеченцами кем бы то ни было с российской стороны, тем более кордонными командирами, не имеющими теперь даже полномочий преследовать

“хищников” за Терекком.

Принципиально важно заметить, что в рассматриваемое время фактически не существовало никаких элементов российского управления в Чечне. Предлагаемые российской стороной варианты либо отвергались чеченцами (как то было с назначением над ними кабардинских и кумыкских феодалов по присягам 1781 г.), либо вскорости обнаруживали свою неэффективность, как введение института приставства. Если учесть, что дань с чеченских обществ не взималась, элементов российского судопроизводства не вводилось, укреплений на территории Чечни не существовало, “подданство” чеченцев по отношению к России приобретало характер более чем декларативный даже по специфическим региональным меркам. Зато можно смело утверждать, что подобная система вполне устраивала чеченцев.

Таким образом, при подобном раскладе перспективы интеграции Чечни в составе России предельно затруднялись, ведь сколько-нибудь осязаемого контроля российских властей за ситуацией в Чечне не было даже по сравнению с предшествующим временем. Однако наиболее выпукло проступившая при Н.Ф. Ртищеве схема “права без обязанностей” в подданстве чеченцев России отражала чаяния последних. Но, признавая это, надо тогда признать и другое – на дальнейшую перспективу такой сценарий российско-чеченских взаимоотношений являлся бы по сути дезинтегративным. Данное утверждение в значительной степени распространяется и на оценку проблематики взаимоотношений России со своими северокавказскими подданными в целом.

Довольно своеобразно и показательно складывались в 1811 – 1816 гг. обстоятельства российско-кабардинских взаимоотношений. К концу февраля 1811 г. в Кабарде завершились выборы депутатов для поднесения в Петербург “Всепопданейшего прошения”. В нем кабардинцы жаловались на игнорирование российскими местными властями “их исторически сложившегося уклада жизни” и связывали образование среди них антироссийской партии с “отбранием земель, необходимых для пастбища” под строительство Азово-Моздокской Линии.

Таким образом, в очередной раз обнаружилось принципиальное непонимание кабардинскими феодалами смысла своего российского подданства и замалчивание собственных заслуг в обострении отношений с российскими властями.

В конце 1811 г. кабардинская депутация прибыла в Петербург, рассчитывая, кроме прочего, апеллируя к екатерининской грамоте кабардинским феодалам (1771 г.), на

восстановление "границы" Кабарды образца 1771 г.

Александр I, приняв кабардинцев, 20 января 1812 г., подписал "Грамоту кабардинскому народу". Анализ основных ее положений позволяет утверждать, что император давал определенный "режим благоприятствования" кабардинцам, но в рамках существовавших к 1812 г. реалий на Северном Кавказе. При этом перспектива "удовлетворения" кабардинцев землями севернее р. Малки была обставлена условиями, неравнозначными подходу кабардинских феодалов к этой проблеме.

Кабардинская знать осталась недовольна итогами своей делегации в Петербург, и напряженность на Центральном Кавказе сохранилась. Возобновляются набеги кабардинцев на Линию как составная часть того "жизненного уклада", в незнании которого они упрекали российские власти. Как и ранее, на антироссийских позициях стояло кабардинское духовенство, поддерживаемое османскими властями.

Между тем александровская "Грамота кабардинскому народу" содержала весьма интересный с точки зрения интеграции кабардинских феодалов в систему российской службы пункт о создании "особой гвардии" при императоре "из почетнейших владельческих и узденских фамилий" "по 100 человек конных", "с назначением достаточной суммы на содержание". "Особая гвардия" из кабардинцев учреждена не была, и на причины этого есть несколько точек зрения. Н.Ф. Грабовский полагал, что они кроются в нежелании посылать молодых людей в гвардию, определяемом опасением, что они станут заложниками России. Ш. Ногмов считал, что реализации плана помешала чума. Существует также мнение, что начало Отечественной войны 1812 г. воспрепятствовало организации Кабардинского эскадрона. Однако необходимо заметить немаловажное обстоятельство: отправление в Петербург молодых кабардинцев при сменяемости их "каждые три или пять лет другими такими же" как способ интеграции Кабарды в российскую государственную и культурную систему логично привел бы к усилению действительно "русской партии" в Кабарде, что не соответствовало планам кабардинских феодально-клерикальных кругов. А если так, то можно проследить определенную преемственность между позицией в отношении "войска из горских народов" и касательно "особой гвардии" со стороны кабардинской знати. Следовательно, очередной интегративный проект высших российских властей был на то время объективно не востребован кабардинскими феодалами. В пользу данного предположения косвенно свидетельствует и то, что кабардинские князья по-прежнему препятствовали

реальному содержанию российского подданства осетин, практически мстили осетинам за принятие русского подданства. Кроме того, они пытались насаждать в Осетии ислам, сопротивляясь таким образом выгодному для России варианту христианизации осетин.

В данном контексте можно утверждать, что за четыре десятилетия нахождения в российском подданстве в сознании кабардинской знати не произошло “интеграционной динамики” в восприятии данного фактора. Думается, что “исторически сложившийся уклад жизни” воспроизводил прежние взгляды и установки на принципы взаимодействия с Россией, что не могло не генерировать конфликтные ситуации.

В целом характер российско-горского взаимодействия в конце XVIII – начале XIX века определялся различными внешнеполитическими и внутрорегиональными факторами. Явное усиление России на Кавказе после 1774 и 1783 гг. привело не только к усилению российской ориентации среди местных этносоциальных сообществ, но и к складыванию новых специфических проблем между ними и русскими региональными властями. Пограничное соприкосновение с новыми «подданными» сулило России эскалацию их набеговой экспансии на собственные селения и коммуникации, усугубленную фактором завершения исламизации большинства горских народов. Протекторат над Восточной Грузией, а затем ее присоединение в данном смысле обусловили нарастание противоречий с дагестанскими владетелями и союзами сельских общин, хронически склонными к ее грабежу – теперь уже в качестве составной части Российской империи. Горские сообщества, безотносительно нюансов соотношений уровня своего стадияльного развития, воспринимали свое российское подданство в значительной мере по схеме «права без обязанностей и обязательств». Ослабление для них ранее существовавших внешних угроз дополнительно стимулировало данный подход. Все это по большому счету определялось до- или полугосударственным их укладом при наличии таких социально-экономических отношений, которые нельзя называть развитым феодализмом. Ранне- или протофеодальные отношения горских народов (при всей условности применения данных понятий к северокавказским реалиям...) обуславливали объективные сложности во взаимодействии с феодально-абсолютистской Российской империей, значительные проблемы их интеграции в российское государственно-правовое поле. Проекты российских властей по подобной интеграции, ненасильственной и постепенной по своей сути, встречали стойкое сопротивление в горской среде, или, по крайней мере, оказывались неэффективными.

Это вытекало из особенностей горского традиционного уклада, который воспроизводил себя десятилетиями и веками, и по представлению горцев, не нуждался в каких-либо изменениях со стороны России. Вследствие этого попытки российских властей пресечь горскую набеговую экспансию, явно угрожавшую российским интересам и безопасности, воспринимались как покушение на вековые и освященные в народном сознании традиции и вызывали соответствующую реакцию. Не обходилось нередко и без фактора соответствующей агитации со стороны Турции и Ирана.

Та политика «ласканий» горцев, которую проводила Россия на протяжении нескольких десятилетий, к середине второго десятилетия XIX века большей частью зашла в тупик. Освященная в горском сознании набеговая традиция предопределила нарастание напряженности в горско-российских взаимоотношениях. Новые границы Российской империи по итогам Бухарестского (1812 г.) и Гюлистанского (1813 г.) договоров с Турцией и Ираном дополнительно затрудняли для русской стороны перспективы терпимого восприятия разнообразных небезопасных для нее проявлений горского традиционного уклада.

Таким образом складывались контуры Северокавказского кризиса XIX века, того явления, которое по преобладающей историографической традиции именуется большей частью историков «Кавказской войной». Неадекватность последнего определения обуславливается, на наш взгляд, неясностью и произвольностью трактовки нижней ее хронологической границы, территории, смыслового содержания. Так или иначе, причины данного кризиса в российско-горских взаимоотношениях несводимы к констатациям какой-то «колониальной экспансии» России, ее «военно-феодальной политики» и т.п. Другое дело, что ряд существенных проявлений горского традиционного уклада вступил трудноразрешимое противоречие с российскими «стадиальными реалиями», интересами и безопасностью. Разрешение данного противоречия происходило в ходе так называемого «силового периода» российско-горских взаимоотношений.

Россия и народы Северного Кавказа в первой половине XIX в.

1. Внутренние и внешнеполитические в истории Северного Кавказа начала XIX в.
2. Имамат Шамиля. Присоединение Северо-Восточного Кавказа к России.
3. Присоединение Северо-Западного Кавказа к России.

Литература:

Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1994.

Гордин Я.А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. СПб., 2000.

Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII – XIX в. СПб., 2008.

Следует отметить, что первые годы XIX века складывались весьма непросто для российских интересов на Кавказе. Назревала война с Ираном, «союзный и оборонительный договор» с Турцией, заключенный при Павле I уже тяготил османские власти.

В данных условиях Главнокомандующим на Кавказе (эта должность появилась после присоединения Грузии) был назначен ген. П.Д. Цицианов (1802 г.). П.Д. Цицианов впервые в практике российско-дагестанских отношений стал налагать дань на местных владетелей. До этого, напротив, проявление их “подданства” заключалось в получении чинов, жалований и т.п. при небесспорном соблюдении взятых обязательств. После ряда внешне успешных, но не приведших к “замирению” горцев силовых акций П.Д. Цицианов пытается изыскать иные методы стабилизации местной обстановки. Новая цициановская концепция действий в Кабарде предусматривала прежде всего перемену “воспитания” кабардинцев и сближение их с российскими нравами. Цицианов стремится воспитать кадры лояльного к России мусульманского духовенства, что было очень важно.

Но в условиях продолжавшегося в Кабарде шариатского движения элементы функционирования российского гражданского управления кабардинским феодалам и духовенству были не нужны в принципе. Предательское убийство П.Д. Цицианова 8 февраля 1806 г. переменяло образ действий России на Северном Кавказе, цициановские проекты были не реализованы, а о нем самом, как правило, распространилось суждение, основанное на восприятии силовой составляющей его действий.

В 1806 г. Россия стояла перед перспективой одновременной войны и против Ирана, и против Турции. В данных обстоятельствах новым главнокомандующим на Кавказе

назначается опытный и осторожный граф И.В. Гудович.

В контактах с горскими владетелями И.В. Гудович, как считается, возобновил “политику ласканий”, прерванную П.Д. Цициановым.

В конце июля 1806 г. И.В. Гудович начал переговоры с чеченскими старшинами. Он обещал разобраться со всеми жалобами чеченцев и потребовал от них прекратить набеги на Кавказскую Линию. Однако чеченские старшины оказались не в состоянии обеспечить прекращение набегов на российские коммуникации. Но два месяца "переговорного процесса" с чеченцами не дали ощутимых результатов. Более того, к осени 1806 г. набеги чеченцев еще более участились, и определенную роль тут сыграла подстрекательная деятельность турецких агентов.

Причины тщетности интеграционных усилий России в отношении Чечни (да и других районов Северного Кавказа) можно видеть в том, что чеченцы, как и в конце XVIII в., понимали принятие российского подданства как возможность мирного сосуществования с Россией и свободной, беспошлинной торговли в российских пределах. Данная концепция “прав без обязанностей” органически вписывалась в догосударственный, со значительными чертами патриархально-родовых отношений уровень развития чеченского общества. И даже “мирное сосуществование” могло пониматься горцами по-своему. Ведь взаимные набеги не воспринимались в их среде как нарушение мира.

Ход и итоги войн России с Ираном (1804 – 1813) и Турцией (1806 – 1812) еще более обозначили Северный Кавказ, по крайней мере, его центральную и восточную часть в качестве тыловой территории Российской империи. Ведь теперь Россия обладала значительной частью Закавказья. Кроме того, Гюлистанский мирный договор с Ираном (1813 г.) оформлял суверенитет России над Дагестаном. Явные конечные успехи России в войнах с Ираном и Турцией не предполагали сколь-нибудь наступательного образа действий по отношению к горцам. Таким образом, политика «ласканий» горцев продолжалась. Наиболее последовательно ее проводил в 1811 – 1816 гг. ген. Н.Ф. Ртищев, бывший сначала Командующим на Кавказской линии, а затем командующим на Кавказе. Распространяемая при Н.Ф. Ртищеве меновая торговля с горцами сама по себе не могла стабилизировать ситуацию на Кавказской линии. Кроме прочего, в горской среде торговля не считалась престижным занятием (за исключением работорговли...), следовательно, участие в «меньбе» не означало автоматически отказа от набеговой

традиции.

«Силовой период» в российско-сеveroкавказском взаимодействии, хронологически и по смысловому содержанию совпадающий с разрешением Северокавказского кризиса XIX века в отечественной историографии традиционно именуется «Кавказской войной». Термин этот был введен в научный оборот еще представителями дворянского кавказоведения. Уже тогда, в их интерпретации не имел единой, признанной всеми, нижней хронологической границы и единого «смыслового наполнения». Из дореволюционной историографии «Кавказская война» перекочевала в советскую историческую науку, которая, особенно на раннем этапе своего развития, стремилась принципиально уйти от историографических оценок «царского периода». Однако для молодой советской исторической мысли «Кавказская война» органически вылилась в концепцию о царской России как тюрьме народов, проводившей на национальных окраинах колониальную политику. Следуя этой концепции, все выступления горцев против российских властей в XVIII – XIX веках, а то и ранее, объявлялись национально (народно)-освободительной их борьбой с «колониальной экспансией» самодержавной России. «Царская тюрьма народов» прямолинейно противопоставлялась однозначно положительному социалистическому строительству, в процессе которого ранее угнетенные горцы (как и другие национальные меньшинства) и должны были обрести свое светлое будущее в братской семье советских народов. Интересно, что данные конструкции официально были закреплены на уровне «Краткого курса истории ВКП(б)», следовательно не подлежали критическому анализу и оспариванию. При этом собственно колониальная практика России на национальных окраинах оставалась недоказанной, ее существование утверждалось во многом декларативно, по ассоциации со взаимоотношениями европейских метрополий и колоний.

У России не было серьезных социально-экономических причин в присоединении Кавказа. Другой вопрос – военно-стратегическая необходимость обретения надежных южных рубежей, достаточно устойчивых, чтобы эффективно оборонять собственную территорию от враждебных вторжений. У российских властей существовало обоснованное опасение, что в противном случае этот регион, и без того нестабильный, может стать базой для военных действий враждебной державы, азиатской или даже европейской, и новые территории на юге окажутся под угрозой. Это обусловило упорство в овладении горным перешейком, зачастую вынужденный характер

применения военно-политических инструментов решения проблемы. Впрочем, невоенные методы умиротворения региона никогда не отвергались и всегда считались предпочтительными. Поэтому видеть причину затянувшегося противостояния в злой воле или недальновидности имперской власти представляется ошибочным.

Появление на Кавказе энергичного и амбициозного генерала А.П. Ермолова стало переходной вехой в российской политике в регионе. Убедившись в неэффективности, а зачастую и во вреде практики «ласканий» по отношению к горцам, новый командир Отдельного Грузинского корпуса, А.П. Ермолов разрабатывает свой план умиротворения региона. Оценивать его лишь с точки зрения военно-политической целесообразности не следует. Генерал попытался учесть еще и психологию местных жителей. По его словам, «я многих, по необходимости, придерживаюсь азиатских обычаев, и вижу, что проконсул Кавказа жестокость здешних нравов не может укротить мягкосердием». Поставив задачу прекратить набеги чеченцев, генерал предлагал отгородить от них мирные поселения цепью укреплений, что позволяло «отнять средства к набегам и хищничествам». Для этого предполагалось перенести российские форпосты ближе к подошве гор, с берегов Терека на берега Сунжи.

В дальнейшем апробированная на р. Сунже практика найдет применение и в Кабарде. Буйная кавказская «вольность» постепенно стягивалась тисками российских укреплений, постов и просек, и лихие набегчики все чаще получали за свою удаль не добычу или рабов, а русскую пулю, петлю виселицы, либо ссылку. Зная о бесперспективности глухой обороны, А.П. Ермолов широко практиковал репрессалии и превентивные удары, помимо прочего компенсируя этим недостаток сил, находящихся в его распоряжении. Это, впрочем, не означало, что другие способы обустройства края игнорировались. Хозяйственно-экономическая деятельность ермоловской администрации была направлена на развитие в северокавказском регионе промышленности, сельского хозяйства, городского строительства. Огромное значение придавалось торговле с горскими народами. С этой целью на линии открывались меновые дворы, купцы брались под защиту российской администрации, в 1822 г. открылось «Попечительство для торговых сношений с черкесами и абазинами» и т.п.

Вынужденные реагировать на брошенный им вызов, горцы ответили на усилившуюся эффективность обороны повышением организованности набегов. Для этого понадобилась новая универсальная идеология, которая позволяла сплотить

разрозненные племена. И она была найдена в виде мюридизма и газавата. Начинаясь не просто война с гяурами, покусившимися на их свободу. Народы Кавказа вступили на извилистую тропу глубинных модернизационных процессов, в которые их «сонное» общество втягивала Россия. На начальном этапе разрушения традиционного горского мировоззрения, идеология мюридизма сыграла куда большую роль, чем все декларации и обращения российских властей вместе взятые. И решать основоположникам нового учения приходилось все те же задачи, над которыми ломали головы российские правители.

После побед над Персией и Османской империей в очередной раз возникает иллюзия столь же быстрой победы над «немирными» кавказскими племенами. За основу был взят проект И.Ф. Паскевича, предлагавшего путем широкомасштабного вторжения в горы отрезать их обитателей от равнин и вынудить признать власть царизма. В отличие от ермоловского принципа постепенности этот план был рассчитан на одну кампанию и не учитывал тех серьезных изменений, которые произошли в недрах горских обществ и были связаны с распространением воинственного мюридизма на Северо-Восточном Кавказе. Что касается Северо-Западного Кавказа, то здесь генерал-фельдмаршал не принял во внимание опыт Турции, безуспешно пытавшейся подчинить себе многочисленные и воинственные черкесские племена живущие в труднодоступной местности. Как следствие, воплощение в жизнь замысла И.Ф. Паскевича оказалось безрезультатным и, отозванный с Кавказа, он потребовал придерживаться исключительно оборонительной тактики, считая, что она является лучшим выходом из сложившейся ситуации.

Признанным авторитетом в оценке кавказских реалий был генерал-лейтенант А.А. Вельяминов, сподвижник А.П. Ермолова. Он настаивал на организации новых казачьих станиц в местах, которые горцы использовали для разведения своих коней. Таким образом, решались сразу две задачи: «набежчики» теряли мобильность, а Линия получала новых защитников, в значительной степени содержащих самих себя. Строительство обычных укреплений такого результата дать не могло и с экономической точки зрения было разорительно для государства.

Северо-Восточный Кавказ являлся наиболее значимым «очагом» т.н. Кавказской войны. Именно здесь пустило корни воинственное идеологическое течение ислама – мюридизм, которое вывело набеговую систему горцев на качественно новый уровень.

Взрыв произошел в 1830 г. и охватил горные районы Дагестана и Чечни, здесь был избран имам Кази-Муллы. Но первоначально врагом для Кази-Муллы стали не русские гяуры, а Авраское ханство. Здесь располагалось большинство «вольных обществ», являвшихся социальной базой нового движения, здесь они могли черпать военные силы для осуществления своих амбициозных замыслов. Фактическое управление ханством находилось в руках Паху-бике, игравшей роль регента при юном сыне. Во главе 8-ми тысячного ополчения Кази-Муллы зимой 1830 г. выступил к столице ханства – Хунзаху. В трудную минуту Паху-бике сумела найти нужные слова для того, чтобы вселить мужество в свое колебавшееся воинство. Сравнив робких с женщинами, не достойными носить оружие, она преломила ход сражения в свою пользу. Возглавляемые молодым Нуцал-ханом воины ринулись в контратаку и опрокинули мюридов, многие из которых стали переходить на сторону хунзахцев. Отряд Кази-муллы рассыпался, а его правая рука – Шамиль - чуть было не расстался с жизнью от рук собственных приближенных. Только заступничество дервиша Нур-Мухаммеда спасло будущего имама от смерти. Идеи, проповедуемые Кази-муллой, еще не овладели умами настолько, чтобы заставить выполнять любой приказ проповедника безоговорочно и беспрекословно. Да и образ врага выглядел несколько размыто и неоднозначно. Куда более зримо и понятно для горского менталитета врагом могли стать дальние, а не ближние соседи. Именно Россия была наиболее «удобным» врагом, в противостоянии с которым можно было сплотить местные племена. Но борьба с ней оказалась куда более опасной и тяжелой, о чем на собственном опыте убедился первый имам. Загнанный в свое родное селение, он погиб, так и не успев осуществить своих амбициозных замыслов.

Но своему преемнику Гамзат-беку он оставил неплохое наследство в виде пустившей глубокие корни идеи о дороге в рай «под сенью сабель». Когда Гамзат-бек летом 1834 г. вторгся на территорию Аварского ханства и осадил его столицу, дни некогда грозной феодальной фамилии были сочтены. Несмотря на близость к правящей династии, в доме которой он жил, когда лишился своих родителей, Гамзат-бек безжалостно расправился с сыновьями Паху-бике. Таким образом, верхушка «старой знати» Аварии была уничтожена. В результате столь кровавой «ротации кадров» были созданы условия, обеспечивающие приход во власть незаурядных, ярких лидеров. Это была скользкая и небезопасная дорога. На ней приходилось опасаться как соратников-соперников, так и представителей горских фамилий, которые уже закрепили свой

привилегированный статус и без боя не желали сдавать позиции. Показательно, что свою смерть в сентябре 1834 г. второй имам нашел не от рук русских. Второй имам Гамзат-бек погиб от рук кровников, отомстивших ему за истребление аварского ханского дома.

Ему на смену пришёл Шамиль, образованный и храбрый предводитель. Он сделал своей резиденцией ичкерийское селение Дарго. Отсюда он начал проводить организованные набеги на равнины. Избегая открытых столкновений с российскими войсками, он преуспел в своей тактике изматывания неприятеля непрерывными нападениями. К имаму вслед за чеченцами вновь потянулись и дагестанцы. Новых союзников горский предводитель вербовал, где уговорами, где угрозами, а где и насилем. Шамиль постепенно создавал эффективное теократическое образование, с помощью которого можно было решать амбициозные военно-политические задачи. Порожденное северокавказским кризисом военно-теократическое образование – имамат – представляло собой сложную военно-административную систему, предназначенную для решения проблем, связанных с организацией жизни разнородных горских обществ, обеспечением максимальной эффективности набегов на сопредельные территории и для координации усилий против ответных действий России. Во главе его находился духовный лидер, сосредоточивший в своих руках диктаторскую власть, основанную на религиозном авторитете. В состав этого государственного образования входили различные народы Дагестана и Чечни. В период своего наивысшего расцвета имамат охватывал территорию около 900 верст в окружности. На земли, которые не подчинялись Шамилю, производились набеги. Столицей имамата были селения Дарго, а после 1845 г. Ведено, где располагался дом Шамиля. Имамат был разделен на части, называемые наибствами. Их число доходило до 50 (по другим данным 32). Имелись и более крупные административные образования - мударства, состоящие из нескольких наибств.

В 1841 г. был создан Высший совет - диван-хан, предназначенный для управления подконтрольными имамату территориями. В него вошли люди, пользующиеся доверием со стороны имама. Это был совещательный орган, который собирался для обсуждения жизненно важных общественных проблем, и на него Шамиль опирался, когда хотел придать своим наиболее важным замыслам видимость всеобщего волеизъявления и законности. Внутреннее устройство теократического государства базировалось на нормах шариата, на основании которых были приняты законодательные установления - низамы. При этом низамы зачастую отличались от канонов шариата и были более

приспособлены к особенностям жизни горских обществ. Низамы регламентировали судебное производство, налоговое обложение, наказания, штрафы, распорядок домашнего быта и положение женщин. Всего по вопросам управления Шамиль издал 13 низамов.

Во главе наибств стояли наибы, назначаемые Шамилем. В разное время эти посты занимали около 152 человек. Они, как правило, были выдвинувшиеся из узденской среды представители новой аристократии. Каждый наиб должен был отличаться личной преданностью имаму, отвагой, полководческими и организаторскими способностями и беспрекословно соблюдать шариат. Со временем в их руках сосредоточилась огромная власть, и согласно низамам они могли приговаривать осужденных к смерти, хотя и с ведома Шамиля. В обязанность наиба входило наблюдение за тем, как население соблюдает нормы шариата, взимание налогов, пресечение междуусобиц и кровной мести. Особое внимание уделялось запрету на табак, алкоголь и танцы. Виновных за нарушение этих предписаний ждало позорное наказание. Курильщика с трубкой в носу, а танцора с лицом обмазанным смолой возили на осле задом наперед, а затем сажали в тюрьму. Она представляла из себя маленькую земляную яму, которую сравнивали с могилой, и при этом осужденный должен был оплачивать свое питание и содержание стражи. Каждая ночь пребывания в тюрьме оценивалась в 20 коп. серебром. Если горец уклонялся от участия в походе, то его сажали в яму на столько дней, сколько длился поход. Обвиненный в пьянстве наказывался 40 ударами палкой, а за повторный проступок мог лишиться жизни. Как объяснял один из приближенных имама причину подобной строгости, «табак он запретил курить не оттого, что дым нехорош, как он говорил в России тем, которые спрашивали его об этом, а просто потому, что народ у нас бедный, сами табаку не сеют, а надо его покупать: значит, он табаку купит, а хлеба не купит, даром что неурожай... Есть ведь у нас такие люди!... Таким же манером запретил он танцевать и быть вместе с женщинами: не оттого он запретил, что это грех, а для того, чтобы молодой народ не променял бы как-нибудь ночного караула на пляску да волокитство...». Таким образом, вся жизнь подчиненных имаму людей должна была быть посвящена служению беспощадному Молоху войны. Но даже угроза жестокого наказания не могла пресечь тягу к маленьким человеческим радостям, и как поведал послушник имама - Хаджио: «Уж на что строго запретил у нас Шамиль музыку: не дешево разделялся у нас за нее тот, кто попадался: много месяцев приходилось ему

сидеть в яме, и много абазов переходило из его кармана в сундуки казначея Хаджио, но у нас с Гази-Магометом завсегда была кичик-музыка («Маленькая музыка» Так горцы зовут табакерки-карилльоны) или в карманах, или под подушкой. Раз, чуть-чуть было не попались мы с нею Шамилю, - и хорошо, что не попались, а то, с кого абазы, а с нас головы слетели бы долой...».

Феодализирующаяся верхушка имамата нередко отказывалась выполнять приказы Шамиля, и это приводило к весьма опасным для него ситуациям. Опасность такого конкурента, как Хаджи-Мурат объяснялась тем, что «горцы желали власти – но не той, пораждавшей насилие и господство, а «освобождающей» от непривычного гнета; идеология «праведной» власти, провозглашенная в виде божественной санкции пророком Мухаммедом, оставалась обязательной формой правления народом. Появление альтернативного Шамилю лидера, романтический образ которого был овеян не только походной героикой, но и надеждой на удачную смену некогда блистательного вождя, было вполне логичным для периода распада государственности. Хаджи-Мурат не был ученым, но в отличии от Шамиля, отдалившегося от массы общинников, был ближе к рядовым горцам, понятен им и предсказуем. Несомненно, имели значение и его личные качества». В итоге, противостояние закончилось бегством Хаджи-Мурата к русским и его трагичной гибелью, которую описал Л.Н. Толстой в одноименной повести. Но освободившуюся нишу мог занять и другой соперник имама, т.к. обстоятельства, приведшие к мятежу строптивного наиба, не только не изменились, но еще больше усугубились.

Выделившаяся верхушка хотела гарантий закрепления своего нового статуса, а Шамиль, вынужденный придерживаться уравнительной риторики, таковых им дать не мог. Служба имаму все больше тяготила этих людей. Куда перспективнее выглядела российская власть, готовая поддержать те силы, которые выступали против их главного конкурента. Не удивительно, что на сторону вчерашних «врагов» стали переходить знаковые фигуры из числа наибов Шамиля. Среди них был Бота Хамурзов, ставший правой рукой А.И. Барятинского в его походах против непокорных чеченцев. В свою очередь и горские общинники выказывали недовольство существующими в имамате порядками. Выдвиженцы Шамиля были отнюдь не «бессеребренниками».

В русские пределы уходили не только рядовые жители, но и сами наибы, до этого пользовавшиеся благосклонностью имама. Так поступил наиб Малой Чечни Эндирбей

Умахиев, опасавшийся расправы со стороны деспотичного повелителя за свои неудачные действия в борьбе против российских войск и сражавшихся на их стороне кумыков. Тайно вел переговоры о возможном возвращении под державную руку российского императора и тестя сына Шамиля Гази-Магомета - Даниель-бек. Новый главнокомандующий А.И. Барятинский, не скупившийся на подкуп влиятельных лиц в имамате, еще больше усилил эту тенденцию.

Из приведенных реалий социально-политической жизни имамата Шамиля, в его рамках происходил тот процесс, который можно назвать вторичной феодализацией. Старые «феодальные кадры» были истреблены или вытеснены с территории имамата, но в качестве новой феодализирующейся аристократии стали выступать «управленцы» Шамиля. Некоторые историки преподносят государство Шамиля как чуть ли не идеал социальной гармонии. Как известно, дагестанские историки именуют социально-политическое бытие «Страны гор» феодальной раздробленностью (по крайней мере, эти определения распространяются на так называемые феодальные владения). Между тем, феодальная раздробленность является началом стадии развитого феодализма, что в принципе предполагает сложившийся характер феодальных отношений. Мы не видим в европейской средневековой истории примеров, когда в период феодальной раздробленности (сложившегося и развитого феодализма) происходило бы избиение феодальных кадров восставшим крестьянством (под какими угодно лозунгами...) с последующей феодализацией новой «правлящей элиты». Совершенно невозможно представить в развитом феодальном обществе вовлеченность крестьян в набеговые предприятия, схожесть их маскулинных традиций с аналогичными традициями феодалов, замешанными на праве сильного. То, что дагестанские социальные верхи в свое время требовали себе привилегий от российских властей (как, впрочем, и элиты других частей Северного Кавказа...) также не свидетельствует в пользу «развитого феодализма», утвердившегося не столько в Дагестане или Кабарде, сколько в ряде современных историографических оценок.

Нередко в исторической литературе присутствует стремление приукрасить деятельность имама-реформатора. Создается сладостный миф о всеобщем почитании Шамиля народами Кавказа и его поддержке большинством горцев. Но реалии событий далеки от подобной трактовки.

Стремясь к распространению идей мюридизма на сопредельные территории, Гази-

Мухаммед вторгся в Чечню, и там ему «много аулов пришлось сжечь, а еще больше разорить». Тогда на помощь чеченцам российское командование отправило отряд, который нанес поражение имаму и вынудил его отступить. Эти примеры наглядно демонстрируют, что далеко не все горцы горели желанием выступить на стороне амбициозного проповедника, и для них российская власть была куда ближе и предпочтительнее.

Репрессии обрушились на головы унцукульцев, жителей Гергебиля, Карадаха, Тлитля, Андоляльское общество. Мюридам, которые не желали больше воевать, Шамиль заявил, что «те, которые осмелятся самовольно уходить отсюда, найдут у себя дома неминуемую смерть!». Такими методами новоявленный пастырь «убеждал» в своей правоте соотечественников и заставлял их принять свое учение.

Рассматривая события, связанные с вооруженным противостоянием на Северном Кавказе, часть исследователей предпочитает акцентировать внимание на действиях российских войск, замалчивая о тех методах, которые применяли сторонники мюридизма. Рассказывая о сожженных аулах и вырубленных по приказу того или иного генерала садах, в целях объективности не следует забывать, что аналогичные акции широко применяли и их оппоненты. Селение Унцукуль неоднократно разрушалось по приказу имама, но каждый раз его жители отвергали навязываемый им мюридизм. Показательно, что сюжетов, описывающих угрозы, грабежи, казни и наказания горцев, не желавших подчиниться диктату имамов, в работах вышеупомянутых авторов больше, чем эпизодов борьбы собственно против русских.

Широко известен случай казни по приказу Шамиля русских пленных, но следует помнить, что и горцы, оказавшиеся в руках имама, нередко подвергались аналогичной расправе. Не идеализируя российскую власть, все же представляется уместным сделать вывод о том, что предлагаемая ею модель общественного устройства оказалась куда ближе и полезнее для горцев, чем то, что пытались внедрить Шамиль и его предшественники. Недаром, ознакомившись с жизнью в России, имам, возможно, искренне раскаялся и просил передать своим землякам, что «в войне счастья нет; а если бы я знал, что есть такое счастье, каким я теперь пользуюсь, то давно бы ушел от тех адских мучений, которые терпел я в Дагестане».

Все явственнее приближающийся крах имамата несколько отсрочила начавшаяся Крымская война. Российский император дальновидно не поддавался на уговоры покинуть

столь тяжело доставшиеся его армии позиции в Дагестане. И хотя царское командование вынуждено было свернуть свою активность на Линии, а Шамилю удалось совершить удачное вторжение в Кахетию в 1854 г., общей ситуации это изменить не могло. Напавшие на Грузию горцы ограничились лишь захватом добычи, и их нападение не имело ни военно-стратегических, ни политических последствий. Со смертью Николая I общая линия российской власти на Кавказе не претерпела существенных изменений.

Когда после завершения Крымской войны у Александра II появилась возможность сосредоточить на Кавказе внушительную армию, вооруженную современным нарезным оружием, дни имамата были сочтены. Под ударами российских войск, испытывая все возрастающий внутренний кризис, он разваливался буквально на глазах. Решительные действия генерал-лейтенанта Н.И. Евдокимова привели к тому, что в течение 1858 – начале 1859 гг. от Шамиля откалывается Чечня. Назначенный в июле 1856 г. командующим Отдельным Кавказским корпусом и наместником на Кавказе А.И. Барятинский начинает воплощать в жизнь свой замысел по покорению края и уже скоро добивается серьезных успехов. Затравленный Шамиль уходит все дальше в горы, вынужденный опасаться уже не столько русских, сколько еще вчера покорных ему горцев. В итоге имама окружают и 25 августа 1859 г. заставляют капитулировать в ауле Гуниб. Вместе с ним исчезло и его детище – имамат.

Немало сил затрачивалось в противоборстве с закубанцами, не раз совершавшими серьезные прорывы в глубь российской территории. Борьба с ними затруднялось тем, что до Адрианопольского мира 1829 г. закубанцы считались подданными турецкого султана и не раз получали от него помощь. Но и после того, как Северо-Западный Кавказ стал формально принадлежать Российской империи, накал борьбы не спадал. Далекое не случайно, что именно здесь раньше всего вернулись к ермоловской тактике, оправдавшей себя на Сунже и в Кабарде. Г.Х. Засс, обративший против горцев их же практику набеговой войны, стал инициатором переноса укреплений с Кубани на Лабу, которая позволила создать предпосылки для дальнейшего прочного закрепления этих территорий за Россией.

Для пресечения связей причерноморских племен с другими державами России пришлось возводить на восточном берегу Черного моря целую серию крепостей, которые вместе с флотом должны были прикрыть южные рубежи государства. Подобный шаг имел и важное политическое значение. Россия таким образом утверждала свое

присутствие в регионе, показывала, что способна контролировать новые, расширившиеся границы. Это была сложная задача, потребовавшая значительных усилий. Первоначально блокада побережья проводилась преимущественно средствами флота, но добиться необходимого результата не удавалось. И тогда начинается строительство укреплений, гарнизоны которых должны были участвовать в патрулировании суши. Возведение этих фортификационных сооружений производилось как отрядами, действующими со стороны Кубани, так и с моря, силами морских десантов.

Но, как показала практика, возвести укрепления было легче, чем удержать их. Тяжелый, непривычный климат, скудная, однообразная пища стали причиной высокой смертности среди гарнизонов. Горцы непрестанно тревожили их своими нападениями. Добиться полного прекращения контрабандной торговли так и не удалось, хотя ее масштабы и сократились. Многообещающим оказался опыт использования укреплений в качестве центров торговли с местными племенами. Падение нескольких крепостей в 1840 г. показало уязвимость установленной блокады, но одновременно свидетельствовало, что укрепления действительно служили препятствием для турецких купцов. Однако бесконфликтно занять освобождавшуюся от зарубежных конкурентов нишу российская администрация не сумела, а потому конфронтация с оказавшимися на грани голода горцами только усилилась.

Безусловно, строительство укреплений само по себе не могло привести к «замирению» беспокойных горцев, но, являясь частью системы военных, экономических, дипломатических мер, оно приближало завершение т.н. Кавказской войны и способствовало стабилизации на Северо-Западном Кавказе.

Главным внешнеполитическим соперником России на Кавказе с 30-х годов XIX века стала Англия. Не сумев справиться с «русской угрозой» руками турок и персов, англичане начинают активно использовать собственную агентуру в борьбе против российской власти в регионе (преимущественно на Северо-Западном Кавказе). Интерес Британии к Кавказу объяснялся ее экспансионистскими устремлениями на Востоке и прикрывался заявлениями о необходимости защищать Индию, на которую якобы покушалась Российская империя.

Своей антирусской деятельностью выделялся Д. Уркарт, сумевший спровоцировать выступление ряда черкесских племен против России. Он всячески стремился дискредитировать действия царской администрации на Кавказе, призывал не

признавать условия Адрианопольского мира 1829 г. Помимо Уркарта, на Кавказе действовали Спенсер, Белл, Лонгворт и ряд других подданных Великобритании. Англичане всячески стремились придать «черкесскому вопросу» международный статус, для чего создавали т.н. черкесское правительство, участвовали в подготовке «Декларации независимости Черкесии».

Заметное влияние на племена Северо-Западного Кавказа оказывала деятельность эмиссаров, присылаемых Шамилем. Они стремились консолидировать закубанцев в их борьбе против России. Но усилия Хаджи-Магомета, Сулеймана-эфенди и Мухаммеда Эммина все же не смогли создать государственное образование, равноценное имамату, что, впрочем, не делало борьбу с ними более легкой. Например, только в 1849 г. черкесы произвели 101 нападение на Кавказскую Линию. Они не имели столь заметных результатов, как победы Шамиля на Северо-Востоке, но держали Линию в непрерывном напряжении. Практиковалась оправдавшая себя практика переселения горцев поближе к российским военным укреплениям. Не чуралась российская администрация и переговоров с наиболее влиятельными горскими фамилиями. Но добиться перелома не удавалось ни одной из сторон. В 1853 г. Мухаммед Амин попытался прорваться в Карачай. Хотя эта акция закончилась для горского предводителя провалом, влияние его среди закубанцев не только не уменьшилось, но даже возросло.

Развязав себе руки на Северо-Востоке, российское командование сосредоточивает свое внимание на усмирении Закубанья. Отсутствие среди горцев, находящихся на догосударственной стадии развития и не сумевших переступить через племенную разобщенность должного единства, облегчала действия имперских властей. В 1861-1862 г. состоялся Сочинский меджлис, на котором была осуществлена попытка создания черкесской государственности. Впервые, собравшись 13 июня 1861 г., горцы постановили созвать «великое свободное собрание» из 15-ти наиболее авторитетных людей и разделить землю на 12 округов, во главе которых должны были находиться муфтий, кадий и старшина. Предполагалось, что в черкесских владениях будет проведена мобилизация и от «100 дымов» выставят по 5-ти всадников. При всех грандиозных планах на практике эта структура оказалась мертворожденной. Отсутствовало письменное законодательство, и народ по-прежнему придерживался адатов, которые отличались друг от друга у разных племен. Стремление же использовать нормы шариата при поверхностной исламизации адыгского общества, закончилось

неудачей, т.к. привело к еще большей путанице. Столь же плачевный результат постиг и попытку сбора налогов. Следует констатировать, что внутренних предпосылок для такого шага у горцев не было. Они по-прежнему находились в «плёну средневеково-патриархального образа жизни», и данный шаг объясняется не столько внутренними потребностями, сколько внешнеполитическими обстоятельствами. Сам Сочинский меджлис был скорее на руку туркам и англичанам, которые стремились затянуть вооруженный конфликт на Кавказе и таким образом продолжать создавать для России «болеую точку» на ее южном пограничье. Провозглашение Сочинского меджлиса носило декларативный и инспирированный характер, не отвечало уровню политического развития горских народов. Показательно, что, когда русский десант под командованием капитана Бараховича 19 июня 1862 г. разорил постройки меджлиса, к этой идее горцы больше не возвращались.

После того, как в сентябре 1860 г. командующим войсками Кубанской области был назначен Н.И. Евдокимов, был окончательно определен план покорения Западного Кавказа, утвержденный князем А.И. Барятинским. Он предполагал движение русских войск параллельно Главному Кавказскому хребту от р. Лабы на запад и от моря на восток навстречу друг другу. В конечном итоге этот замысел был осуществлен на практике, что позволило окончательно сломить сопротивление «немирных» горцев.

Но прежде чем загрохотали пушки, с «немирными» горами попытались в очередной раз договориться и решить дело миром. На этот раз к ним обратился сам император, который осенью 1861 г. принял депутацию адыгов и заявил им: «Я к вам прибыл не как враг, а как доброжелательный друг. Я хочу, чтобы ваши народы сохранились, чтоб они не бросали родных мест, чтобы они согласились жить с нами в мире и дружбе. Но увы, и этот шанс был упущен...

В 1862 г. стало очевидным, что в войне на Северо-Западном Кавказе произошел перелом. Перед черкесами был поставлен нелегкий для них выбор, либо покориться и переселиться на контролируемые русскими войсками земли, либо перебраться в Турцию, где, как считали многие из них, султан обеспечит своим единоверцам «райскую» жизнь. Остатки сопротивления горцев были сломлены к 1864 г.

В свою очередь Османская Порта, жаждавшая создать из выходцев с Кавказа послушное орудие против христианских народов, населявших империю султана, развернула активную пропаганду по привлечению горцев к переселению. В этом она

нашла активных союзников в лице мусульманского духовенства, боявшегося, что в православной стране ее позиции будут подорваны. Инициаторами переезда были и представители привилегированных сословий горцев, стремящихся сохранить свои феодальные права на крестьян, которые в России после 1861 г. неминуемо должны были исчезнуть. Совокупность всех этих факторов привела к тому, что в 60-90-е годы XIX века произошел массовый исход туземного населения с родных мест.

Предполагалось, что желание покинуть Кавказ выскажет небольшая, наиболее беспокойная часть его жителей. Но на практике оказалось, что переселение приобрело непредвиденно огромные размеры. В этой связи кавказское руководство начало прибегать к различным экономическим, административным, пропагандистским шагам, чтобы приостановить этот поток. Но успех достигался далеко не всегда. По весьма приблизительным подсчетам общее число переселенцев достигло от 700 до 750 тыс. человек, большая часть которых являлась выходцами с Северо-Западного Кавказа, имевшего традиционно тесные связи с Турцией.

Таким образом, присутствующий в конце Кавказской войны курс правительства на поощрение части горцев к выселению, не являлся главной причиной их массового «махаджирства». Недаром многие из них стремились вернуться на родину, считая, что в России им было гораздо лучше, чем в Османской империи. И только опасение, что их массовое возвращение может привести к дестабилизации обстановки в регионе, заставляло российскую власть ограничивать их переселение обратно.

Что касается самого термина «махаджиры» («мухаджиры»), т.е. переселенцы, закрепившимся за горцами, покинувшими Кавказ, то он достаточно условен. Изначально это был мусульманин, перебравшийся вслед за пророком Мухаммедом из Мекки в Медину, спасаясь от преследований язычников, ради своих религиозных воззрений лишившийся имущества и порвавший родственные связи. На Кавказе, где переселялись целыми племенами и по возможности вывозившими весь свой скарб, мы ничего подобного не видим. Да и религиозные чувства далеко не всегда играли главенствующую роль, нередко уступая место экономическим расчетам.

Северный Кавказ в пореформенный период

1. Аграрные реформы на Северном Кавказе.
2. Освобождение зависимых горских сословий
3. Судебные реформы
4. Реформы местного управления
5. Народы Северного Кавказа в русско-турецкой войне 1877–1878 гг.
6. Народничество на Северном Кавказе

Литература:

Введение системы военно-народного управления на Северном Кавказе в XIX в. // Вопросы истории. 2009. № 5.

История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М., 1988.

Акиев Х.А. Участие горцев Северного Кавказа в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // Вопросы истории. 1980. №1.

В 1861 г. в России было отменено крепостное право. Царское правительство вслед за проведением реформы в центральной России вынуждено было провести также реформы на окраинах империи, в том числе и на Северном Кавказе, который далеко отставал от России в своем экономическом развитии. Важной особенностью земельной реформы на Северном Кавказе было то, что здесь в отличие от Центральной России она проводилась по этапам и очень осторожно. Ввиду того что на Северном Кавказе продолжали свою подрывную деятельность иностранные агенты, усиленно агитируя за переселение местных жителей в Турцию, открытое наступление на феодальные князей и дворян правительство сочло нежелательным. Оно хотело, с одной стороны, сохранить классовую солидарность с местной феодальной верхушкой (и в особенности с теми из них, кто поддерживал Россию), но, с другой - оно также хотело завоевать симпатии горских крестьян официально поддерживая их естественное стремление к освобождению от крепостнической зависимости. Проводя земельную реформу, царское правительство преследовало также цель создать казенный земельный фонд из «свободных земель». Вместе с этим, желая притупить остроту назревающего социального конфликта, не допустить открытого выступления вдвойне угнетенного горского крестьянства, царская администрация заигрывала с горским крестьянством, давая им многообещающие заверения. Был создан новый «Комитет для разбора личных и поземельных прав туземцев левого крыла Кавказской линии» под председательством Грамотина. Комитет занимался главным образом разбором сословных прав и привилегий горской знати. В

1861 г. кн. Орбелиани разработал новый проект земельной реформы, который он изложил в своем «отзыве» на имя военного министра. Орбелиани предлагал закрепить за князьями и дворянами определенные земли на правах частной собственности, но с условием, чтобы они не предъявляли никаких претензии на другие земли, а равным образом и земли лиц, которых они считали своими вассалами-крепостными. Орбелиани предлагал дать землю тем лицам, которые по происхождению не принадлежали к высшему сословию, «но своим усердием и преданностью» принесли царскому правительству «огромную пользу» и в службе достигли тех чинов и наград, «которые по законам империи дают право дворянства». Таким образом, князь предложил сочетать общинную форму землевладения с частной. Этот проект в Петербурге получил одобрение. В мае 1863 г. была создана общая для Терской области комиссия по разбору личных и поземельных прав, на которую возлагалась задача выяснения сословных и поземельных прав горского населения Терской области. Первый шаг к реформе на Тереке ознаменовался Положением об управлении Терской областью от 29 мая 1862 г. о введении нового территориального деления на округа и отделы. 29 августа 1863 г. был провозглашен акт о введении в Кабарде общинного права владения землей. В этом акте феодалы соглашались пользоваться землей на основе общинного права «по нашим народным обычаям». Заявив об этом, они рассчитывали по-прежнему получать феодальные повинности с крестьян, остаться распорядителями, короче говоря, сохранить за собой если не все, то во всяком случае большинство владельческих прав. В 1863—1864 гг. было проведено размежевание земли в Надтеречном наместстве Чечни.

Царское правительство не признало за чеченской и ингушской знатью права «почетного сословия», мотивируя это тем, что в Чечне и Ингушетии не было оформившейся феодальной знати. Но образовало «институт частной поземельной собственности» путем «высочайших пожалований» за личные заслуги царским офицерам и другим частным лицам, оказавшим царским властям те или иные услуги. Так, Бата Шамурзаев, Арцу Чермаев, Касым Курумов, Турло Алханов, Ваган Аду получили от 650 до 500 дес. земли каждый, как и десятки других. Это означало, что феодальная знать и служивые не были обижены. За счет крестьянских земель были искусственно созданы крупные землевладения. Отобранные ранее земли крестьянам так и не вернули. В 1866 г. в плоскостной Ингушетии было проведено размежевание земель. На каждого феодала приходилось в 40 раз больше земли, чем на крестьянский двор. Размежевание

владельческих земель от сельских было закончено к 1870 г. В результате крестьяне ряда селений лишились выгонов, водопоев, канав. Нередко крестьянские земли оказывались небольшими островками, окруженными со всех сторон бекской землей. Имелись случаи, когда целые аулы насильственно переселялись на новые места с земли, оставлявшейся феодалам.

В основу земельной реформы в Кубанской области были положены те же принципы, что лежали в основе проведения реформы в Терской области. В июне 1861 г. командующий войсками Кубанской и Терской областей генерал-адъютант гр. Евдокимов обнародовал «Положение об устройстве поземельного быта горских племен Кубанской области». В нем, как и в Терской области, намечалось наделение крупных феодалов большими земельными латифундиями в индивидуальное потомственное пользование, остальных дворян – от 100 до 200 дес. в фамильное пользование, а крестьян-общинников - по 7 дес. на душу мужского, пола на правах общинного владения. Однако в нем не предусматривалось наделение землей холопов и крепостных крестьян; считалось, что «они должны были пользоваться землями из участков своих господ». Реформа была начата с наделения землей крупных феодалов ногайского и абазинского народов Верхне- и Нижне-Кубанских приставств, активно содействовавших осуществлению внутренней политики царизма. Составной частью земельной реформы в Кубанской области было ее заселение переселенцами.

Весной 1862 г. гр. Евдокимов подготовил новый проект «Положения о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России». В нем предполагалось отвести казакам по 20 дес. на душу м. п., а норма надела горцев сокращалась до 4-5 дес. Граф утверждал, что Для горцев «большой поземельный надел положительно вреден», поэтому, по его мнению, «надел этот можно считать весьма изобильным». «Положение» 19 февраля 1861 г. было также распространено и на Северо-Западный Кавказ, в частности на адыгейцев.

Летом 1866 г. в Тифлисе был создан Особый комитет по крестьянским делам под председательством генерал-адъютанта Карцова. На своем первом заседании 4 июня, рассмотрев представленные материалы о сословиях, Особый комитет выработал общие принципы по освобождению крестьян на Кавказе. Затем начался сбор сведений о повинностях крестьян различных категорий; он был поручен отделам Терской сословно-поземельной комиссии, которые и проделали эту работу. Намерение правительства

освободить зависимые сословия вызвало недовольство со стороны некоторой части феодалов. Дело доходило до открытых выступлений феодалов против реформы, как это имело место в Кабарде во время проведения земельной реформы в феврале 1867 г. Кабардинские князья предъявили администрации ультиматум: оставить холопов или разрешить им, князьям, переселение в Турцию. Боязнь потерять зависимых людей привела к активизации переселенческого движения. В качестве протеста в Турцию в начале 60-х годов переселились десятки тысяч кабардинцев, осетин, ногайцев. Таким образом, между переселением горцев в Турцию и проведением реформы существует прямая связь.

В итоге был выработан проект, который защищал интересы феодалов. Размер выкупной суммы для трудоспособного крестьянина (от 15 до 45 лет) устанавливался от 180 до 200 руб. Несовершеннолетние (до 15 лет) освобождались с уплатой предельного выкупа - 150 руб. (из расчета по 10 руб. за каждый год возраста), а в Осетии - бесплатно. При «освобождении» владелец обычно получал половину или даже две трети крестьянского имущества; сакля и домашняя утварь оставались за крестьянами. Так как «освобождаемые» крестьяне не могли сразу выкупить себя, то они оставались временнообязанными в течение 6 лет. За это время крестьянин должен был отработать свой выкуп в хозяйстве бывшего хозяина. Годовой труд здорового совершеннолетнего временнообязанного крестьянина оценивался: мужчин - от 35 до 70 руб., а женщин - от 25 до 40 руб. В правилах были специальные статьи о безобрядных холопах, т. е. о казаках и каравашах (в Балкарии и Карачае), об унаутах и унаутках (в Кабарде, Адыгее и Черкесии), кавдасардах и кумаягах (в Осетии). Для успешного проведения реформы в жизнь были созданы мировые посреднические суды - важное звено в административной системе. Специальная инструкция определяла круг их обязанностей: на них лежало определение размера годовой заработной платы для крестьян, обязавшихся уплатить выкупную плату владельцу личным трудом.

На практике выкуп всегда превышал указанную сумму, так как «Положение» об «освобождении» крестьян допускало возможность их ограбления и обезземеливания, не противостояло произволу и махинациям феодалов при совершении выкупной операции. Сумма выкупа, полученная только владельцами Кабарды и Балкарии, составила более 2,5 млн руб. 76 дворов балкарских феодалов (таубиев) получили вознаграждение на общую сумму в 1,5 млн руб.⁴⁸ В Чечне и Ингушетии в момент освобождения официально

числилось всего около 400 человек зависимого сословия (несомненно, что это заниженные данные). Власти в то время были уверены, что чеченцы и ингуши не имели понятия о «сословном делении вообще и крепостных отношениях в особенности».

Освобождение производилось за выкуп - от 100 до 200 руб. за взрослого и ют 30 до 50 руб.- за малолетнего по официальным данным, в 1867 г. в Чечне было освобождено 343 человека и в Ингушетии - 35.

В 1860 г. в Дагестане было-4830 рабов. Ко времени окончательного освобождения (1866—1868 гг.) осталось 1542 раба. Окончательная ликвидация рабства в Дагестане началась в 1866 г. и продолжалась до 1868 г. В итоге было освобождена 1542 раба, из них 78% заплатили выкуп в среднем по 145 руб. на душу, остальные освободились бесплатно.

Освобождение крестьян от личной зависимости в Кубанской области состоялось на год позже, чем в Терской, т. е. в 1868 г. По примеру Терской области для жителей Кубанской были составлены «Проекты» и «Правила» по освобождению крестьян. 1 ноября 1868 г. правительство утвердило окончательный Проект об освобождении крестьян в Кубанской области. Как видно из содержания, он был выработан с максимальным учетом интересов владельцев. Объявив об отмене права владения крестьянами, существовавшего у горцев Кубанской области, «Правила» тут же разъяснили, что получающие свободу крестьяне, за исключением женщин-огов, 55-летних стариков пшитлей, 50-летних унаутов, а также детей до 7 лет, «обязаны внести за себя выкуп... или личную работою впользу владельцев в течение известного периода времени, или же деньгами». «Положение» определяло сроки отбывания обязательных работ у владельцев: 5 лет для пшитлей, 4 года для унаутов. Срок уплаты денежного выкупа (взамен отбывания работ) был определен - не более 6 лет. Установив сроки выполнения выкупных сделок, «Правила» фактически превращали крестьян во временнообязанных, тем самым юридически оформляли их бесправное положение в течение указанного срока. Завершающий этап крестьянской реформы в горских округах Кубанской области, начавшийся с 1 ноября 1868 г., в основном закончился в начале 1869 г. От крепостной зависимости было освобождено около 16500 горских крестьян (пшитлей, унаутов и огов).

До 60-х годов XIX в. горское население Северного Кавказа находилось в подчинении военных властей левого и правого флангов Кавказской линии. Гражданское

управление было только в Ставропольской губернии. С 1860 г. все пространство Северного Кавказа было поделено на Ставропольскую губернию, Кубанскую область и Терскую область. Области, в свою очередь, были разделены на округа. Терская область, например, объединяла 8 округов: Осетинский, Кабардинский, Ингушский, Кумыкский, Чеченский, Аргунский, Ичкерийский, Нагорный (последние 4 округа были населены чеченцами). Дагестан, за исключением части кумыкского населения, приписан был к Закавказью. Устанавливалось раздельное управление для гражданского, казачьего и горского населения. Это было, по сути, началом практического осуществления перестройки общественного и политического строя населения Северного Кавказа на гражданский лад.

Начало новому административному устройству Дагестана положило «Положение об управлении Дагестанской областью» от 5 апреля 1860 г., утвержденное кн. А. И. Бяргинским. Согласно этому «Положению» была создана в составе Кавказского наместничества Дагестанская область, в которую вошли бывший Прикаспийский край (без Кумыкского округа), а также дагестанская часть территории бывшего имамата Шамиля. Во главе Дагестанской области стоял начальник из царских генералов, в руках которого была сосредоточена вся полнота власти. Он же был командующим войсками на правах командира корпуса. По гражданскому управлению он приравнивался в правах к генерал-губернатору центральных губерний.

В составе военных отделов были образованы округа во главе с начальниками из русских офицеров. Феодалные ханства и владения также были включены вместе с округами в состав военных отделов. Ханы управляли подвластными территориями на основе «ханского права». Как видно, в начале 60-х годов XIX в. управление Дагестанской областью делилось на военное, ханское и гражданское.

В 60-х годах царское правительство сделало крутой поворот от традиционной политики укрепления ханской власти к ее ликвидации. Когда Кавказ был окончательно покорен, ханская власть стала чужеродным элементом в русском государстве. Важным обстоятельством, ускорившим ликвидацию ханства, явилось усиление в 60-х годах антиханского, крестьянского движения, которое приняло повсеместный характер. Ликвидация ханств внешне была оформлена в виде «добровольного» отказа ханов от своих прав.

Административные реформы проводились и в Кубанской области, а также в Казачьем войске. С 1865 г. горские народы Кубанской области были распределены по пяти военно-народным округам: Псекупский, в который вошли аулы западных черкесов по среднему течению р. Кубани и нижнему течению р. Псекупс; Лабинский, объединивший черкесов, живших по р. Лабе и Белой; Урупский, населенный черкесами, ногайцами и армянами; Зеленчукский, в который вошли черкесы, абазины и ногайцы, жившие по р. Зеленчук; Эльбрусский - с карачаевскими и абазинскими аулами по р. Куме и ее притокам. Всего в Кубанской области после выселения адыгов в Турцию осталось около 87 тыс. человек, что составляло 6% от всего бывшего населения области.

Судебная реформа была проведена на Северном Кавказе в декабре 1870 г. Годом раньше, 30 декабря 1869 г., было обнародовано постановление о введении в Терской и Кубанской областях «Временных правил горских словесных судов». В соответствии с этим постановлением судебные Уставы от 20 ноября 1864 г. были распространены на русское население Терской и Кубанской областей. Что касается горского населения, то на них это положение не распространялось. «Правила» предусматривали временное сохранение народных судов, учрежденных еще в 1858 г. Но они были преобразованы в соответствии с новой обстановкой. При разбирательстве дела суд должен был руководствоваться приложениями обычного права (адата). Адат стал, таким образом, отправной точкой в организации системы нового судопроизводства. Вместе с тем при решении ограниченного круга вопросов, таких, например, как заключение и расторжение брака, вопрос о личных и имущественных правах и т. д., все еще применялся шариат. Но, когда при применении адатных положений не было прецедентов, суды использовали общеимперское судебное законодательство. Освободив суд от произвола горских феодалов, кавказская администрация подчинила его своей власти.

Вплоть до 60-х годов делами в аулах и селах вершили приставы, ханы и князья. Земельная реформа и освобождение крестьян от личной зависимости подорвали власть местных феодалов над сельскими обществами. Надо было, по мнению правительства, создать соответствующие органы сельского управления, которые заменили бы власть феодальных владельцев и упрочили бы власть царской администрации. В 1869—1870 гг. было введено «Положение об аульных обществах в горском населении Кубанской и Терской областей и их общественном управлении». «Положение» регламентировало жизнь сельских обществ, определяло порядок образования сельских обществ, состав,

круг деятельности, права и обязанности чиновников сельского управления. В соответствии с этим «Положением» в сельских обществах власть вручалась старшинам и их помощникам, которые выбирались на сельских сходах. Сельские (аульные) сходы решали все вопросы, связанные с экономической и политической жизнью жителей данного селения. На сходах решались земельные споры, вопросы о семейном разделе, о выделении новым членам общества земельных паев (участков), об отбывании повинностей, хозяйственные и другие вопросы.

Сельский суд состоял из трех и более членов, избираемых сходом на три года. Им были подсудны дела по гражданским спорам, возникавшим между крестьянами, при иске не свыше 100 руб., а также дела по малым преступлениям. В Дагестане не были созданы такие ступени управления, как волостной сход, волостной суд, волостной старшина, институт мировых посредников. Новая система административно-судебного управления была названа «военно-народной». В результате административной реформы существовавшее ранее раздельное управление для горского, гражданского и казачьего населения упразднилось. Формально население области подчинялось общим административным и судебным органам. Должности казачьего атамана и начальника области объединялись в одном лице - начальника области. 1 августа 1870 г. было опубликовано «Положение о воинской повинности и о содержании строевых частей Кубанского и Терского казачьих войск». Оно ограничивало бессрочную службу казаков 22 годами. Действительная же служба длилась 15 лет. Остальное время они находились дома «на льготе». В случае войны «льготные» казаки призывались на полевую службу. После этого казаки переводились в разряд внутренних служащих на 7 лет, после чего увольнялись в отставку. Служащие казаки составляли в мирное время не более одной трети, а остальные находились дома «на льготе». Среди казачества было создано два разряда: служилые и неслужилые. Казаки обязаны были по-прежнему приобретать за свой счет оружие, обмундирование и коня с седлом. Молодежь призывалась в армию по достижении 19-летнего возраста. От службы освобождались лица, работавшие в государственных учреждениях и постоянно занимавшиеся торговлей, а также учащиеся средних и высших учебных заведений. Подвергая изменениям военный быт казачества и предоставляя ему некоторые льготы, царизм стремился иметь в лице казаков, как и прежде, надежный щит на Северном Кавказе. Военная реформа не распространялась на местное население. Лишь в 1887 г. горцы были привлечены к отбыванию воинской

повинности, но действительная служба была заменена взиманием особого денежного сбора - воинского налога. До этого дело сводилось к попыткам создать отдельные воинские отряды из местного населения. Правительство рассчитывало использовать милицию и «иррегулярные войска» из среды местного населения при подавлении национально-освободительной борьбы.

Когда восстали жители Боснии и Герцеговины, вспыхнула сербско-турецкая война, несколько тысяч лучших сынов России - рабочих и крестьян, профессиональных революционеров, врачей, учащихся - добровольно отправились на Балканы, чтобы с оружием в руках помочь справедливому делу национального освобождения своих братьев. В России началось также широкое движение за оказание материальной помощи балканским народам. В сборе пожертвований активное участие приняло и население Северного Кавказа.

Русский военный атташе сообщал из Лондона, что Дизраэли будто бы поощрял планы образования «Закавказского халифата» путем слияния мусульманского населения края, захвата османскими войсками Грузии, Армении и Северного Кавказа. Строились расчеты на поддержку горского населения из мусульман и на ввод османской эскадры в Азовское море с целью отрезать русские силы от берегов Кавказа. Ряд городов и селений русского побережья - Анапа, Новороссийск, Геленджик, Туапсе, Сухум, Поти, где не было укреплений и размещались слабые гарнизоны, - оказались почти незащищенными.

2(24) апреля 1877 г. в условиях мощного подъема национально-освободительной борьбы балканских народов и небывалого в истории России общественного движения в их поддержку началась русско-турецкая война.

Нововведениями самодержавия, о которых речь шла выше, особенно недовольно было местное мусульманское духовенство. Стремление властей ограничить действия шариата, а по возможности вытеснить и заменить его адатом, наносило сильный удар по положению мусульманского духовенства. Боязнь лишиться экономических и политических привилегий играла если не решающую, то важную роль в росте оппозиционности мусульманского духовенства по отношению к самодержавию. Сеть заговоров на Северном Кавказе плели также и эмиссары зарубежных государств, и прежде всего Оттоманская Порты и Англия. Антирусской обработке подвергалась в Турции и значительная часть горцев-переселенцев. Антирусская подрывная деятельность эмиссаров Порты особенно усилилась в канун и в начале русско-турецкой войны. В ночь

с 12 на 13 апреля одновременно с началом военных действий в Закавказье между русской армией и османами житель г. Самсир Введенского округа Алибек-хаджи в присутствии 60 своих единомышленников объявил себя руководителем восстания. К нему примкнул старшина с. Чобахканерой в Чеберлое Дада Золмаев. Восставшие приняли присягу «разорвать всякое отношение с существующей властью, объявить себя независимыми». В июле «всеобщее брожение усилилось слухами об отступлении» по всему фронту русских войск. Распространяемы были в это время и прокламации, «в которых сообщалось, что сын Шамиля Кази-Магома с многочисленными войсками со дня на день должен вступить в пределы Терской области». Все это послужило новой вспышкой недовольства в Ичкерии. Летом 1877 г. в с. Согратль Гунибского округа объявились четыре султанских эмиссара, один из которых, Аббас, представлялся «пашой», а другие - Тинаввас, Гаджияв и Мину-Али, эмигрировавшие ранее из Дагестана, его «сопровождающими». Они предъявили письмо от Гази-Магомеда, в котором сообщалось о неизбежной победе Порты, о скором прибытии османских войск «с деньгами и оружием» и что дагестанцы должны немедленно восстать. А когда в Дагестане распространился слух о поражениях русской армии на фронтах и наступлении османов на Кавказ, обнаружился, говоря словами официального источника, «первый симптом народного настроения».

29 августа жители Гергебиля и Кикуни напали на мастеровых и солдат Георгиевского поста. На следующий день в с. Согратль Гунибского округа после продолжительных дебатов решено было объявить «газават», Ввиду старости Абдурахмана-Гаджи имамом был избран сын его - Гаджи-Магомед. Учрежден был совет, назначены векили и наибы. В течение нескольких дней восстанием были охвачены все селения Гунибского округа, кроме с. Чох. В сентябре восстанием был охвачен Центральный, Южный и Западный Дагестан. Причем в каждом селении перед выступлением происходила острая борьба между сторонниками и противниками восстания. И всюду во главе восставших становились либо представители духовенства, как это было в Гунибском и Даргинском округах, либо феодалы, как правило, потомки бывших владельцев, как это было во всех других охваченных восстанием округах. Причем, встав во главе восстания, феодалы тут же объявляли себя ханами. Осенью 1877 г. кавказское командование начало активное действие против повстанцев. Причем в подавлении восстания наряду с регулярными частями принимало участие большое число

милиции и дружин, сформированных из местного населения. В начале октября был подавлен в Чечне последний очаг сопротивления: Алибек-хаджи с 60 повстанцами ушел в Дагестан. К концу октября восстание было подавлено в Южном Дагестане, Даргинском, Казикумухском округах. Последним сдался Согратль - место пребывания имама. После штурма наиболее активные участники были преданы военно-полевому суду и казнены в Дербенте и Гунибе; многие повстанцы были высланы.

История русско-турецкой войны 1877-1878 гг. изобилует фактами, свидетельствующими об укреплении боевого содружества горцев Северного Кавказа с русским народом. Представители северокавказских народов участвовали во всех сражениях русско-турецкой войны как на Балканском, так и на Кавказском театре войны. Согласно решению высшего командования, в действующую Дунайскую армию были определены Кубанский и Терский эскадроны, Владикавказский и Кубанский казачьи полки и Терско-горский иррегулярный полк. Начальник штаба Кавказской казачьей дивизии (куда входил и Терско-горский полк) П. Д. Паренсов писал: «Совершенно в них влюбился. Это была настоящая кавалерия, центавры». Осмотрев Терско-горский иррегулярный полк, начальник полевого штаба действующей армии генерал-адъютант А.А. Непокойчицкий доносил императору: «Терско-горской полк, прибывший с Кавказа... Славный полк, так и дышит Кавказом». Однако в мае 1877 г., когда Терско-горский полк, пройдя значительную территорию Румынии, вышел на исходные позиции, поступил приказ о разделении полка. Ингушский эскадрон был отозван в Одессу, а Осетинский дивизион был влит во Владикавказский конный полк. В составе Кавказской казачьей бригады (куда входил и Владикавказский полк) Осетинский дивизион участвовал во многих сражениях, проявив при этом мужество и храбрость. «Этот народ (т. е. осетины - Авт.), - доносил командир Кавказской казачьей бригады полковник И. Ф. Тутомлин командующему западным отрядом Зотову, - заслуживает изрядно вон выходящей награды за свою безупречную, безграничную храбрость». О воинских достоинствах горцев высоко отзывались и другие очевидцы. Докладывая командиру казачьей бригады о сражении при деревне Дели-Сула, командир Владикавказского полка Левис писал: «Осетины дрались со свойственной им отвагой... считаю своим долгом доложить об отличной распорядительности командира Осетинского дивизиона ротмистра Есиева, об отличиях, оказанных сотниками и субалтерн-офицерами, а также нижними чинами». Отличился

В начале октября 1877 г. из-за настойчивых просьб всадников, желавших принять участие в боевых действиях с османами, был переведен в Болгарию Ингушский дивизион. Зачисленный в XIII армейский корпус, дивизион уже 12 октября участвовал в сражениях при с. Сисово и при р. Ак-Лом, Кара-Лом и в других стычках. Особенно отличился Ингушский дивизион в боях за с. Кацелево. «Поведение ингушей и гусар в этой стычке с неприятельскою пехотою выше похвалы, особенно ингушей, - писал командующий XIII армейским корпусом генерал-адъютант А. М. Дондуков-Корсаков. - Они с безответною храбростию и настойчивостью бросались на неприятеля, осыпавшего их пулями... Ингуши, поддержанные 3-м эскадронном гусар, смело атаковали пехотные части в ложементях. По всеобщему отзыву, героями дня были всадники Терско-горского полка».

За отличие в бою у с. Кацелево были награждены ингуши командир дивизиона подполковник Банухо Базоркин - орденом св. Анны 2-й степени, ротмистр Николай Альдиев - орденом св. Анны 3-й степени с мечами и бантом, прапорщик Артаган Мальсагов - орденом св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», подпоручик Маги Наврузов был произведен в поручики. Знаки отличия Военного ордена получили урядники и всадники Бати Мальсагов, Парго Темирсултанов, Генардуко Алиев, Чалдыр Гойгов и др. (всего 22 человека).

В составе действующей Кавказской армии были образованы из горцев Северного Кавказа конно-иррегулярные полки: Кабардино-Кумыкский (состоящий из четырех сотен кабардинцев, одной сотни кумыков и одной сотни салатавцев), Чеченский, два Дагестанских полка (по 6 сотен). Кроме того, горцы Северного Кавказа служили в других подразделениях русских войск: горцы Дагестана - в Закатальском конно-иррегулярном полку, осетины - в регулярных частях и казачьих полках, Дербентском стрелковом полку, Нижегородском драгунском полку, Горско-Моздокских, Кизлярско-Гребенских, Владикавказском, Волжских казачьих полках и др. Эти соединения принимали участие почти во всех основных сражениях войны.

Всадники конно-дагестанских полков с самого начала войны находились на переднем крае, участвовали в форсировании реки Арпачай. В начале мая в блокадных боях у сильно укрепленной крепости Каре они показали образцы храбрости. «Шесть сотен Дагестанской конно-иррегулярной бригады, - доносил главнокомандующий Кавказским корпусом гр. М. Т. Лорис-Меликов, - имели молодецкое дело с турецкой

регулярной кавалерией в числе до тысячи человек... О блистательном деле 2-го и 3-го Дагестанских конно-иррегулярных полков и отличной боевой репутации, проявленной ими в начале же кампании, я с истинным удовольствием объявляю по войскам».

В мае русская часть, в составе которой был и Кабардино-кумыкский полк, при с. Бегли-Ахмет нанесла поражение османской кавалерии (которой командовал М. Кундухов). 5 июля при вылазке карского гарнизона у с. Аравартан отличился Чеченский полк.

Неувядаемой славой покрыли себя горцы Дагестана, Чечни, Кабарды, Осетии и др. в сражениях при Деве-Бонну, особенно в боях за крепость Каре. За особое отличие в боях при одной из блестящих операций войск - штурме крепости Каре - 3-й Дагестанский полк был награжден георгиевским знаменем с надписью «За взятие Карса», а всадники полка получили знаки на головные уборы с надписью «За отличие в Турецкую войну». 97 всадников были награждены медалями. Позже почетным званием был также награжден Чеченский конно-иррегулярный полк. Георгиевского креста за отличие в боевых действиях удостоились всадники Чеченского полка Д.Дурдиев, У. Гаев, Ш. Сугайпов и многие другие, ордена св. Владимира - майор Тхостов, корнет Б. Яндаров. Много чеченцев были также награждены орденом св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», орденом св. Станислава 3-й степени. Большое число всадников Кабардино-кумыкского и Дагестанских полков были также награждены знаками отличия Военного ордена и георгиевскими крестами. Первым в России полным кавалером Георгиевского креста, «для нехристиан установленного», стал юнкер 2-го Дагестанского полка, лакец по национальности Лабазан Ибрагим Халил-оглы. Четырьмя георгиевскими крестами был награжден аварец Гаджи-Магомед Халаков.

Культура народов Северного Кавказа в XVIII начале XX вв.

1. Материальная культура и прикладное искусство народов Северного Кавказа
2. Семейный и общественный быт.
3. Духовная культура.
4. Возникновение письменности и развитие науки

Литература:

Кобычев В.П. Поселения и жилища народов Северного Кавказа в XIX начале XX вв. М., 1982.

Студенецкая Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа XVIII – XX вв. М., 1989.

Карачаевцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1978.

Великая Н.Н., Виноградов В.Б., Хасбулатова З.И., Чахкиев Д.Ю. Очерки этнографии чеченцев и ингушей (дореволюционный период). Учебное пособие. Грозный, 1990.

Народы Северного Кавказа имели поселения как на равнине, так и в горной местности. Адыгские народы на равнине селились компактно, располагали свои поселения квадратом или кругом. Жилища строились по периметру с фасадами, обращёнными внутрь селения. Внутри селения находились площадь для скота, располагались колодцы и зерновые ямы. Общая ограда такого аула имела одни ворота. Ограда мыслилась как защитное приспособление в случае внезапного нападения врага. Иногда ограда состояла из прочной плетнёвой стены в несколько рядов. Расстояние между заборами засыпалось землёй. На противоположных концах таких укрепленных поселений располагались сторожевые башни. Некоторые адыгские деревни в XVIII веке имели каменные укрепления.

Были у горцев также селения без всяких укреплений. В аулах имелись кузницы и базары, строились водяные мельницы. Для питья любили употреблять родниковую воду.

Селения в предгорьях и горах отличались от равнинных. Они не похожи на обычные поселения и состояли из отдельных усадеб, расположенных на значительном расстоянии друг от друга вдоль рек. Такие селения иногда бывали растянутыми на десятки километров. Аулы горцев, по словам, автора XIX в. султан Крым-Гирея, представляли собой «нескончаемые цепи дворов, разбросанных по вкусу их хозяев всюду по ущельям, горным террасам и долинам. В таком случае эти дворы всегда примыкали к речкам и лесам».

В XVI — первой половине XIX в. шёл процесс образования хуторов. Отдельные хутора располагались в труднодоступных и лесистых ущельях, в более возвышенных местах и верховьях рек. Трудолюбивые горцы расчищали участки земли в горах, всемерно старались использовать небольшие лесные поляны и вообще каждый

доступный для обработки клочок земли. В таких местах легче было жить небольшими хуторами. Довольно часто хуторские поселения были однофамильными, состоящими из родственников. Под влиянием внутренних междоусобиц и внешних нападений селения нередко передвигались с одного места на другое.

После выселения большинства адыгов в Турцию, оставшееся на Кавказе черкесское население было расселено в основном на Прикубанской равнине. В связи с выселением из горной зоны существенно меняется характер поселений. Создаётся более строгая планировка домов с соблюдением в определённой степени уличного типа поселений. Те аулы, что и раньше располагались на равнине, тоже постепенно меняются. Исчезают плетни и рвы, окружавшие аулы. В центре поселения возникают общественные здания и лавки.

В центре усадьбы обычно стояло жилище хозяина. Отдельно строились дома для женатых сыновей. В усадьбе непременно находилась кунацкая, предназначенная для приёма гостей. Вокруг двора, обычно у забора, находились различные хозяйственные постройки, скажем амбар для зерна, курятник. Для лошадей и скота строился отдельный двор. Усадьбу окружали огород и сад.

После окончания Кавказской войны старый тип горской усадьбы меняется. Площадь, занимаемая главным двором (где располагалось жилище) и хозяйственными постройками, резко сокращается. Большая часть территории усадьбы стала отводиться садам, огородам, кукурузным делянкам. По-прежнему преобладало традиционное жилище в глубине двора. Но некоторые стали строить дома ближе к линии улицы.

Жилище у адыгов было сначала однокамерным. В одном доме была одна комната, она служила одновременно спальней, кухней и детской. В дальнейшем стали возводить двухкамерные дома. Дом строился без фундамента. Стены состояли из кольев и плетня, обмазанного с обеих сторон глиной, смешанной с соломой. Крыши покрывали камышом или соломой. Они делались четырёхскатными или двухскатными. В некоторых местах горцы возводили деревянные дома.

В жилище имелся очаг. Огонь в очаге отапливал помещение, на нём готовилась пища. Очаг у горцев устанавливался прямо на полу. Надним делался плетёный дымарь. Он на метр возвышался над очагом и выходил далее на крышу. Дымарь обмазывался глиной. В очаге постоянно поддерживался огонь. Дома феодалов обстраивались лучше, чем у простых людей. Внутреннее убранство жилища было простым. В доме находились

низкие резные диваны, покрытые циновками с подушками, табуретки и скамейки. Принадлежностью любого жилища были маленькие столики с тремя ножками. Окрытые шкафы висели на стенах. В них помещались ножи, ложки и иные кухонные принадлежности. Местные мастера сами изготовляли умывальники — кумганы, котлы, тазы, чашки и многие другие предметы домашнего обихода.

После окончания Кавказской войны дома наряду со староадыгским типом жилища появляется в аулах квадратный тип, заимствованный у русских - урус ун (русский дом). Под влиянием России в конце XIX в. стали в адыгских домах делать потолок, застеклённые окна. Зажиточные люди строили в аулах красивые, большие дома, крытые железом. Появляются пилы, гвозди, обожжённый кирпич, стекло, скобяные изделия и другие новые инструменты и строительные материалы. В домостроительстве начали применять фундамент. В домах появляются отопительные печи, делаются ставни.

Внутреннее убранство жилищ остаётся прежним, но и здесь применяются новшества. В быт горцев входят русские фабричные изделия. Распространились русская посуда, самовары, керосиновые лампы, пуховые подушки, столы, стулья, железные кровати, полированные шкафы. Городскую мебель и фарфоро-фаянсовую посуду покупали главным образом люди зажиточные.

Многочисленные вторжения иноземных захватчиков и непрерывные феодальные междоусобицы обуславливали облик аулов Дагестана. В большинстве случаев аулы строились как поселения с системой укреплений. Оборонительная система в каждом месте была особой и зависела от топографии селения. С доступных для нападения сторон наружный ряд домов ставится сплошным строем. Нижние части стен в них делаются глухими. В нужных местах этот строй домов дополняется крепостными стенами и системой боевых башен. В стенах устраиваются запирающиеся на ночь ворота, иногда с каменными створами. Сплошную закрытую оборону приходилось создавать и в селениях, расположенных в равнинной открытой местности. Узкие и кривые улицы легко позволяли изолировать от врага любую его часть и вести баррикадные бои. Башни часто соединялись подземными ходами между собой и с разными частями селения. Кроме того, на ближних и дальних подступах к аулу со стороны ведущих в аул дорог ставились боевые и сторожевые башни с огневой сигнализацией. Таким образом, получались эшелонированные по глубине системы обороны.

Новый способ обороны ведет в свою очередь к качественным изменениям внутри селения. Ограниченная укреплениями из стен и башен, застройка становится все более тесной, почти сплошной. Дома соединяются. Увеличивается этажность. В сел. Кубачи, например, или в дидойском селении Мокок старинные жилые дома часто имеют по шесть этажей. За недостатком места дома строятся над улицами, а улицы иногда вместе с перекрестками превращаются в длинные извилистые и темные тоннели.

В зависимости от естественноисторических зон определяется и способ строительства жилищ. В равнинной части Дагестана, населенной кумыками, основным строительным материалом был необожженный кирпич из глины и соломы. Это, однако, не означает, что в кумыкских селениях вовсе не было каменных построек. При строительстве мечетей и других общественных зданий употребляется тесаный и рваный камень. В ряде крупных кумыкских селений, особенно в шамхальстве, жилища феодалов, как правило, строились из камня.

В предгорном и нагорном Дагестане основным строительным материалом был камень. За редким исключением, частные и общественные здания складывались из нетесаного камня на глиняном растворе. Перекрытие, за исключением богатых лесом зон, осуществлялось, как правило, каменными плитами. Крыши повсеместно засыпались землей, которая плотно утрамбовывалась. Лесоматериалы в жилище горцев употреблялись лишь для дверей, а иногда как опорные столбы. В XVIII в. в связи с укреплением позиций ислама увеличивается строительство мечетей.

Будучи гораздо крупнее жилых домов, мечеть становится архитектурной доминантой селения, особенно в тех случаях, когда она соединена с красивой вертикалью минарета. Мечети строятся на освященной древними традициями общественной площади, связывая, таким образом, этот общественный форум с исламом. Мечети дают много прекрасных архитектурных решений, они любовно разрабатываются и снаружи и в интерьерах, но в разных районах Дагестана они строятся, как и в прежние времена, по-разному. В то время как мечети, возникающие в Южном Дагестане, продолжают по конструктивным и стилевым признакам формы мечетей Азербайджана и других стран мусульманского Востока, мечети, строящиеся местными мастерами в глубине гор, стойко придерживаются традиций народного жилища. Так, например, в горной Аварии мечети имеют обычную в горах плоскую крышу, покоящуюся на рядах

мощных деревянных резных столбов местного рисунка, часто с лепным узором на стенах. Здесь не встречаются ни своды, ни стрельчатые арки.

В XVIII в. господствующие сословия, и особенно феодальные владетели, строили в своих резиденциях дома-дворцы, такие, как дворец аварских ханов в Хунзахе, казикумухских ханов в Кумухе, дворцы шамхала, Касумбая, Атабая в Тарках и др. Эти так называемые ханские дворцы выделялись среди остальных строений своими размерами, формой, планировкой и качеством строительства. Они строились из тесаного камня с остекленными окнами, относительно высокими деревянными дверьми, украшенными резьбой. В них широко применялись деревянные конструкции и резьба по камню и дереву. Окружались они высоким забором с широкими двустворчатыми воротами, которые также украшались резьбой. Среди памятников строительного искусства своей оригинальностью особенно выделяется дворец Фатали-хана в цитадели Дербента. Стены и потолки внутренних помещений и галереи дворца были покрыты росписью с изображением охотничьих сцен, цветов и т. д. В окнах были вставлены цветные стекла. Кроме дворца в цитадели были и другие здания — мечеть с минаретом, баня, хранилище для воды и т. д.

Выдающимся памятником зодчества XVIII в. является мавзолей, построенный в 1787—1788 гг. над могилой жены Фатали-хана Тути-бике. В плане это центральное восьмиугольное здание, перекрытое стрельчатым куполом. Мавзолей был построен из хорошо вытесанного камня и внутри оштукатурен. Интерьер мавзолея, состоящий из центрального восьмигранного зала и примыкающих к нему четырех ниш, перекрыт сводами, освещаемыми прямоугольными окнами. Общая высота мавзолея без купола равна 4,5 м.

Осетины располагали свои поселения в местах, удобных для обороны, вблизи водных источников. Чтобы не занимать под жилье хозяйственные уголья, обычно выбирали крутой холм, уступ или склон горы, защищенные от лавин и камнепадов. Если селение размещалось на крутом склоне, то задние части строений возводили, вырубая ниши в скале. В этом случае крыши нижних домов служили дворами для жителей верхних кварталов. Улицы-проходы между домами были узкими и извилистыми, их мостили камнем, на подъемах делали ступени. Дома чаще строили из камня, в один или два этажа, с плоской крышей. В ущельях, богатых лесом, и в предгорных долинах юга и севера строили деревянные дома с двускатной или четырехскатной крышей. Если дом

был двухэтажным, нижний ярус использовали для содержания скота и других хозяйственных нужд. Главными и обязательными помещениями в осетинском доме были «хадзар» и «уат».

Хадзаром называли большую комнату с очагом, делившим ее на мужскую и женскую половины. В хадзаре собирались все домочадцы, у каждого было свое место, определяемое возрастом и положением в семье. Здесь обсуждались домашние дела, глава семейства наставлял младших и ежевечерне распределял поручения на будущий день. На очаге готовилась пища, которую принимали сперва старшие мужчины и малые дети, а затем все остальные. Часть приготовленной еды даже в самом бедном доме откладывали на случай появления гостя. По древней традиции, известной всем индоиранским народам, неугасимый огонь в очаге считался залогом благополучия в доме, приращения семьи и продолжения рода. Надочажная цепь почиталась как святыня. Уат — это помещение с лучшей мебелью и убранством, предназначенное для гостей. Достойный прием гостя был для осетина долгом чести. Неожиданное появление гостей расценивалось как привилегия, дарованная Богом. Квартал у въезда в село считался престижным местом жительства, потому что повышал шансы заполучить в гости случайного путника. А число именитых гостей точнее любых слов определяло общественное положение и влиятельность хозяина.

Архитектуру горной Осетии трудно представить без боевых, сторожевых и жилых башен. Сторожевые башни строились гражданской общиной (а позднее и сильнейшими феодалами) для наблюдения за подступами к границам своей территории. Жилыми и боевыми башнями владели, как правило, знатные и богатые родственные группы. Боевые башни имели до пяти этажей и были приспособлены только для длительной обороны. Более просторные и не столь высокие жилые башни в мирное время использовались как обычные дома. Крупные феодалы жили в замках-крепостях. Такой замок (по-осетински «галуан») обычно господствовал над окружающей местностью, возвышаясь на неприступной скале. Галуан состоял из боевой башни, жилых и хозяйственных построек, обнесенных высокой каменной стеной.

Многообразием отличалась архитектура погребальных сооружений. Умерших хоронили в каменных фамильных склепах или земляных могилах. Над могилой устанавливали надгробный камень-памятник с изображением узоров-символов и

реальных предметов, сопровождавших человека в земной жизни и, по убеждению осетин, необходимых ему для жизни вечной. Эта традиция восходит к скифским каменным изваяниям. Десятки подземных, полуподземных и надземных склепов составляли обширные некрополи у некоторых горных селений.

Самыми древними жилищами в Карачае были деревянные срубные строения из соснового, елового и пихтового леса. Основным строительным материалом в Историческом Карачае был лес. Безусловно, деление общества на классы проявлялось и в применении в строительстве строевого леса. Наряду с лесом, хотя не так широко, карачаевцы применяли в строительстве и камень, который здесь тоже имелся в изобилии. Территория Исторического Карачая изобилует ценным строительным камнем – гранитом. Карачаевцы умело использовали и твердый гранит, придавая глыбам нужную форму при помощи несложных орудий труда. Основным типом карачаевских и балкарских жилищ во второй половине XIX в., было однокамерное деревянное строение - сруб прямоугольной формы. Если до второй половины XIX в. социально-экономические различия между владельцами жилищ во внешнем виде самих построек отражались сравнительно нерезко, то начинают все более отчетливо проявляться начиная именно со второй половины XIX в., когда Карачай вступил уже в тесные этнокультурные контакты с русским населением предгорий Кавказа, с такими казачьими станицами как Баталпашинская, Отрадная, Суворовская, Зеленчукская, Кардоникская, Преградная, Исправная, Сторожевая, возникшими во второй половине XIX в.. До этого времени разница в карачаевских домах сводилась лишь к их месторасположению в селении, к размерам и отчасти к техническому качеству постройки. У социальной верхушки жилища были более внушительных размеров, большая площадь отводилась для хранения имущества, гораздо качественней и добротней была выполнена сама работа, возводилось жилище только из соснового леса. В умении народного строителя подчинить природные и материальные возможности конструктивно-художественным задачам и выработывался выразительный образ балкарского и карачаевского дома. Его массивные конструкции - огромные сосновые балки перекрытий и столбы-опоры сделаны из вековых сосен без применения пилы, сложенные из монолитных камней скамьи и крепкие, из толстых плит, полки для различной посуды - все было сработано прочно, с завидной долговечностью, как бы под стать образам могучих богатырей нартского эпоса. Веками создавался этот суровый и выразительный образ жилища, где все изготовлялось из материала,

предоставленного мастеру природой, и определялось патриархальным образом жизни большой семьи - открытый очаг в центре, “тёр” - почетное место главы рода, сложенные стопкой и закрытые узорными коврами постели, домашняя утварь, сделанная руками самих хозяев. Все было отмечено простотой и целесообразностью, дышало своеобразной художественной силой.

Одежда у горцев традиционно шилась из сукна, холста, бязи, шёлка, бархата и иных тканей. Одежда является неотъемлемым компонентом национальной культуры народов Северного Кавказа. Из-за красоты и удобства мужская одежда адыгов была заимствована другими кавказскими народами, а также терскими и кубанскими казаками. В первой половине XIX в. мужской костюм состоял из каракулевой папахи, войлочной шляпы, бараньей шубы, бурки, башлыка, обуви, рубахи, штанов, бешмета, черкески.

Черкеска представляла собой однобортный суконный кафтан без ворота, в талию со сборками, обычно немного ниже колен. На каждой стороне груди находились трубочки — газыри — для хранения патронов. Бурка изготавливалась из овчин шерстью наружу и из войлока. Она предохраняла горца от дождя и холода. При необходимости из бурки устраивали палатку, подпирая её палками. Обычно бурку носили на одном плече. Бурки и черкески были преимущественно чёрного цвета. В качестве обуви у мужчин употреблялись чувяки, сапоги и поршни. Мужская одежда осетин состояла из короткой рубашки, штанов и кафтана (его поздние варианты получили у русских название черкески). Обувью служили тесные чувяки из мягкой кожи и суконные или кожаные ноговицы, облегавшие ноги до колен. Главные виды головного убора — широкополая войлочная шляпа, барашковая шапка, шерстяной башлык. В плохую погоду осетины надевали войлочную бурку или овчинную шубу. Женщины носили стянутые поясом распашные платья поверх длинной рубахи и штанов. Замужние дамы надевали под платье еще и кафтанчик. Зимой женская одежда дополнялась стеганой курткой или шубой из овчины.

Женская карачаевцев сохранила элементы костюма аланского периода. К ним относится, например, наличие металлических венчиков, украшенных штампованным, точечным, геометрическим орнаментом, которые пришивались к головному убору. Этот убор представлял собой высокую, остроугольную, тканую шапочку, на верхушку которой нашивались металлические, покрытые узором, навершия (иногда с шариком на макушке). Следует отметить, что в Карачае, украшавшие эти шапочки и, очевидно,

одежду бронзовые и серебряные пластины, а также наверхия для шапочек и венчики, покрывались штампованным пунсонным узором, характерным для алан раннего средневековья. Платье карачаевки украшалось нагрудными серебряными пряжками пуговицами, пришивавшимися в два ряда к ткани. Средневековые традиции сохранялись вплоть до XIX в. В особенности, это касается головного убора. Праздничные платья девушек изготавливались из бархата или шелка темно-красного, реже - синего и зеленого цветов. Они украшались золотым шитьем и галунами. Также богато украшались шапочки (окъа бёрк). Неотъемлемой частью женского костюма был пояс (кямар), представлявший собой подлинное произведение ювелирного искусства. Мужская одежда карачаевцев более схожа с одеждой других горских народов Северного Кавказа, включала туникообразную нательную рубашку, Бешмет из ткани черного, белого, иногда (праздничные) ярких цветов - ярко-синий, оранжевый, полосатый. В повседневной жизни бешмет носили без черкески. Черкеска (чепкен) у карачаевцев, как правило, была выходной и праздничной одеждой. Шилась она в основном из черного, серого, бурого и белого материалов. Длина черкески доходила обычно до колен и ниже. Головной убор был схож с головным убором других горцев. Карачаевцы носили меховые шапки-папахи (тери бёрк) и войлочные шляпы (кийиз бёрк). Праздничным головным убором мужчин считалась высокая каракулевая шапка (бухар бёрк), перешедшая к казакам под названием кубанка.

Кавказские сабли и кинжалы были составной частью мужского костюма. Шашка, что означает «длинный нож», появилась у горцев как новый вид холодного оружия в XVII в. Это оружие отличалось от сабли тем, что у него не было крестовины для защиты руки, и клинок был утоплен в ножны по головку рукояти. Клинок шашки был значительно короче сабельного и менее изогнут. Для шашек использовали западноевропейские клинки, которые ввозили на Кавказ через черноморские порты на протяжении нескольких веков. Особой популярностью здесь пользовалась генуэзская «гурда», золингеновский «волчок», венгерские «трансильванский узел» и «гусар». Рукояти шашек делали из рога или серебра. Головки рукоятей имели закруглённую форму с клиновидным вырезом сверху. Главное конструктивное достоинство черкесской шашки заключалось в удачных весовых пропорциях. Облегчение эфеса вызвало передвижение центра тяжести, а следовательно и центра удара, ближе к боевому концу шашки. Тем самым оружие как бы удлинялось. В клинковом ударном оружии «рабочая

часть» - центр удара составляет 20 см. Если удар приходился на другую часть оружия, то нападающий получал сильный толчок рукояти и рисковал выронить оружие. Поэтому чем ближе центр удара к концу оружия, тем оно как бы длиннее. В своих первых стычках с горцами казаки получали удар в локоть раньше, чем дотягивались до противника своей, казалось бы, длинной саблей. При ударе клинок как бы сам устремлялся вперёд и увлекал руку. Сила удара холодного оружия рассчитывается по формуле, где масса умножается на скорость в квадрате. Лёгкая шашка позволяла наносить более меткие, и в то же время мощные удары. Вследствие малой изогнутости клинка шашкой можно было рубить с успехом в обе стороны, что делало её незаменимой в пешем бою. Правда, это же обстоятельство затрудняло нанесение скользяще-режущего удара, более действенного против противника, лишённого оборонительного доспеха. Этот недостаток компенсировался приёмом, называемым «оттяжка». На это уходила часть силы удара, да и в неумелых руках приём не всегда удавался. Горцы, обучавшиеся владеть шашкой с детства, успешно осваивали его. Есть свидетельства, что на Кавказе по характеру раны узнавали черкесский удар.

Черкесские кинжалы не считались, как шашка и сабля почётным оружием, переходящим от предков. Они были просто личными вещами, которые использовались даже в хозяйстве. Сломанные и испорченные кинжалы переделывались. Английский разведчик Эдмонд Спенсер писал, что «кинжал является самым внушительным оружием в открытом бою, во время атаки черкесы держат его в левой руке и от его ширины, длины, достигающей локтя, он служит щитом во всех отношениях».

В XVI — XVII вв. зажиточные адыги имели кольчуги и пластинчатые латы, а также шлемы. В XVII в. происходит постепенное вытеснение луков и стрел огнестрельным оружием. Ружьё у горцев первоначально было похоже на европейские карабины XVI — XVII вв. Затем выработалась винтовка. Горцы были вооружены также пистолетами. В XVIII — первой половине XIX в. выходят из употребления копья и дротики. В походе изобилие оружия несколько не стесняло горца и не выдавало его бряцанием или блеском. Всё это было хорошо приспособлено к боевой обстановке. Ружьё носилось в войлочном косматом чехле через правое плечо, а пистолет за поясом сзади, или в кожаной кобуре с левой стороны, около шашки. Погонный ремень на винтовке был пригнан таким образом, что после выстрела горец вешал ружьё на левую руку и заряжал на всём скаку. Для более меткой стрельбы из засады горцы возили с собой подсошки —

два тонких прута, отделанных по концам костью и связанных на одном конце ремешком. Они приспособивались вдоль ружейного чехла и не мешали ни конному, ни пешему воину.

Женский костюм у адыгов составляли корсет, верхнее платье (сай), кафтанчик, шаровары, обувь, головной убор. Корсет до замужества почти не снимался. Вследствие этого у черкешенок всегда были очень тонкие талии. Платье по покрою имело сходство с черкесской. Шили его избархата, шёлка, парчи, сатина, шерсти. Украшали сай золотым шитьём. Женские пояса были металлическими, посеребренными или позолоченными с чернью. Шапочки адыгских женщин украшались серебром и галунами.

В пореформенный период народная одежда горцев вытеснялась костюмом городского типа. Но этот процесс был медленным. Однако к концу XIX в. в костюм народов Северного Кавказа стали шире входить ткани фабричного производства: сатин, ситец, атлас, бумазея, шерстяной кашемир.

Аульчане стали покупать готовую одежду фабричного производства. Среди них распространялись кофты, юбки, шали, туфли, ботинки, мужские сапоги и другие новые виды одежды. Начали входить в конце XIX в. в быт и пальто.

Вообще адыги украшали с большим вкусом все предметы, которыми они пользовались в быту и походной жизни. Прикладному искусству горцев свойственны два типа орнаментов: во-первых, стиль животного и растительного узора и во-вторых, линейно-геометрический стиль.

Значительного развития у народов Северного Кавказа достигла обработка кости и рога. Из кости изготавливали рукоятки кинжалов, шашек и ножей. Из бычьих рогов делали бокалы, которые с большим мастерством украшались серебром и золотом. На изделия из кости наносился геометрический узор, изображались лучи солнца, звёзды.

Горские мастера умели изящно отделывать и украшать войлочные ковры. Их украшали преимущественно геометрическими фигурами. Иногда наносился растительный орнамент. Богато украшалась орнаментом также циновка. Эти плетёные изделия часто изготавливались с белыми, чёрными, жёлтыми и иными цветными узорами. На циновках встречались изображения животных, сюжетные рисунки. Богатая фантазия и высокое мастерство горских мастериц сделали из циновок высокохудожественные изделия.

Самым древним в народном творчестве адыгских народов является золотошвейное искусство. Адыгскому золотошвейному узору присущи строгость и чёткость. Орнаментальному искусству адыгов свойственны сочетание тонкой линии с круглым пятном, многослойность узора. Путешественники, побывавшие в XVI - XIX вв. в Черкесии, писали восторженно о черкешенках, как о замечательных мастерицах золотого шитья по ткани и коже. Великолепно украшался золотошвейными узорами адыгский женский костюм. Искусно делались позументы, тесьма и галуны. Мужской костюм украшался вышивкой, аппликацией. При этом мужчины не любили ярких, цветистых тонов. Золотошвейное искусство адыгов по качеству стояло выше, чем у всех других народов Северного Кавказа. Оно имело воздействие на искусство соседних народов. В XVI в. адыгская техника золотого шитья оказала влияние и на русское искусство.

Больших высот достигли горцы в седельном производстве. Черкесское седло отличалось изящной отделкой, прочностью, лёгкостью и удобством. Адыгские сёдла получили широкое распространение в России и на Кавказе. Адыги, таким образом, выступали законодателями мод. Это верно подметил автор XIX в. А. Зиссерман. Он писал: «Черкесы, в сравнении со всеми прочими кавказскими племенами были тем, что в Европе привыкли считать французов. Законодателями всяческого рода моды — в костюме, в оружии, в седловке, в манере верховой езды, в законах и обычаях — от самых важных до мелочных, до горского этикета». В эпоху феодализма адыги оказали влияние на общественный быт абазин, карачаевцев, балкарцев, осетин, ингушей и чеченцев. При этом черкесский общественный строй, черкесская одежда и вооружение, черкесские нравы и обычаи олицетворяли соответственно образ жизни всех народов Северного Кавказа.

Значительного развития достигла художественная керамика. На выделяемые чашки, кувшины, блюда, тарелки наносились красивые орнаменты. В XVI — XVIII вв. на сосудах делались линейно-сетчатый, линейно-штриховой, линейно-арочный и чешуйчатый рисунки. Даргинские, лакские и восточноаварские резчики по дереву большей частью применяли растительный орнамент. Резчики Северо-Восточного Дагестана в основном использовали трехгранно-выемчатый орнамент с изображением животных фигурок. Довольно часто прибегали к изображению плетенчатых и растительных узоров.

В Южном Дагестане, в селениях Испик, Мюгюч и др., изготавливались оригинальные по своим художественным особенностям тарелки, кувшины и другие предметы поливной подглазурной керамики, украшенные ангобной росписью и наклепными узорами. Полива в изделиях конца XVIII в. была очень насыщена и разнообразна по цвету.

Дальнейшее развитие получило богатое по орнаменту и многообразное по цветовому решению узорное ткачество, распространенное в Дагестане повсеместно. В XVIII в. в Дагестане значительного развития достигло златошвейное искусство. Золотое шитье применялось чаще всего для украшения различных сумочек, подушек, игольниц, женских головных уборов и других изделий. Такими предметами, расшитым золотом, пользовались в основном господствующие сословия Дагестана.

Большой оригинальностью и высокими художественными достоинствами отличались ковры, сумахи, паласы, арбабаши, а также ковровые изделия, переметные сумы, выючные мешки и др. Причем уже в XVIII в. у каждой народности Дагестана при наличии множества типов, отличающихся структурой ткани и орнаментацией, складывались свои традиционные типы ковровых изделий. Вместе с тем существовала специализация по отдельным видам производства внутри самих центров ковроделия. В Южном Дагестане, где наиболее было развито ковроделие, табасаранцы и рутульцы большей частью производили паласы, а лезгины изготавливали сумахи. Высокого расцвета в Южном Дагестане достигло и изготовление ворсовых ковров, отличающихся разнообразием орнамента, композиции и сочностью красок. В Северном и Центральном Дагестане вырабатывались преимущественно гладкие ковры. У аварцев — гладкие ковры «давагъин» и циновки, у лакцев — валяные узорные войлоки и большие тканые паласы «турут», у кумыков — узорные войлоки арбабаши.

В XVIII в. значительных успехов достигла художественная обработка металла. Как и ранее, самые разнообразные изделия — кувшины, тазы, подносы и другие предметы изготавливали мастера медночеканного дела. Особенно развито было медночеканное производство у аварцев и лакцев, которые изготавливали всевозможную утварь почти для всего Дагестана. По-прежнему основным центром производства литых котлов, светильников и т. д. оставался аул Кубачи. Дальнейшее развитие получила и художественная обработка серебра, золота и других цветных металлов. Хотя ювелирное и оружейное дело в Дагестане развито было повсеместно и чуть ли не в каждом ауле имелись мастера, занимавшиеся в свободное от сельского хозяйства время обработкой

серебра, и особенно мастера черни и накладной филигрانی, все-таки основными центрами ювелирного искусства оставались Кубачи, Кумух, Унцукуль, Ругуджа, Гамсутль, Гоцатль, Хунзах, Ботлих, Ахты. Превосходные образцы подлинного искусства, отличающиеся большим совершенством технического исполнения и красотой орнаментальных узоров, создавали мастера аула Кубачи. Шашки и кинжалы с позолотой с резной слоновой костью, с золотой насечкой по кости, рогу и железу, глубокой гравировкой и с чернью по серебру, оправы пистолетов и ружей и всевозможные предметы кавказского снаряжения и украшения, сделанные в Кубачах, пользовались широкой известностью далеко за пределами Дагестана.

В отличие от предыдущих эпох в XVIII в. значительно чаще стали применять такие декоративные материалы, как золото, серебро. Орнаментом заполнялась вся поверхность ножен, очень большое распространение получила насечка по железу и кости. Много общего с изделиями кубачинских мастеров было и в лакской художественной обработке металлов.

Работа аварских мастеров была несколько иной. Самобытные художественные традиции аварской обработки металла заключались в том, что изделия украшались более сдержанно более скромными средствами. Основную роль при художественной обработке орудий и всевозможных украшений у аварских мастеров играло искусство черни. Причем чернь чаще всего используется в качестве фона, на котором располагается серебряный гладкий или чеканный узор. В аварском оружейном и ювелирном искусстве почти не употреблялось золото.

Широкое распространение получили у вайнахов резные оконные наличники, ставни, двери, мебель, особенно - лари и шкафы, занимавшие в большинстве случаев всю стену жилого помещения.

В Чечне и Ингушетии хорошо была развита резьба по камню. Известно, что в эпоху позднего средневековья орнаменты на входах и стенах башен в горах выполнялись резьбой на камне. Более сложно оформлялись горцами каменные надмогильные памятники (стелы) периода XIX – начала XX вв. В это время резьба по камню достигает значительного расцвета.

Существовал у горцев также вид каменной пластики, например, плиточные изделия из камня - домашние печи, очаги.

Достигла успехов также художественная обработка металлов. Приёмами обработки металлов были литьё, гравировка, чернь, зернение, филигрань, насечка. Украшались орнаментом кинжалы, шашки и ружья. Приклад ружья отделялся слоновой костью, серебром и золотом. Высокое качество золотых и серебряных украшений кавказского оружия было предметом удивления европейских любителей оружия. У чеченцев и ингушей большой популярностью пользовались великолепно отточенные кинжалы с изображением креста и зверя (терс-маймал), напоминающего волчонка или обезьяну. Известными центрами обработки металла являлись в это время Старые Атаги, Шатой, Ведено, Дарго, Джугурты, Шали.

Наибольшее распространение в ювелирном искусстве имела техника чернения серебра. Чернь применяли при украшении мужских и женских поясов, нагрудников, колец. Браслетов, пуговиц, металлических принадлежностей седла и оружия. Профессия ювелира обычно передавалась по наследству. Дети с малых лет обучались искусству златокузнечества.

Во второй половине XIX в. в прикладном искусстве народов Северного Кавказа происходят серьёзные изменения. Многие кустарные промыслы и ремёсла и связанные с ними виды декоративно-прикладного искусства переживают сильный упадок. Это было связано с потерей горцами независимости. Многие мастера-адыги уехали в Турцию. К концу XIX в. царские власти запретили производство ружей. Продолжали изготавливать лишь кинжалы. В сильный упадок пришли ювелирное и золотошвейное искусство. Часть ювелиров вынуждена была переквалифицироваться в кузнецов и слесарей. Кризис народного искусства был вызван развитием капитализма на Северном Кавказе. Изделия местных мастеров не выдерживали конкуренции со стороны предметов фабричного производства. По этой причине пришли в упадок ткачество, художественная керамика, обработка рога и кости. Лишь некоторые виды прикладного искусства получили дальнейшее развитие. Довольно устойчиво сохранялось во второй половине XIX в. производство циновок. Эти изделия по-прежнему богато украшались национальным орнаментом. Цинковка заменяла собой ковёр, её вешали на стену, клали на пол, постилали на кровать. Дальнейшее развитие получило также кузнечное ремесло. Мастера изготавливали с большим вкусом предметы домашнего обихода и кинжалы.

В пищу адыги употребляли круто сваренную просяную кашу. Из пшена варили похлёбку. Хлеба выпекали мало. Его приготавливали из пшеничной или ячменной муки.

Самым любимым мясным блюдом была баранина. Употребляли и гвядину. Из птицы (кур, индюков, гусей, уток) готовили великолепные блюда. Любимыми кушаньями были индейка с подливой (тхьачэтщыпс), жареная курица ((чэтлыбжь), курица с подливой (четщыпс).

Важную статью питания составляли молоко, масло, сыр. Любили твёрдые просушенные сыры. Рыбу меньше употребляли в пищу. Распространённым напитком являлась буза. Мёд использовали и в качестве сахара, и как лекарство. Применяли его при приготовлении хмельных напитков. Адыгская национальная кухня отличалась большим разнообразием. Вместе с тем адыги сдержаны в еде и питье, осуждали жадность, нетерпение и тем более обжорство.

В пореформенный период более распространённой стала горячая жидкая пища. Традиционная круто сваренная просяная каша стала постепенно вытесняться пшеничным хлебом русской выпечки. Чаще стали употреблять картофель, свёклу, капусту. Расширилось потребление кондитерских изделий, сахара и чая. Но по-прежнему мясная и молочная пища играли большую роль в питании народов Северного Кавказа. В конце XIX в. составным компонентом пищи стало также подсолнечное масло.

Повседневной пищей осетин были простые в приготовлении блюда из растительных и молочных, реже — из мясных продуктов. Иногда пили пиво, квас или брагу. Вино и водка-арак употреблялись старшими мужчинами в случаях, предусмотренных обычаем — на праздничном кувде-молении, на свадьбе, за поминальным столом и в других ритуалах.

Хозяйственный уклад карачаевцев обусловил специфику традиционного питания, основу которых составляют продукты животноводства. Наиболее распространённой пищей является баранина. В особенности - мясо овец карачаевской породы, получившей широкую известность за пределами Карачая своими высокими вкусовыми качествами. Реже употребляется говядина. Туша делилась на 16 "обязательных" частей (юлюш) - порций, которые в случаях праздничного застолья распределяются строго по старшинству: наиболее "почетные" порции для самых старших, менее "почетные" - для более молодых и т.д. Позвоночные кости с мясом и блюда из внутренностей представляют собой "добавочные" порции. Тамада получает в качестве основной порции лопатку, в виде добавочной - рассеченную часть головы (баш джарты). Очень популярны молочные продукты, в первую очередь, айран и сыр. Из айрана готовят тузлук к мясу,

применяющийся и в качестве заправки, приправы мясного бульона (шорпа). Карачаевцы также употребляют крученку, кефир (гыпы айран), творог, сливки, пенки с айрана (хамеши), простоквашу (мысты), масло (джау). Растительная пища была дополнительной к мясомолочной. Из кукурузы, ячменя, пшеницы (будай), ржи (къара будай) и проса делают лепешки (гырджын). Карачаевцы делают мясные пироги (эт хычын), пирожки в форме полумесяца с начинкой из мяса или сыра (бёрек), печеные в масле коржи и др.

Карачаевцы приготавливали мамалыгу (как), которую употребляют с маслом, айраном или сметаной, похлебки (биямуькь). Популярны толокно из поджаренной муки (къуут), джырна - вареные зерна кукурузы, пшеницы, ячменя. В качестве праздничной пищи выступает халва. Из напитков популярными являются боза, балсуу, суусап, технология приготовления которых определялась веками.

Вплоть до середины XIX в. у народов Северного Кавказа сохранялась семейная община. В такой общине могло быть до 100 человек. Для семейной общины были характерны семейное производство и потребление. Общиной руководил отец семьи, а после смерти его — старший сын. У горцев отец имел власть над детьми, муж над женой, брат над сестрой. Жена главы семьи руководила женскими работами.

Помимо семейной общины у народов Северного Кавказа существовала также малая (индивидуальная) семья. Состояла она из родителей и детей. Средняя численность малой семьи состояла в первой половине XIX в. от 5 до 8 человек.

Женщина не могла принимать участия при решении важных вопросов в народных собраниях. В присутствии посторонних лиц женщина не должна была есть за одним столом с мужчинами. Как самое тяжкое преступление расценивалось нарушение женщиной супружеской верности. Такое преступление влекло за собой суровое наказание.

Браки заключались между людьми, равными по происхождению. «Чистота крови» строго соблюдалась феодалами. Дети, рождённые от князя и женщины-простолюдинки, не считались князьями.

Брак считался экзогамным браки между близкими и даже дальними родственниками запрещались. В XIX в. наиболее распространённым брачным возрастом был для мужчин 25 лет, а для женщин 17-20 лет. В более раннюю эпоху мужчины вступали в брак позднее, часто в 40 лет. Младший брат не мог жениться раньше своего старшего брата. Точно также младшая сестра не имела права выйти замуж раньше старшей сестры. У

адыгов господствовала моногамия (единобрачие). Многоженство у них не было распространено. Барон К.Ф. Сталь, исходя из данных середины XIX в., указывал: «Хоть многоженство поощряется обычаем, но немногие черкесы имеют более одной жены».

В семейном быту был распространён обычай избегания. Муж избегал встреч и разговоров с женой в присутствии родителей и старших. При посторонних лицах он делал вид, что не замечает её. Невестка не должна была произносить имени родственников своего мужа (свекрови, сестры). Она давала им собственные, чаще всего ласкательные имена. В присутствии посторонних отец не брал на руки своих детей, не назвал их по имени.

У народов Северного Кавказа существовал брак по сговору и умыкание (похищение) невест. Брак по сговору имел две формы. При первой форме переговоры о браке велись родственниками жениха и невесты, без участия их самих. Более распространена была вторая форма переговоров о браке, когда жених сам добивался через посредников согласия невесты. Жених мог посещать невесту лишь вечером и только вместе с друзьями. Он садился напротив неё. Девушка не садилась без настойчивых приглашений об этом. Если девушка быстро соглашалась на брак, то это считалось неприличным. Она подольше оттягивала ответ. В случае соглашения о браке стороны обменивались какими-нибудь вещами. Жених преподносил невесте кинжал или револьвер, или же часы, золотое или серебряное кольцо. Невеста могла в знак залога дать платок, пояс, браслет, золотое или серебряное кольцо.

Юноша обычно не говорил о своём намерении жениться родителям и ближайшим старшим родственникам. Он ставил родителей в известность через своего друга или сестру.

Что касается похищений невесты, то они бывали трёх видов: фиктивное похищение; похищение с согласия девушки и, наконец, действительное насильственное похищение.

За невесту обычно платили калым. Калым — это брачный выкуп. Размер калыма не был твёрдо установлен и колебался в пределах от нескольких сотен до нескольких тысяч рублей в XIX в. Преимущественно он носил натуральный характер: уплачивали быками, лошадьми и т.д.

Свадьба была большим празднеством. Она отмечалась с соблюдением обрядов, могущих оказать магическое действие на создание крепкой, счастливой семьи. Увоз невесты сопровождался выстрелами в воздух, пением свадебных песен. На свадьбу мог

прийти любой, даже незнакомый человек. День свадьбы был праздником для всего аула. Свадьба сопровождалась танцами, шуточными играми, конными скачками, большим пиршеством.

С древности на Северном Кавказе бытовал обычай передачи детей для воспитания в другие семьи, называемый аталычеством. В XVIII – XIX вв. аталычество приобрело ярко выраженный классовый характер. Обычай стал преимущественно сохраняться в феодальной среде. Князь отдавал детей на воспитание дворянам. Первостепенные дворяне – второстепенным, те крестьянам и т.д.

Ребёнка отдавали с малых лет, иногда спустя несколько месяцев после рождения. Мальчик обычно находился в доме аталыка-воспитателя до совершеннолетия, а девочка – до выхода замуж. Аталык прилагал все усилия к тому. Чтобы сделать из своего воспитанника хорошего воина. С шести лет мальчика учили верховой езде, стрельбе и борьбе, переносить зной, усталость, голод и холод. Девочек учили рукоделию, тонкостям этикета, различным женским работам.

Возвращение воспитанника в родной дом торжественно обставлялось. Между аталыком и воспитанником возникали весьма близкие отношения. Аталычество прочно связывало между собою семьи и роды воспитателя и воспитанника.

Широкое распространение среди народов Северного Кавказа имело гостепреимство. Каждый человек мог остановиться в качестве гостя в любом жилище. Он встречал самый радушный приём. Ничто в такой степени не способствовало популярности человека на Кавказе, как его гостепреимство. Я уже говорил, что в доме возводилось специальное помещение – кунацкая. Всё лучшее в доме хозяина принадлежало гостю. Т. Лапинский писал по своему личному опыту: «Лучшее качество адыгов – это гостепреимство. Путник может проехать всю страну насквозь без копейки денег, и нигде его не задержат, и в каждом дворе, куда он зайдёт. Он найдёт кров, постель и еду для себя, стойло и корм для своей лошади». Хозяин не спрашивал гостя кто он, откуда и зачем едет. Если гость сам называл себя и не делал секрета из своего приезда, о вскоре в кунацкую приходили члены семьи хозяина и его соседи. Они развлекали гостя и стремились ему услужить.

Гостю оказывали почёт и особое внимание. В его присутствии никто не мог садиться без приглашения. Молодёжь иногда устраивала танцы, чтобы развлечь гостя. Лучшая пища ставилась на стол для гостя.

Хозяин обеспечивал личную безопасность гостя и сохранность его имущества. Ограбивший или обидевший гостя сурово наказывался обществом.

В прошлом у горцев был также распространён обычай куначества. По этому обычаю два лица, принадлежавшие к разным родам, племенам и даже народностям, вступали друг с другом в тесные дружеские отношения и оказывали друг другу всяческую помощь и содействие. Кунак и прибывший под его защиту были прочно связаны, и никто не мог обидеть последнего, не подвергаясь мщению кунака. Охрана хозяином-кунаком гостя способствовала тому, что в условиях феодальных междоусобиц, куначество стало важным институтом. Оно в сочетании с гостепреимством делало возможным развитие разносторонних экономических и культурных связей между кавказскими народами в течении столетий.

Горцы были храбры и воинственны. На протяжении своей истории им не раз приходилось бороться с врагами. Поэтому народы Северного Кавказа хорошо знали военное дело и были искусны во владении оружием. С малых лет горцы приучали своих детей к военному делу. Их учили владению оружием, верховой езде, стрельбе в цель. Готовили их переносить зной и холод, голод, жажду и всяческие лишения, могущие встретиться в непредвиденных обстоятельствах. Совершенному владению оружием способствовали постоянные упражнения. Так, чтобы научить хорошо владеть шашкой, подростков тренировали в реке. Юноши становились в воду против течения реки по пояс и проделывали шашкой различные приёмы в обе стороны, учась рубке. Чеченцы и ингуши умели отражать удар противника не только щитом, но и шашкой, в отличие от других народов Кавказа, которые отражали удар только щитом. Чечено-ингушский вид фехтования был разнообразным и имел спортивный характер.

Народный спорт помогал военно-физической подготовке. У народов Северного Кавказа практиковались такие виды спорта, как бег, прыжки, фехтование, стрельба из лука, метание камней и копья, стрельба из ружья и пистолета, борьба, акробатика, скачки, плавание, гребля. У чеченцев и ингушей особенно популярна была борьба, которая имела свои специфические приемы и особые правила: боролись попарно, на лошадях; распространена была борьба пешего со всадником.

Вершиной в развитии кабардинской литературы конца XIX в. является творчество Казибека Ахметукова. Его перу принадлежат рассказы, повести и драмы. В 1896 г. в Москве вышел первый том его книги «Черкесские рассказы». Писатель успешно

разрабатывал нравственно-этические проблемы. В своём творчестве он широко использовал народные легенды и предания. С любовью писатель показал лучшие черты людей труда.

Во второй половине XIX в. видным представителем литературы адыгов стал Умар Кайхалович Берсей – высокоодарённый человек, свободно влаевший не только русским и адыгскими языками, но и французским, турецким, татарским. Используя сюжеты, темы и образы народного творчества и известные литературные образы, Берсей писал басни. Басни Берсея не получили широкого распространения, но были смелой попыткой создания адыгейской художественной литературы.

Первыми осуществили запись и предварительную систематизацию произведений устного народного творчества осетин учителя Василий Цораев и Даниэл Чонкадзе в 50-х гг. XIX в. Свои материалы В. Цораев и Д. Чонкадзе передали академику А.А. Шифнеру, издавшему эти материалы несколькими выпусками в «Бюллетене Российской Академии наук». Другая часть этих материалов позже была издана В.Цораевым и Д.Чонкадзе на осетинском и русском языках в «Записках Императорской Академии наук». Два отечественных энтузиаста своими публикациями вплотную подошли и к такому научному открытию, как извлечение из сокровищницы осетинского устного народного творчества нартовских сказаний

В начале XX вв. были подготовлены и изданы книги Александра Кодзаева «Древние осетины и Осетия» и Вано Темирханова «История осетин». В них изложена патриотическая концепция осетинской истории.

Ко второй половине XIX в. относятся становление и расцвет осетинской художественной и публицистической литературы. Наиболее ранние литературно-поэтические опыты на осетинском языке относятся к середине XIX в. Они связаны с творчеством видного просветителя Осетии Аксо Колиевым. Его произведения «Хвалебная песнь святой Марии», «Воскресение Христово» и другие посвящены духовно-нравственной тематике.

Профессиональная осетинская литература берет свое начало с творчества Темирболата Мамсурова. Военное образование Т. Мамсуров получил в Петербурге. В середине 60-х гг. XIX в. он вместе с переселенцами из Осетии вынужден был покинуть Родину и эмигрировать в Турцию. Поэзия Т. Мамсурова посвящена одной из трагических страниц истории Осетии — переселении части осетин в Турцию. Его

произведения («Два товарища», «Думы», «Колыбельная» и др.) отмечены острой болью, испытанной переселенцами и самим поэтом на чужбине. Процесс становления осетинской литературы был ускорен благодаря незаурядному таланту Инала Канукова — поэта, публициста и просветителя. Вначале (70-е гг. XIX в.) его творческая жизнь протекала на Кавказе, затем (80-90-е гг. XIX в.) — на Дальнем Востоке. В очерках и рассказах («В осетинском ауле», «Заметки горца», «Две смерти» и др.) И. Кануков проявил превосходное знание жизни народа. Его острый взгляд не мог не заметить особенности характера осетин, оказавшихся на гребне новой жизни.

Основоположником осетинской художественной литературы по праву считается Константин (Коста) Леванович Хетагуров. Он родился 15 октября 1859 г. в семье офицера русской службы. После реального училища во Владикавказе он поступил в Ставропольскую гимназию. Отец мечтал видеть своего сына в офицерском мундире, желая ему престижной карьеры. Но Коста выбрал живопись и поступил в Академию художеств. Жизненный путь великого поэта, по словам самого Коста, был посвящен трем видам деятельности — живописи, поэзии и борьбе с царской администрацией на Кавказе. Литературный талант Коста уникален. Он — поэт, прозаик, драматург, публицист. Его творчество тесно связано с жизнью народа. Главная тема его произведений — судьба Осетии, ее трудное вхождение в Шедевром поэтического творчества Коста является его «Осетинская лира» («Ирон фандыр»). Именно этот сборник стихов, представляющий собой цельное поэтическое произведение, послужил основой для создания осетинского литературного языка. В нем Коста выступил не только как поэт-художник, но и как приверженец демократических идеалов, отвергающий социальный гнет. Еще до выхода в свет «Осетинской лиры» большинство поэтических произведений Коста расходились в народе в рукописном варианте. Многие из них становились народными песнями. Коста умер в марте 1906 г. в селении Георгиевско-Осетинском Кубанской области, где жила его сестра. Современником Коста Хетагурова был талантливый писатель и поэт Блашка Гуржибеков (1868-1905). Литературная известность пришла к нему как к автору комедии «Дурачок» («Адули»), поэмы «Очаровательная красавица» и поэтического сборника «Дигорские произведения». Ряд стихотворений он посвятил Коста Хетагурову, которого он высоко ценил. В своих демократических устремлениях и защите угнетенных масс Блашка Гуржибеков следовал традициям Коста.

Основоположником балкарской поэзии выступил Кязим Мечиев. Мечиев был глубоко верующим человеком, но осознавал необходимость «родину избавить от невзгод». Его творчество питали фольклор балкарского народа, восточная классика, а также сама народная жизнь. В стихотворении 1898 г. «Жалоба горянки», сделавшимся вскоре самой популярной песней в Балкарии, поэт рассказал о трагической судьбе девушки, ставшей «против воли женою старика с седою бородой». Поэт обращался к соотечественникам: «Матери, отцы! Не разлучайте / Молодых возлюбленных сердец, / Счастья ранних лет не разрушайте. /

В пореформенное время велась разработка новых художественных стилей и приёмов типизации явлений изменяющейся действительности. Историческое развитие привело к тому, что с середины XIX в. У горских народов, исповедовавших ислам, литература создавалась на двух алфавитах, на аджаме и на русском. Аджам, мы с вами говорили, это письменность на основе арабского алфавитав с использованием особых знаков для сохранения специфики дагестанских языков. Крушение идеологии мюридизма, поражение восстаний 60-х–70-х гг. XIX в. Обозначили конец влияния старой средневековой литературы, преимущественно арабской и иранской. На основе синтеза средневековой книжности с народной речевой культурой, включающей во второй половине XIX в. и фольклор, при усвоении опыта и достижений русской культуры рождались отдельные национальные литературы Дагестана. Основание новой кумыкской поэзии связано с литературным творчеством Ирчи Казака, выходца из семьи крестьянина-бедняка. В раннем творчестве он воспевал природу родного края, затем перешёл к любовной лирике. В середине XIX в. Он вынужден был стать придворным поэтом шамхала. Но вопреки надеждам властителя стал поэтом-протестантом, борцом с богатеями. По требованию шамхала Ирчи Казак был сослан в Сибирь, где социальная направленность его поэзии только окрепла. После возвращения из ссылки в 1861 г. Он высмеивал преуспевающих дельцов, осуждал буржуазную мораль. В «Письме Магомед-Эфенди Османову» он писал: «Если речь о сельчанах сейчас поведу / Загребают поживу у всех на виду / Ищут прибыли в лавках, в бахче и в саду. / На торговцев-обманщиков ты погляди! / Бедняков обирают мошенник и плут, / Клячу жалкую за скакуна выдают, / За копейку родного отца продают. / Ложь и подлость кругом, Магомет-Эфенди». В 1883 г. Поэт Магомет-Эфенди Османов осуществил первое издание стихов Ирчи Казака. Сам Османов был писателем и поэтом кумыкского народа. Он тоже писал о тлетворном

влиянии денег на нравы кумыков, клеймил мулл, предававшихся обману и торгашеству. Османов осуждал бесчинства местных феодалов и властей, отстаивал права женщин. Но он же идиллически рисовал феодальный строй, воспевал щедрость биев.

Зарождение реалистического направления в даргинской литературе связано с творчеством Омарла Батырая. Известный поэт Н. Тихонов, переводивший произведения Омара на русский язык, считал, что «Батырай может быть назван отцом даргинской поэзии». В цикле песен «О герое» он создал художественный образ борца за народное счастье, воплотив в нём лучшие национальные черты горских народов. Основная идея цикла его стихов «О жизни» это душевная красота и величие народа-труженика. Целый цикл он посвятил любовной лирике. Творчество основоположника даргинской литературы знаменовало собой переход от условно-романтического художественного мышления к литературно-реалистичному.

Большой след в развитии поэзии Дагестана оставил другой даргинский поэт Сукур Курбан. Любовная лирика слепого Курбана проникнута гуманизмом, сочувствием к беспросветной судьбе горянки. В поэме «Проданная Меседу» Курбан создал образ горянки, бросившей вызов современному ей миру и отстаивавшей своё достоинство. Поэт был первым переводчиком поэзии аварцев, кумыков и лакцев на даргинский язык.

Талантливым поэтом-импровизатором был златокузнец из аула Кубачи Мунги ахмед. Он воспевал красоту и величие златокузнецов. Как и другие горские поэты, выступал в защиту горянки. Основоположником письменной литературы лезгин выступил Етим Эмин. Он писал на лезгинском, азербайджанском и на арабском языках. Поэт выступал создателем проникновенных лирических стихов, ратуя в них за новые отношения с женщиной. Герои его произведений бросают вызов времени и вырывают любимую из рутины адатов и предписаний.

Первым аварским поэтом, считавшим занятие литературным трудом родом деятельности, достойной всякого уважения, Магомед-Эльдарилав. Порывая с адатом и Кораном, он провозгласил любовь ко всему земному. Изображение безрадостной участи горской женщины также было одной из ведущих тем в творчестве Тажутдина Чанки. Не порывая с религией, Чанка в своей любовной лирике обнаруживает полное неприятие исламской этики. Стихи Тажутдина были рассчитаны не на чтение, а на пение. Поэтому они стали явлением в развитии горской поэзии. Поэт ввёл в аварскую поэзию новый жанр – элегию.

В 1891 г. Начинается творческая деятельность Гамзата Цадасы. Поэт писал эпиграммы, посвящённые односельчанам, учителям и учащимся медресе, пародии на туманные стихи сур Корана. Его стихи называли «кусающимися». Нередко Гамзат Цадаса высмеивал ханжество и лицемерие чиновников кавказской администрации.

Сатирическая направленность характерна и для Али-Гаджи из Инхо. Получив духовное образование, он на протяжении многих лет был проповедником исламского богословия. Тем не менее, несмотря на религиозную оболочку значительной части общественных и политических идей, в его произведениях преобладает не потусторонняя трактовка смысла жизни. Человек в его поэзии является высшей ценностью. Как и многие другие просветители XIX в. Али-Гаджи считал, что устранение социальной несправедливости должно быть достигнуто нравственным совершенствованием личности. В то же время, он критиковал человеческие пороки, стремился утвердить нравственные начала. Свой нравоучительный цикл Али-Гаджи назвал «морем разума». Социальность этих проповедей состоит в развитии идеи имущественного равенства людей. «В оба гляди за теми, у кого богатства полно», – говорил Али-Гаджи, который проповедывал равенство перед жизнью. Рваная папаха это не человеческий порок, и нарядная черкеска – не признак достоинства его – вот этический принцип Гаджи-Али.

Значительным явлением в культурной жизни народов Северного Кавказа стало открытие светских школ, распространение образования и русской грамоты. Они давали возможность горцам приобщаться к русской и европейской культуре. Первая светская школа (для аманатов) была открыта в крепости Нальчик в 1820 г. Учеников этой школы обучали арифметике, русскому языку и другим предметам. Однако эта школа не могла удовлетворить всех желающих обучать своих детей русскому языку и грамоте. Поэтому кабардинцы не раз обращались к русскому правительству с просьбой открыть школы для их детей. В начале 40-х годов XIX в. Ногмов обратился с такого рода прошением к наместнику на Кавказе князю М.С. Воронцову. Хотя в 1843 г было дано разрешение «на устройство в Нальчике школы», она там не была открыта. В 1848 г. Воронцов счёл необходимым для детей кабардинских князей «школу открыть в Екатериноградской станице», но она была основана лишь в 1851 г. В 1837 г. Было основано Дербентское городское училище, в 1842 г. Петровское и Низовское училища с весьма ограниченным числом учащихся, выходцев исключительно из равнинных сёл. В 1849 г. В Дербенте

было открыто мусульманское училище на 60 мест для детей, жителей горных районов – аварцев, даргинцев, табасаранцев и других народностей Дагестана.

В 1876 г. Согласно принятому ещё в 1836 г. Положению о военных школах Кавказской армии, был открыт ряд школ для офицеров и чиновников в Темир-Хан-Шуре, Дешлагаре и Кусарах. В середине XIX в. Такая же школа была открыта при Дагестанском конном полку. В ней было не более 30 учащихся. Они обучались рускому языку, чистописанию, арифметике, пению, начальным сведениям по истории и географии. Детей знакомили со способами изготовления бумаги, стекла, устройством железных дорог, книгпечатания и т.д.

Для осетин большое культурно-просветительское значение имело открытие в 1836 г. Владикавказского осетинского духовного училища. В нём обучались 34 учащихся из самых отдалённых горных мест Осетии. По замыслу основателей училище должно было готовить грамотных церковнослужителей для осетинских приходов. Оно явилось первым рассадником осетинской культуры. Многие его питомцы по окончании учёбы шли в светские школы учителями и обучали детей. Другие, например первый собиратель осетинского фольклора Цораев, или первый осетинский этнограф Жускаев, становились деятелями осетинской культуры. В целом Владикавказское духовное училище сыграло заметную роль в распространении грамотности среди осетин, а также в развитии их культурного общения с русскими и другими народами Кавказа.

Важным событием явилось образование в 1848 г. Кавказского учебного округа во главе с попечителем. Попечитель осуществлял постоянное наблюдение за жизнью учебных заведений, контроль за обучением и воспитанием. Однако большинство учебных заведений для нерусских народностей Кавказа находилось не в ведении кавказской учебной администрации, а подчинялись военному или духовному ведомствам.

Несмотря на эти и другие преграды на пути просвещения горцев, для них открывался путь в учебные заведения. Из их среды появлялись деятели наук и культуры. Среди последних нам уже известны имена кабардинцев Атажукина, Ногмова, черкесов Казы-Гирея, Хан-Гирея, осетин Жускаева, Цораева и других. Их деятельность протекала под непосредственным влиянием русской культуры и воздействия русских писателей и учёных.

В обучении детей так называемых «почётных горцев» (детей горской знати) большую роль сыграла Ставропольская гимназия, открытая в 1837 г. При гимназии состоял «благородный пансион», в котором жили и обучались дети дворян. Эту гимназию окончили многие выдающиеся деятели литературы. Науки и культуры Северного Кавказа.

Во второй половине XIX в., особенно после утверждения в 1859 г. «Устава горских школ», на Северном Кавказе значительно увеличилось число школ, возросло количество обучающихся там детей. В Дагестанской области в г. Дербенте продолжало функционировать ранее открытое уездное училище и мусульманская школа. В 1851 г. В мусульманской школе обучалось 56 учащихся, из них 8 жителей Дербента, остальные 48 учеников из разных уголков Дагестана. В 1855 г. из Дербента мусульманская школа была переведена в Темир-Хан-Шуру, а с 1861 г. Эта школа была объединена с Темир-Хан-Шуринской окружной горской школой. При школе был учрежден пансион из 65 учеников, из них 40 казённокоштных, в том числе 25 горцев «из почтенных фамилий» Дагестана и 15 детей русских чиновников. 25 воспитанников пансиона школы содержались за счёт средств. Находившихся в распоряжении кавказского наместника, и средств родителей. В последующие школы число обучающихся в школе увеличилось. Однако вследствие крайней ограниченности программы трёхклассная школа не могла служить подготовительной ступенью для поступления воспитанников в средние учебные заведения. Возникла необходимость открытия нового учебного заведения. Начальник Дагестанской области писал в 1869 г. наместнику на Кавказе: «Ввиду того значения, которое имеет воспитание дагестанских горцев в наших учебных заведениях, и при увеличивающемся год от года стремлении самих горцев отдавать детей своих в эти заведения, а также для предоставления здешнему служащему сословию русских офицеров и чиновников возможности дать своим детям первоначальное образование... преобразование Темир-Хан-Шуринской горской школы в прогимназию с пансионом, с соответствующим потребности числом воспитанников для русских детей и горцев, представляется неотложной необходимостью». Темир-Хан-Шуринская прогимназия была открыта в сентябре 1874 г. в составе подготовительного и первого классов. Второй, третий и четвёртый классы открылись в 1875–1877 гг. Это было самое крупное учебное заведение в области, в котором в конце 70-х гг. обучались 227 человек. В конце 60-х гг. окружная горская школа была открыта в г. Нальчике с двумя классами и двумя

подготовительными отделениями. При школе имелся пансион, содержащийся за счёт казны 50% и кабардинской общественной суммы.

В 1861 г. в г. Владикавказе на базе Новагинской школы военных воспитанников (переданных в 1857 г. в ведение Тенгинского полка) было открыто горское окружное училище. Кроме того, в Осетии во второй половине XIX в. Были открыты 38 церковно-приходских школ, в которых обучалось 3828 человек. Среди них было незначительное число осетинских девушек. Понятно, что самодержавие, насаждая миссионерские школы в Осетии, преследовало определённые цели. Но объективно и эти школы приносили положительные результаты, способствовали росту грамотности.

В Чечне и Ингуэтии были открыты две горские школы: в 1863 г. в Грозном – трёхклассная, один из которых был подготовительным. И в 1870 г. в Назрани – одноклассная с подготовительным отделением. При этих школах имелись пансионы. Количество учеников колебалось в пределах 150 человек.

В 1886 г. в Майкопе, а в 1888 г. в станице Лабинской были открыты горские школы, дававшие знания в объёме двухклассного начального училища, где в основном обучались дети адыгов.

В 60-х–80-х гг. XIX в. несколько школ было открыто и при военных частях. Такие школы существовали в Дагестане в с. Ахты (при линейном батальоне), Дешлагаре (при 83-м Самурском пехотном полку), Темир-Хан-Шуре, а с 1858 г. в с. Ишкарты (при Аперонском полку), в Нижнем Дженгутае (при Дагестанском конно-иррегулярном полку). В некоторых из этих школ обучались и дети горцев. В то же время стали открываться и сельские школы. В 1861 г. были открыты школы в с. Ахты Самурского округа на 44 человека, в с. Кумух Казикумухского округа на 15 человек, среди которых была и одна девочка. В 1870 г. появляются школы в Чирюрте, Касумкенте, Маджалисе. Одноклассные школы открываются в Аксае, Карабудахкенте, Хунзахе, Ботлихе, Гумбете и пр.

В 1875 г. были открыты школы в с. Кучмазукино (ныне Старая Крепость), Куденетово, Шарданово. Через три года из-за отсутствия материальных средств эти школы закрылись. И до середины 90-х гг. XIX в. в кабардино-балкарских сёлах школ не было. В 1895 г. по инициативе жителей с. Коголкино (Урух) было решено на свои средства открыть школу грамотности. Эта инициатива была подхвачена жителями многих сёл. За 5 лет с 1898 по 1902 гг. в Кабарде и в Балкарии были открыты школы в 27

сёлах, где обучалось 522 ученика. В 1876 г. открыты одноклассные школы в адыгских селениях Суворово-Черкесском, Хаштуке. В Карачае первая светская школа была открыта в 1878 г. в ауле Учкулан, а также первая горская школа в ногайском ауле Мансуровском.

В 60-е годы в Дербенте и Темир-Хан-Шуре были открыты первые женские учебные заведения. Основной целью их была подготовка хороших домашних хозяек. Кроме обучения чтению и письму, четырём действиям арифметики, Закону Божию в этих школах обучались также рукоделию (шитью, вязанию), приготовлению выпечке хлеба, стирке белья. В эти же годы в Дагестанской области были открыты несколько частных школ. В 1862 г. А. Калоев на свои средства открыл во Владикавказе начальную школу для обучения осетинских девушек. Позже эта школа была преобразована в трёхклассное Ольгинское училище. Коста Хетагуров писал: «Школа эта находилась в г. Владикавказе, умственном и административном центре осетин, оказала самое благотворное влияние на женщин в Осетии. Из стен этого заведения вышли десятки интеллигентных осетинок, примерных тружениц-матерей семейства, народных учительниц». И всё же предпринятые для обучения девочек шаги были ничтожно малы даже для русского населения, не говоря уже о других народах Северного Кавказа. –

Население Северного Кавказа, как русское, так и горское, проявляло заботу и об открытии специальных учебных заведений – сельскохозяйственных школ, ремесленных, реальных училищ. Но часто от правительственных органов получало отказ. Однако полностью игнорировать потребности в специальных учебных заведениях власти не могли. Они сами в них нуждались. Первые такие заведения были открыты в административных центрах, затем появились в крупных станицах и сёлах. Велико значение Баталпашинского училища в подготовке кадров. В открытом в 1874 г. во Владикавказе ремесленном училище в 1876 г. обучалось 18 горцев.

Небольшое число горцев обучалось в трёх ремесленных училищах Ставрополя. В 1897 г. при Учкуланском училище было создано ремесленное отделение, где обучались столярному и токарному делу не только ученики, но по желанию и более взрослые жители села. Примеру Учкулана вскоре последовали и другие населённые пункты Баталпашинского отдела. Плодопитомники, пасеки, участки для выращивания лучшего зерна появились и при школах Майкопского отдела. Полезный вклад в подготовку специалистов сельского хозяйства в крае внесла ферма агронома Бушке. Это была

специальная сельскохозяйственная школа, рассчитанная на 40 учеников. Она располагалась в ингушском селе Базоркино. В 1870 г. в Темир-Хан-Шуринской школе было введено обучение столярному и токарному ремеслу, а с 1872 г. садоводству и огородничеству. С 1890 занятия по пчеловодству открылись в Касумкентской и других сельских школах Дагестана. Были сделаны попытки наладить на Северном Кавказе и подготовку педагогических кадров. По инициативе Атажукина и других передовых людей Кабарды и Балкарии в 1866 г. в Нальчике были организованы педагогические курсы. В 1880–1881 гг. в Темир-Хан-Шуре открылось реальное училище, являвшееся первым средним учебным заведением.

Для горских детей имелись вакансии в Ставропольской гимназии, а с 1869 г. и в Бакинской (впоследствии преобразованной в реальное училище). В 1899 г. для детей горцев Дагестана были учреждены стипендии в Тифлисской фельдшерской школе.

Ставропольская гимназия Коста Хетагуров, Адиль-Гирей Кешев, Чах Ахриев, Инал Кануков, Кази Атажукин; видные революционные и общественные деятели Герман Лопатин, Михаил Фроленко, Михаил Бруснёв, большевик, как его называли, «красный губернатор» В. Старосельский, видный общественный деятель Дагестана Д. Коркмасов и др.

Выпускники Ставропольской гимназии были посланы в высшие учебные заведения Москвы, Петербурга и Харькова и другие крупные города России. Адиль-Гирей Кешев был принят в 1869 г. стипендиатом на юридический факультет Московского университета, Ислам Дударов в Петербургский институт путей сообщения, Сафар-Али-Урусбиев в Петровскую Академию, А. Келеметов в Харьковский университет. М. Арабилов в Петербургскую Медико-Хирургическую академию.

Просвещение на Северном Кавказе достигло бы больших результатов, если бы не сдержанное отношение к нему царского правительства. По переписи 1897 г. грамотность населения Дагестана составляла 9,2 %, Адыгеи 7, Карачая 4,6, Кабарды 3,2, Балкарии 1,4 %. На нужды народного просвещения отпускались мизерные средства.

Во второй половине XIX в. На Северном Кавказе продолжало функционировать, кроме христианской Осетии, большое число мусульманских кол при мечетях. Эти школы (мектебе) возникали в любое время года в зависимости от желания преподавателя или учащихся и также легко могли закрыться. В конце XIX в. в одном Дагестане имелось 879 школ, в которых обучалось 6239 детей. Система обучения в них осталась прежней, в

чём отчётливо проявлялся консерватизм конфессиональной системы обучения и господствовавших в них методы. Правда, в 90-х гг. XIX в. делались безуспешные попытки реформировать религиозную школу, улучшить систему обучения. Последователь Ушинского А.О. Черняевский предлагал ввести в мектебе преподавание арифметики и русского языка. «Ведь обучают же в закавказских мектебе персидскому языку». Почему же не обучать горцев русскому языку, «более нужному им в жизни и по более разумно составленным учебникам». Кавказская администрация, хотя и не вмешивалась в дела примечетских школ и не поддерживала их материально, установила за наиболее неблагонадёжными преподавателями мектебе и медресе негласный надзор. В конце XIX – начале XX в. под влиянием происходивших социально-политических изменений на Северном Кавказе возникает течение, выступающее за «реформу» религиозной школы. Суть этой «реформы» сводилась к тому, чтобы, сохранив в основе религиозное содержание обучения, ввести в мусульманских школах преподавание светских дисциплин. Это была своеобразная попытка приспособить религиозную школу к потребностям нового времени. В отличие от старых примечетских религиозных школ новые школы получили название «новометодных». Однако на Северном Кавказе новометодные школы не получили широкого распространения. По признанию официальных властей, школы нового типа мало чем отличались от мечетских. В 1908 г. в Дагестанской области имелось 8 новометодских школ, и находились они в Темирханшуринском округе. В Кабарде была одна такая школа – Баксанское духовное училище.

Русские учителя выступали инициаторами в деле создания алфавитов, букварей и грамматик для национальных языков. Н. Кириченко, учитель Карт-Джуртского училища в Карачае подготовил в 1897 г. грамматику и словарь балкаро-карачаевского языка. Л.Г. Лопатинский сделал попытку создания письменности кабардинского языка на русской графической основе. В 1891 г. он издал в Тифлисе «Краткую кабардинскую грамматику» и «русско-кабардинский словарь», занимался собиранием кабардинского фольклора. Будучи инспектором Кавказского учебного округа, Лопатинский горячо поддержал идею преподавания родного языка в школе. Благодаря его стараниям в 1906 г. в Тифлисе были изданы кабардинский букварь, составленный П. Тамбиевым. А в 1916 г. книга «Родная речь» И. Акбаева для карачаево-балкарских школ. В 1911 г. известный чеченский

просветитель, депутат Государственной Думы Т.Эльдерханов издал в Тифлисе на русской графической основе «Чеченский букварь».

Во второй половине XIX в. в результате происходившего социально-экономического и культурного развития на Северном Кавказе появляются культурно-просветительские учреждения: библиотеки, типографии, книжные лавки и др. Одна из первых общественных библиотек была открыта в Ставрополе в 1868 г. Во Владикавказе в 1847 г. была открыта библиотека при Терском областном правлении, в 1895 г. библиотека при общественном собрании в Темир-Хан-Шуре. В 1895 г. основаны общественные библиотеки в Майкопе и во Владикавказе, в 1890 г. публичная библиотека Темир-Хан-Шуриной окружной горской школы, открытая в 60-х годах. Позже была открыта библиотека с небольшим книжным фондом при школах Порт-Петровска и Дербента, а также сельских школах кумуха, Ахты и др. Эти библиотеки были не в состоянии удовлетворить нужды местного населения в книгах. Ими могло пользоваться ограниченное число лиц. Тем не менее библиотеки, особенно публичные, сыграли прогрессивную роль в развитии культуры народов Северного Кавказа. Особенно заметна выдающаяся роль в этом плане библиотеки Ставрополя. Русский народник Герман Лопатин, занимая должность библиотекаря, стремился превратить её в просветительский центр учащейся молодёжи. В начале 1869 г. директор Ставропольской гимназии Л.Л. Марков в донесении попечителю Кавказского округа писал: «Посещая не раз публичную библиотеку, я всегда находил в ней много наших воспитанников и ещё более семинаристов. Все они выбирали себе для чтения весьма пикантные вещи. На первом плане были, разумеется, журналы «Дело», «Искра» и т.д. и книги вроде Добролюбова, Чернышевского. Михайлова. Мне казалось всегда, что если в ставропольской гимназии, хотя, к счастью, весьма редко, попадаются иногда молодые люди с превратным, так называемым отрицательным направлением, то причину этого надо искать положительно в здешней публичной библиотеке».

Большое культурное значение имело создание врачебных и фельдшерских пунктов, госпиталей. Лазаретов. Гуманным отношением и самоотверженным трудом содействовали русско-кавказскому сближению русские врачи, практиковавший в Дагестане с 1844 г. и до своей кончины в 1897 г. выпускник Петербургской медико-хирургической академии И.С. Костемеровский, Э.С. Андреевский, познакомившие горцев с применением хинина для лечения малярии, А.И. Дроздовский, занимавшийся врачебной

деятельностью в Кабарде и Балкарии и многие другие. Для более успешного лечения больных, развития медицинской науки и совершенствования квалификации врачей ещё в XIX в. на Минеральных Водах было создано Русское бальнеологическое общество. Это было первое в России подобное учреждение, поставленное на научную основу, проводившее санитарно-просветительскую работу. При обществе была открыта большая по тем временам библиотека более 50 тыс. томов специальной литературы, новинок медицинской науки. Демократические тенденции русской медицины проявлялись в том, что кроме платных лечебных заведений открывались специальные больницы и ванны для неимущих, нуждавшихся в лечении. В Пятигорске в 1871 г. была открыта бесплатная лечебница для бедных (и за лечение и за содержание платы не брали). В 1901 г. в Пятигорске была организована колония Красного Креста, в которую принимали на санитарное лечение неимущих за очень умеренную плату. Но мест в этих лечебных заведениях было очень мало, поэтому они никак не могли удовлетворить всех желающих.

За санитарно-гигиеническим состоянием Владикавказа следило созданное ещё в конце XIX в. Медицинское общество. Оно прилагало большие усилия для повышения квалификации врачей, издавало свои труды. Под его наблюдением был проложен водопровод, центральные улицы замощены и освещены газовыми и керосиновыми фонарями.

В конце XIX в. в городах Северного Кавказа и крупных населённых пунктах проводятся телеграфные линии, в связи с чем существовавшие до этого почтовые отделения были преобразованы в почтово-телеграфные. Возникли скаковые общества, общества любителей охоты, любителей велоспорта и др.

Стали создаваться первые музеи. В 1893 г. началась организация Терского естественного исторического музея. А до этого ещё в конце 60-х годов был основан Пятигорский геологический музей. Основателем Ставропольского музея был нотариус Г.К. Пправе, который увлёкся собиранием естественно-исторических коллекций ещё в период его жизни в Петербурге. Приехав в Ставрополь он вёл большую работу по сбору растений и образцов насекомых, а также предметов, имеющих историческую ценность. Собирал он и книги по различным отраслям знаний. Все свои коллекции и библиотеку он подарил городу для основания музея. Первое время музей располагался в здании женской гимназии. Затем его перевели в верхний этаж торговых рядов. Музей

пополнился новыми экспонатами и вскоре стал одним из крупнейших музеев Северного Кавказа.

В Екатеринодарском музее были собраны интересные коллекции по истории казачества, а также по природе этого богатого края. В 1912 г. в Темир-Хан-Шуре первый музей был открыт в результате самоотверженного труда врача И.С. Костемеровского, пожертвовавшего на музей все свои сбережения. В этом же году был открыт и Кустарный музей, где экспонировалось до 300 изделий кустарной промышленности Дагестана.

Большую роль в изучении Кавказа и его народов сыграла русская периодическая печать. Первой русской газетой на Кавказе были еженедельные «Тифлиссские ведомости», издававшиеся с 1828 по 1832 гг. В них были напечатаны содержательные статьи по истории и этнографии народов Северного Кавказа. На смену этой газете пришли «Тифлиссский вестник», «Закавказский вестник», «Кавказский календарь» и другие издания. Исключительно важное значение имело основание в Тифлисе газеты «Кавказ», издававшейся с 1846 по 1917 гг. Своей главной задачей газета считала «ознакомить своих соотечественников с любопытнейшим краем, ещё малоизученным», его многочисленными, разноплеменными и разноязычными народами.

До появления в 1868 г. «Терских ведомостей» газета «Кавказ» оставалась единственной газетой, на страницах которой часто печатались материалы о народах Северного Кавказа. Доброжелательно относился к этой стороне тематики редактор газеты О.И. Константинов, давший в своих «Очерках северной стороны Кавказа» ценные сведения о жизни многих местных народов.

В.Г. Белинский восторженно встретил появление газеты «Кавказ». «С прошлого года, – писал он в 1847 г., – в Тифлисе издаётся газета «Кавказ», значение которой неопределимо в двух отношениях: с одной стороны, это издание, по своему содержанию столь близкое сердцу даже туземного народонаселения, распространяет между ним образованные привычки и даёт возможность грубые средства заменить полезными и благородными; с другой стороны, газета «Кавказ» знакомит Россию с самым интересным и наименее известным ею краем, входящим в её состав. Верная своему специальному назначению, эта газета вполне достигает своей цели: её содержание – неисчерпаемый магазин материалов для истории, географии, статистики и этнографии Кавказа».

До возникновения печати на Северном Кавказе местное население выписывало книги, газеты и журналы из городов центра страны, или из Тифлиса, и спрос этот возрастал. Если в 1873 г. владикавказские жители получали 75 наименований газет и журналов (в том числе 24 иностранных) в количестве 885 экземпляров, то в 1883 г. жители города получали уже 1950 экземпляров. Но изменившаяся жизнь требовала создания прессы на Северном Кавказе, и в этом первостепенное значение имело создание местных типографий.

В 1871 г. русские литографии имели воинские соединения, дислоцированные в Темир-Хан-Шуре, Чирюрте, Дешлагаре и других местах. В 1885 г. была открыта литография Дагестанского полка в Хунзахе. Стали появляться частные типографии. В 1873 г. Белявский открыл типографию в Дербенте, А. Михайлов в 1876 г. в Порт-Петровске. Затем появились типографии В. Сорокина в Темир-Хан-Шуре в 1893 г. и Мельниковой в Дербенте в 1895 г. В 1879 г. мещанином З.И. Шуваловым была открыта первая в городе частная типография. Ещё раньше типографии были открыты в Ставрополе, Екатеринодаре и других городах. Вовлечение Северного Кавказа в общероссийское освободительное движение выразилось здесь и в создании нелегальной типографии, которая первоначально находилась во Владикавказе, а летом 1881 г. была перевезена в Екатеринодар.

Периодическая печать на Северном Кавказе выходила в разных формах – в виде газет, сборников, календарей.

Первенец северокавказской периодической печати газета «Ставропольские губернские ведомости», выходившая с 1850 г., печатала много разнообразных сведений о народах Северного Кавказа. Но центр публикации периодических изданий, содержащих материалы по этнографии, истории, экономике и культуре Северного Кавказа в начале второй половины XIX в. находился ещё в Тифлисе. Здесь размещалось кавказское наместничество. Без ведома наместника не выходил ни один из органов кавказской печати.

Во второй половине XIX в. в связи с ростом социально-политических, хозяйственных, административных и культурных потребностей периодические издания появляются во Владикавказе, Екатеринодаре и в других городах Северного Кавказа: с 1863 г. выходили «Кубанские войсковые ведомости», затем стали называться «Кубанские областные ведомости». Эта газета выходила в Екатеринодаре. Во

Владикавказе с 1868 г. стали выходить «Терские областные ведомости». В Екатеринодаре в 1883–1885 г. выходила ещё газета «Кубань».

С 80-х годов появляются частные газеты. В 1881–1882 гг. во Владикавказе издаётся «Владикавказский листок объявлений» – первая частная газета на Северном Кавказе. В 1882 г. она была передана учителю Владикавказского училища И.А. Веру. Теперь газета выходила под названием «Терек». В ней помещались разнохарактерные материалы, в том числе статьи, вызывавшие недовольство местных властей. В связи с этим редактор неоднократно предупреждался за помещение статей, «явно клонящих к подрыву доверия населения к правительственным властям». В апреле 1886 г. газета была запрещена.

В Ставрополе с 1884 г. издавалась частная газета «Северный Кавказ», во Владикавказе с 1895 г. «Казбек» и «Новый Терек» с 1894 г. Эти издания имели преимущественно либеральное направление.

Рупором православной церкви на Северном Кавказе были «Кавказские епархиальные ведомости», которые выходили с 1867 г. в Ставрополе, и «Владикавказские епархиальные ведомости».

Именно в периодической печати публиковались историко-этнографические, экономические, публицистические и иные материалы, статьи, документы, касавшиеся народов Северного Кавказа и русского казачьего населения станиц. Деятели русского и горских народов использовали страницы периодики для публикации материалов, освещавшие различные аспекты социально-экономической и духовной жизни горских народов. На страницах местной русской печати протекало развитие общественно-политической мысли горцев.

Официальные газеты как органы печати царских властей в основном тенденциозно излагали факты и сведения, нелестно отзывались о горцах, высказывали в их адрес оскорбительные эпитеты и порицания. Не случайно К. Хетагуров переименовал газету «Терские ведомости» в «Мерзкие ведомости». Не отставали от официозов некоторые частные газеты. В 1890 г. газета «Северный Кавказ» проповедовала теорию «малых дел», выступала с порицанием революционно-демократических произведений Щелгунова.

Однако в местных газетах публиковались и статьи по злободневным вопросам русской и горской действительности. Я уже говорил, что в 1868-1871 гг. выдающуюся роль в развитии истории и этнографии горцев, в формировании горской интеллигенции играла газета «Терские ведомости», когда её редактором был Адиль-Гирей Кешев. Газета

«Северный Кавказ» в 1893–1897 гг., когда в ней работал ответственным сотрудником Коста Хетагуров, стояла на прогрессивных позициях. Интересные материалы о жизни народов Северного Кавказа продолжали печататься в издававшихся в Тифлисе и Баку газетах «Кавказ», «Новое обозрение» с 1894 г., «Тифлисский листок» (с 1878 г., «Каспий» (Баку) с 1880 г. и др. В них публиковались важные материалы культурно-исторического и политического характера о жизни народов Северного Кавказа.

С 1868 по 1881 г. при Кавказском горском управлении в Тифлисе вышло 10 томов, издания, специально посвящённого истории и этнографии народов Кавказа. Называлось оно «Сборник сведений о кавказских горцах». Редактором издания был Н.И. Воронов, который ранее в 1861 г. общался с корифеями русской эмиграции Герценом и Огарёвым. В сборниках впервые были напечатаны некоторые собрания адатов кавказских горцев, сказания о нартах. Для материалов сборника характерно доброжелательное освещение истории горцев. Важные статьи по истории и этнографии народов Северного Кавказа печатались также в «Сборниках материалов для описания местностей и племён Кавказа» с 1881 г., а также «Записках» с 1852 г. и «Известиях» (с 1872 г.) Кавказского отдела Русского географического общества. С 1876 г. издавались «Кавказский сборник», с 1845 г. «Кавказский календарь». В 1871-1885 гг. вышло 9 выпусков «Сборника сведений о Кавказе». В 1881–1886 гг. вышло 17 томов «Юридического обозрения». С 1866 г. выходил «Медицинский сборник» Кавказского медицинского общества. Серийные и периодические сборники и календари в описываемое время стали издавать областные органы царской администрации на Северном Кавказе. С 1883 г. выходил «Кубанский сборник», с 1899 г. «Терский сборник». Национальной печати во второй половине XIX в. на Северном Кавказе не было.

Первым русским театром на Кавказе был Ставропольский. Труппа не ограничивала своей деятельности Ставрополем, а выезжала с гастрольями в другие города Северного Кавказа и Закавказья, в том числе в Тифлис. Бывала она во Владикавказе и произвела такое впечатление, что жители этого города стали хлопотать об открытии своего театра и просили антрепренера ставропольской труппы помочь подобрать труппу и для будущего Владикавказского театра. В Ставропольском театре, старейшем на Северном Кавказе, в конце XIX – начале XX в. сложились славные традиции постановки не только водевилей, как во многих провинциальных театрах того времени, но и классической драматургии. В репертуаре были трагедии У. Шекспира, Ф. Шиллера, пьесы А.Н. Островского и А.П.

Чехова. Были поставлены «Власть тьмы» Л.Н. Толстого, «Отцы и дети» Тургенева, «Идиот» Ф.М.Достоевского и «Ревизор» Н.В. Гоголя.

Крупным событием в культурной жизни Северного Кавказа было открытие театра во Владикавказе. Первым спектаклем был «Маскарад» М.Ю. Лермонтова. Большим успехом пользовались пьесы «Гроза», «Бешеные деньги» А.Н. Островского, «Разбойники» Ф. Шиллера, «Горькая судьбина» А.Ф. Писемского.

Театр отличался хорошей труппой. В нём играли актёры императорских театров, например актёр Александринского театра Н.А. Журин. Одной из первых женщин в России, ставшей режиссёром, была актриса К.О.Лукашевич, с большим успехом выступавшая до этого в Одессе. Много сделал для развития Владикавказского театра актёр и антрепренёр В.И.Никулин. Он создал сильную труппу, которая ставила не только драмы, но и оперы. Были поставлены «Пиковая дама» и «Наталка-полтавка». Театр вёл просветительскую деятельность среди простых людей города. Для них спектакли ставились по сниженным ценам и даже бесплатно. Специальные спектакли по доступным ценам давались для учащейся молодёжи. Шли пьесы Гоголя и Мольера, Л.Н. Толстого. Шли водевили, но и в них актёры старались вложить более глубокий смысл, рассказать о бедах и огорчениях простого человека. Демократические традиции театра стали особенно заметны в XX в. Многие провинциальные театры стремились ставить те же пьесы, что и Московский художественный театр. Только что поставили пьесы А.М. Горького в художественном театре в Москве, как через несколько месяцев они идут на сценах Ставрополя и Владикавказе. Вскоре также прошла на этих сценах поставленная перед этим в Художественном театре пьеса а. Толстого «Царь Фёдор Иоаннович». На пьесу «Мещане», поставленную в Ставропольском театре, газета «Северный Кавказ» откликнулась такими словами: «Сегодня в нашем театре идут давно жданные «Мещане» А.М. Горького».

Владикавказский театр поставил инсценировку «Фомы Гордеева», «Дачники», «Дети солнца», «Варвары». На страницах местной печати развернулись дискуссии по поводу пьес Горького, отражавших общую борьбу течений внутри городской интеллигенции. В то время как одни приветствовали появление на сцене пьес буревестника революции, другие возмущались этим.

Содержание пьес стало настолько актуальны, что зрители предпочитали часто художественно несовершенные произведения, но несущие критический заряд,

развлекательным пьесам. Большим успехом пользовались пьесы А.П. Чехова, которые будили мысль, заставляли думать о будущем страны и народа. В период революции 1905 г. идейная борьба обострилась. Переводная пьеса «Право на жизнь», поставленная во Владикавказском театре, была посвящена теме рабочих, что было новым явлением на сцене тех лет. После революции, когда часть интеллигенции поддавалась упадническим настроениям, на сценах кавказских театров наряду с пошлыми сценками из жизни бездельников продолжали появляться пьесы Горького и Островского, Шекспира и Шиллера. Ставились инсценировки романов Толстого «Анна Каренина» и Достоевского «Идиот».

Огромное влияние оказывал театр, особенно Владикавказский, на развитие культуры и общественной мысли горских народов, на формирование национальной интеллигенции и воспитание у неё художественных вкусов. Многие представители горской интеллигенции были горячими поклонниками театра. Коста Хетагуров работал во Владикавказском театре художником-декоратором, оформляя спектакли высокохудожественными декорациями. Человек разносторонних талантов, он играл в любительских спектаклях, оформлял сцену и писал пьесы на злободневные темы. Его пьеса «Дуня» рассказывала о тяжёлом положении женщины.

Актёром и режиссёром театра стал осетин А.А. Туганов, унаследовавший лучшие традиции владикавказской сцены. С успехом выступал он и в столичных театрах и в других городах, стал опытным режиссёром. С рецензиями на спектакли русского театра выступали многие выдающиеся деятели осетинской интеллигенции, например экономист Г. Цагалов. Зрителями же были не только образованные представители осетинского народа, но и самые простые крестьяне, которые, приезжая во Владикавказ, стремились посетить и театр. Постоянным посетителем театра был С.М. Киров, журналист газеты «Терек». В своих театральных рецензиях он критиковал пошлые пьесы и давал подробный разбор игры актёров в серьёзных спектаклях, таких как «Гамлет», «На дне» и других.

Интеллигенция Осетии не только с увлечением смотрела спектакли профессионального театра, но и создала свою любительскую труппу. Среди любителей была Надежда Калоева, сосланная впоследствии на каторгу в Сибирь за революционную деятельность. На сцене Владикавказского театра ставились пьесы не только русские, но и

первые национальные пьесы. В 1912 г. была поставлена пьеса Д. Кусова (ставшего позже профессиональным драматургом) «Дети гор».

Среди осетин-гимназистов в г. Владикавказе были созданы драматические, музыкальные и хореографические кружки. Одним из драматических самодеятельных коллективов была осуществлена постановка водевиля «Пристав с ума сошёл», написанного молодой осетинкой Розой Кочисовой. В 1908 г. во Владикавказе была поставлена пьеса Е. Бритаева «Хазби» об освободительной борьбе осетинского народа в 30-е гг. XIX в. Творчество Бритаева являлось вкладом в развитие осетинской культуры.

Любительские труппы возникали и в Грозном. Грозненский театр постановкой пьес Чехова и Толстого пробудил интерес к сцене у широкой группы любителей. Самым ценным было то, что любительские труппы появились не только в среде интеллигенции, но и среди рабочих нефтяных промыслов. Любительскими спектаклями в Грозном, Владикавказе, Кизляре руководил такой выдающийся русский актёр и режиссёр, как Е.Б. Вахтангов. Он поставил в Грозном пьесу Гауптмана «Праздник мира, или вольные люди» о распаде буржуазной семьи и Чехова «Дядя Ваня».

Став режиссёром городского театра, Вахтангов установил льготные билеты для рабочих и учащихся. Интерес к театру в Чечне и в Ингушетии породил и своих драматургов. Назарбек Шерипов написал на родном языке и поставил пьесу «На вечеринке», которая заслужила одобрительный отзыв местной печати. В 1912 г. в Грозном на сцене местного парка был поставлен спектакль «На вечеринке» на чеченском языке, в котором участвовал и ведущий, дающий пояснение на русском языке всему происходящему на сцене. Автором и режиссёром этого спектакля был Назарбек Шерипов. Наряду с автором в пьесе выступали три местных любителя-артиста, чеченцы и целый ряд танцоров и танцовщиц.

Екатеринодарская адыгейская группа по мотивам народных сказаний в 1914 г. поставила героическую драму «Набег Канчука на Азов». Грим, парики, костюмы, свет и музыка были подчинены идейному замыслу спектакля. Чувствовалась крепкая рука режиссуры, стремившейся и в малом и в большом конкретизации образов, психологической глубине и художественному обобщению. Хотя и с ясно выраженным стремлением идеализировать историческое прошлое.

Приблизительно в тоже время в Нальчике в стенах реального училища был создан кабардинский любительский театр во главе с Тасултаном Шеретлоковым. Им были

написаны и поставлены «Кушук и его невеста», «Джабаги Казаноко» и другие небольшие пьесы, в которые он обильно вводил элементы народной хореографии и мимодрамы.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ и ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА во второй половине XIX–начале XX вв.

1. Экономическое развитие Северного Кавказа в 60 гг. XIX –начале XX в.
2. Социальные отношения.
3. Развитие революционного движения.
4. Северный Кавказ в годы Первой русской революции
5. Северный Кавказ в годы Первой мировой войны.
6. Февральская революция в России и народы Северного Кавказа

Литература:

История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. –1917 г.). М., 1988.

Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007.

Северный Кавказ принадлежал к числу районов, которые в пореформенное время заселялись наиболее интенсивно. За три последние десятилетия XIX в. количество населения здесь выросло более чем в 2 раза и, согласно данным переписи 1897 г., составило около 4,5 млн человек. Численность населения региона выросла главным образом за счет притока сюда жителей из других районов. В Кубанскую область, где рост населения был наибольшим, пришли переселенцы из 18 губерний. Большинство их были выходцами из Центральной России и тех губерний Украины, где сильны были пережитки крепостничества. Более четверти переселенцев пришли на Кубань из губерний Юга, где капитализм уже получил большое развитие. Переселенцами были прежде всего пролетаризованные и полупролетаризованные крестьяне, многие из которых работали батраками в помещичьих экономиях и в кулацких хозяйствах. Но среди них были и довольно состоятельные хозяева, арендовавшие на Юге Украины большие участки земли или содержавшие большие отары тонкорунных овец. Обычно эту «сельскохозяйственную буржуазию» называли тавричанами, так как они были выходцами из Таврической и других южных губерний России. Степное Предкавказье заселялось гораздо быстрее, чем горные районы. Это объяснялось как недостатком земель для местного населения еще в первой половине XIX в., так и политикой царизма, теснившего это население в горы. В 1897 г. на одну квадратную версту земли в

Ставропольской губернии приходилось по 16,6, на Кубани - 23,0, в Дагестане - 22,4 жителя. Если же учесть, что большую часть территории Дагестана занимали бесплодные горы, то станет понятным, почему, например, в Даргинском уезде этой области на одну квадратную версту приходилось по 56,8 жителя.

На количестве и плотности горского населения во 2-й половине XIX в. заметно сказалось так называемое махаджирство (эмиграция, переселение в страны ислама). За полстолетия Северный Кавказ покинуло значительное число горцев. Таким образом, в 60—90-х годах на Северном Кавказе происходил некоторый отлив населения, но решительно преобладало переселение, что серьезнейшим образом сказалось на социальном и экономическом развитии края. Кроме резкого имущественного неравенства, складывающегося среди русских переселенцев и местного горского населения, и во 2-й половине XIX в. существовало социальное неравенство. Обособленную замкнутую социальную группу представляло собой казачество, составлявшее в Кубанской и Терской областях значительную часть населения. Казаки, пользовавшиеся землей на основе феодального права «земля за службу», были привилегированным сословием как в отношении прав на землю, так и других льгот. Однако внутри казачьего сословия быстрыми темпами шел процесс выделения казачьей верхушки и обеднения основной массы. Этому содействовали тяжелые условия службы - со своим конем и обмундированием (что разоряло бедноту) и наличие частного офицерского казачьего землевладения. Наряду с казаками в станицах проживало много прибывших на Кавказ в поисках земли и счастливой жизни крестьян-переселенцев из центральных и южных губерний России. Напрасны были их мечты получить в казачьих областях земли. Все поселившиеся в станицах крестьяне автоматически попадали в разряд «иногородних», не имевших права на земельный надел, не пользовавшихся никакими общественными правами. «Иногородние» не имели даже права на получение участка для постройки дома, не могли принимать участие в сельских сходах, так как не обладали правом голоса. Их дети не могли посещать станичной школы, а если это им разрешали, то за особую плату. Чтобы вести хозяйство, построить дом, «иногородние» должны были арендовать землю у казаков, уплачивая высокую «посаженную» и арендную плату, что содействовало росту арендных отношений.

До 1868 г. лица, не приписанные к казачьему войску, не имели права покупать землю в пределах казачьего войска. По закону 1868 г. они это право получили, но

осуществить его могли только самые зажиточные. «Иногородние» стали, в свою очередь, делиться на две категории: имевшие оседлость, к которым относились те, кому удалось купить или арендовать землю, и не имевшие оседлости. Этим приходилось жить продажей своей рабочей силы. Именно из этого слоя «иногородних» пополнялись ряды наемных сельскохозяйственных рабочих. Деление на коренных жителей, имеющих право на получение надельной земли, и «иногородних», не пользовавшихся этими правами, распространилось и на горские аулы. Особенно это относилось к вновь образуемым аулам, где первые поселенцы попадали в разряд коренных, а тех, кто переселялся в аулы после того как было завершено распределение земельных участков, относили к иногородним.

В аулах, кроме того, на долгое время сохранялась сословная неполноправность бывших крепостных крестьян, хотя юридически все горское крестьянство Терской и Кубанской областей в 1867 и 1868 гг. было освобождено от феодальной зависимости, которая сохранялась только в Дагестане. Но фактически бывшие крепостные страдали от различных форм крепостнических пережитков: не имели права даже входить в дом своих владельцев, садиться с ними за один стол. А главное - были обременены выкупными платежами.

Большой социальной однородностью отличалось сельское население Ставропольской губернии. Но там сильнее всего было имущественное расслоение, доходившее до разложения крестьянства, чего не было в горских и казачьих районах. Но даже в этой губернии, где особенно сильными были проявления землевладельческого капитализма, сохранились пережитки сословного деления: положение бывших крепостных было более тяжелым, чем государственных крестьян. Жители немногочисленных, но быстро растущих городов Северного Кавказа относились к сословию мещан и все более увеличивавшемуся классу пролетариев. Кроме того, в городах жило много купцов, чиновников, разбогатевших промышленников.

Интенсивность заселения в пореформенное время Северного Кавказа, переселение сюда как людей, лишенных средств производства, так и весьма состоятельных скотоводов и земледельцев способствовало быстрому развитию здесь капиталистического хозяйства. Однако ни большинство местного населения, ни основная масса вновь прибывшего не обладали необходимыми средствами и опытом, чтобы наладить интенсивное сельское хозяйство. Кроме того, над горцами и казачеством

довлели старые традиции использования земли. Все это вело к тому, что главной отраслью хозяйства народов Северного Кавказа стало интенсивное сельское хозяйство, в котором преобладало производство зерна.

Начиная с 70-х годов XIX в. земледелие быстро развивается, прежде всего на Кубани и в Ставрополье, а медленно - в горных районах региона. Уже к 80-м годам на Кубани и в Ставропольской губернии производство зерна достигло такого уровня, что обеспечивало хлебом не только местное население, но и войска, расположенные на Кавказе. При этом под влиянием социально-экономических перемен, происшедших в жизни кубанских станиц, казачество быстро приобщалось к товарному земледелию.

По сведениям Кубанского статистического комитета, в течение 16 лет после открытия Владикавказской железной дороги население области удвоилось, а хлебные запашки возросли с 500 тыс. дес. до 1,5 млн дес.

Наблюдался быстрый рост посевных площадей и в Ставропольской губернии. Вторжение капитализма в земледельческое хозяйство Северного Кавказа изменило структуру посевных площадей в соответствии с потребностями внутреннего и внешнего рынков. В 70-90-х годах XIX в. структура посевных площадей определялась главным образом потребностями внешнего рынка в пшенице, ячмене и льняном семени. Уже в 1882 г. озимая пшеница занимала более 40% посевной площади. Во второй половине XIX в. в степной части края появляются новые, ранее неизвестные здесь культуры: кукуруза, подсолнечник и табак.

На юго-востоке вообще и в частности в изучаемом регионе сложился новый тип капиталистического зернового производства, которое было сосредоточено главным образом в руках зажиточных крестьян, кулаков и крупных капиталистов - владельцев экономии. Хозяйство велось с широким использованием наемного труда и сельскохозяйственных машин.

Распространение усовершенствованных орудий сельскохозяйственного труда – заводских плутов, косилок, жаток и других машин - началось с 70-х годов XIX в. и быстро прогрессировало. Но использовать эту новую технику могли далеко не все крестьяне. Сноповязалка стоила 335 руб., жнейка - 160, сенокосилка - 125 и даже такое несложное орудие, как конные грабли, - 55 руб. Такие орудия могли покупать только владельцы экономии, зажиточные крестьяне и казаки. Большая часть крестьянских

хозяйств, особенно в аулах, продолжала пользоваться дедовскими самодельными сохами или плугами, не имея возможности купить заводские.

В зерновом хозяйстве степного юга и Предкавказья наблюдалось распространение однотипных сельскохозяйственных орудий и машин, которые могли обеспечить распашку, посев и уборку хлеба на больших площадях при минимальных затратах труда и средств. Такими орудиями являлись тяжелый украинский плуг или сабан, позже появился трех- или четырехлемешный железный плуг - «буккер», жатка («лобогрейка») и молотилка. Уже в 80-х годах получили распространение в Ставропольской губернии и на Кубани паровые молотилки.

За 50 лет- 1864-1913 гг. - чистый сбор зерна на душу увеличился на 462,3% . Зерновое хозяйство быстро приспособлялось к потребностям мирового хлебного рынка и переходило к производству главных рыночных культур - пшеницы и ячменя. По площади посева этой культуры первое место принадлежало Кубанской области, на втором месте была Ставропольская губерния, в Терской области ее посевы были незначительны. По посевам ячменя Северный Кавказ уступал первенство только южному степному району.

В роли главных производителей товарного зерна выступали зажиточные и кулацкие хозяйства. Кулацкие хозяйства ставропольских крестьян по своим размерам были значительно крупнее, чем у казаков Кубани. На арендованных туркменских землях хозяйства ставропольских хуторян носили характер частновладельческих экономии среднего размера в 3159 дес. В сельском хозяйстве кубанских станиц к началу XX в. капитализм господствовал в виде предпринимательского мелкобуржуазного производства. Здесь были сильны традиции казачьего земледелия, которые в значительной мере задерживали развитие капиталистического предпринимательства на войсковых землях. Крупные капиталистические зерновые хозяйства на Кубани не были многочисленными и принадлежали почти исключительно предпринимателям казачьего сословия. Однако все успехи капиталистического зернового производства степного Предкавказья не изменили интенсивной системы хозяйства и примитивного полеводства. До конца XIX – начала XX в. продолжала существовать залежная система земледелия почти в первобытной форме. Все было подчинено максимальному производству товарного зерна в ущерб качеству обработки почвы и поддержания ее плодородия.

Тяжелым последствием этого были частые неурожаи, особенно в засушливых степях Ставрополя.

Проникновение капиталистических отношений в горные аулы также вело к специализации хозяйства. Если в горных аулах основой экономики на протяжении всего пореформенного периода оставалось животноводство, то в плоскостных все более развивалось хлебопашество, хотя и значительно медленнее, чем в Предкавказье. Достаточно сказать, что в 1896 г. в Терской области было распахано 380 тыс. дес. земли, что составляло лишь 8% площади, пригодной для полеводства. В Дагестане земледелие было плохо развито прежде всего из-за малой площади пригодных для него земель (5,8% общей площади).

Тем не менее и в горных районах наблюдался рост посевной площади и изменение ее структуры, появление новых усовершенствованных орудий труда и новых культур. Новые, более прогрессивные элементы в земледелии наблюдались главным образом в аулах, основанных в непосредственной близости от русских селений, где сильнее было взаимное влияние и заимствования.

Особенно заметным рост новых явлений в экономике стал в 80-х годах. Резко возросли посевы кукурузы, освоены были новые культуры (гречиха и др.). С 1867 по 1890 г. в Кабардино-Балкарии производство кукурузы выросло с 80 тыс. до 800 тыс. пудов, т. е. в 10 раз, а валовой сбор зерна - в два с лишним раза.

Эта же специализация наблюдалась и в Кубанской области. В плоскостных аулах росли посевы кукурузы и других хлебных культур, которые шли уже не только для собственного потребления, но и для продажи.

На территории Чечено-Ингушетии рост посевных площадей также происходил главным образом на равнине. За 15 лет, с 1876 по 1891 г., площадь под пшеницей увеличилась у чеченцев на плоскости почти на 46%. Посевы кукурузы за 5 лет возросли на 39%. В целом по Терской области валовой сбор зерна вырос с 1887 по 1899 г. в два с лишним раза.

Товарный хлеб давали главным образом кулацкие хозяйства. В мелком крестьянском натуральном хозяйстве по-прежнему преобладали посевы проса - основного хлеба адыгов. Рост валового сбора шел главным образом за счет увеличения посевных площадей. В конце XIX в. Терская область уже поставляла на рынок свыше 15

млн пудов хлеба. Более того, Терек занял свое специфическое место в производстве зерна на Северном Кавказе - он стал главным районом выращивания кукурузы.

При недостатке пахотных земель горские народы относились к земледелию с большим прилежанием. Они учитывали специфику природных условий в той или иной местности. В плоскостных аулах адыгов сложился свой земледельческий четырехлетний цикл, предусматривавший чередование культур и черный пар. В горных районах Карачая и в Балкарии, Ингушетии, Чечне и др. земледелие было орошаемым, с обильным удобрением, иначе на скудных высокогорных землях ничего бы не родилось. Оросительные каналы отводили от горных ручьев и, используя напор воды, заставляли ее течь не только по ровной местности, но даже с небольшим подъемом (до 15 градусов). Орошали не только пахотные земли, но и сенокосы, расположенные вблизи аулов.

Система земледелия, созданная дагестанским крестьянством, базировалась на эмпирически познанных веками законах природы. В рассматриваемое время господствовала паровая система полеводства в форме трехполья. Залежная система встречалась очень редко. Удобрения применялись не везде и не систематически. В горах продолжало существовать террасное земледелие, имевшее многовековую историю. В низменной и предгорной частях преобладали озимые, а в нагорной - яровые культуры. Первое место среди зерновых культур занимала пшеница (от 50 до 60% всего урожая зерновых). Доля ячменя, постоянно занимавшего второе место, составляла от 25 до 31% в урожае зерновых. В ряде районов равнинного Дагестана важную роль играло рисосеяние (чалтыководство). Урожайность всех зерновых культур была низкой -сам-три, сам-четыре.

Товарный хлеб производился лишь в отдельных местах Дагестана. В целом же Дагестан был рынком сбыта хлеба главным образом из степных районов Северного Кавказа. Но недостаток средств у трудящегося населения привел к постоянной его нехватке. В 1889 г. в Дагестане приходилось продовольственных культур на душу населения в 2,5 раза меньше, чем в Терской области, в 4 раза меньше, чем на Ставрополье, и в 6,6 раза меньше, чем на Кубани. К 60-м годам XIX в. на территории Северного Кавказа имелись уже выдающиеся по своим хозяйственным качествам местные породы крупного рогатого скота, лошадей и овец. Так как крупный рогатый скот почти до конца XIX в. составлял основную тягловую силу в земледелии, а парноволовые фуры служили единственным средством перевозки грузов, большую

ценность представлял скот, который соединял в себе хорошие мясные и рабочие качества. Такими были замечательный красный калмыцкий (или «ордынский») скот и серый украинский (или «черкасский»), впоследствии получивший название черноморского. Превосходное мясо «черкасских» быков издавна славилось на московском и петербургском рынках. Территория Терской области является родиной знаменитой кабардинской породы лошадей, слава о которой распространилась по России еще с последней четверти XVIII в. В Баталпашинском отделе Кубанской области разводилась ценная карачаевская порода грубошерстных овец.

После отмены крепостного права развитие капитализма вызвало существенные перемены в структуре животноводства России. Быстрый рост внутреннего и внешнего рынков для продуктов животноводства обусловил формирование районов торгового скотоводства. По мере развития капитализма в сельском хозяйстве появляется новый тип скотопромышленников, которые стали вытеснять крупных скотоводов из казачьей старшины и ставропольских помещиков. В роли крупных скотопромышленников выступили уже известные нам «тавричане»: они занимались разведением не только овец, но и крупного рогатого скота. Если у казаков Кубани под влиянием развивающегося земледелия уже в 70-х годах наблюдается постепенный упадок скотоводства, то в Ставропольской губернии, как и у горцев, почти до конца XIX в. разведение скота составляет важную отрасль сельского хозяйства. По сведениям за 1875 г., в крестьянских хозяйствах находилось более 80% рогатого скота. Не случайно военная статистика относилa Ставропольскую губернию начала 70-х годов к району главных закупок скота, который располагался на юге и востоке России.

В 70-80-х годах XIX в. происходит перемещение центра тонкорунного овцеводства России на территорию степного Предкавказья. До конца 60-х годов мериносовых овец здесь почти не разводили (их разводила лишь небольшая часть ставропольских помещиков). Но в связи с превращением Новороссии в район зернового хозяйства в конце 60-х и в 70-х годах XIX в. происходило настоящее нашествие южных овцеводов на степные просторы Северного Кавказа. Здесь они нашли такие же благоприятные условия для разведения тонкорунных овец, какие имели в недавнем прошлом в «Новороссийских» губерниях. Целинные степи представляли прекрасные пастбища, а продажные и арендные цены на землю были исключительно низкими. «Тавричане» создали громадные экономии и многочисленные хутора с десятками тысяч десятин

купленной, а главным образом арендованной земли. Они эксплуатировали сотни и тысячи наемных рабочих. На надельных землях крестьян и казаков разводились преимущественно овцы грубошерстных пород. Однако и здесь тонкорунное овцеводство продолжало оставаться экстенсивным, оно было построено исключительно на земельном приволье, низком уровне арендных и продажных цен на землю и отгонно-пастбищном содержании овец.

Специализация горских аулов на животноводстве привела к переменам и в этой традиционной отрасли хозяйства. Изменился состав стада, в котором резко увеличилось количество гулевого скота. Карачай, Балкария и другие высокогорные местности специализировались на разведение овец, Кабарда - на коневодстве и крупном рогатом скоте. Скотоводство по-прежнему носило экстенсивный характер: с перегонами скота с летних пастбищ на зимние в высокогорных аулах и на стойловое содержание - в равнинных. Перемены выразились в том, что началась борьба с эпизоотиями, улучшилась породность скота. Попытка развести тонкорунных овец в горских овцеводческих хозяйствах не увенчалась успехом. Овцы не выдерживали сурового климата высокогорья, болели и погибали. Но горские овцеводы сумели путем народной селекции вывести высокопородных курдючных овец с очень вкусным мясом и мягким шелковистым руном, более всего подходящим для изготовления бурок. Но если овцы горских пород, особенно карачаевской, пользовались большим спросом и у русского населения, то с крупным рогатым скотом произошло обратное заимствование. Местный горский низкопородный скот стал быстро вытесняться серым украинским скотом, рослым, высокой упитанности, меньше поддающимся эпизоотиям, чем местный скот. Поэтому в аулах охотно покупали производителей украинского скота и тем улучшали породность скота.

Одним из основных занятий горцев Дагестана также продолжало оставаться скотоводство. Во второй половине XIX в. в Дагестане впервые развивается тонкорунное овцеводство. Скотоводство являлось экстенсивной отраслью экономики Дагестана, однако оно вовлекалось в рыночные отношения и постепенно принимало товарный характер. В наибольшей степени с рынком было связано овцеводство. Появление в крупных овцеводческих хозяйствах наемных работников, исключительный расчет на сбыт продуктов на рынке, вкладывание капитала - таковы элементы зарождающегося капитализма в овцеводстве.

Именно скотоводство принимало товарный характер и у горских народов Кубанской и Терской областей. Специально для продажи в казачьи войска разводили лошадей, которых так и называли «казачьи лошади», так как они должны были быть определенного роста («2 аршина 2 вершка»), определенной масти и экстерьера. На продажу шло большое количество овец и крупного рогатого скота. Курорты Минеральных Вод почти целиком снабжались карачаевскими мясными продуктами, молоком, маслом, сыром, производимым на масло-сырзаводах В. И. Бландова, Т. Банчорова из молока, закупаемого у карачаевских крестьян. В Баксанском ущелье был открыт сыроваренный завод Хамзата Урусбиева. Чтобы улучшить сыроваренное производство, Урусбиев изучал молочное хозяйство и сыроварение в Швейцарии. Продукция сырзавода этого капиталистического предпринимателя получила высокую оценку на Кавказской сельскохозяйственной выставке 1889 г.

Если в степном Предкавказье количество скота и лошадей уменьшалось, то в горских районах продолжало расти. В 1890 г. в Кабарде было 48 тыс. лошадей, а к 1900 г. стало 124 тыс.

Табунное коневодство особенно было развито у горцев Баталпашинского отдела, где находилось 342 табуна (из 542 табунов Кубанской области). Значительная часть лошадей и скота шла на продажу. Если из Карачая в 60-е годы вывозили не более 5% скота, то к концу XIX в. - более 25%.

В степном Предкавказье, где рост зернового хозяйства вел к кризису животноводства, поголовье скота сокращалось, животноводство приспособлялось к главному рыночному продукту - пшенице. Начался процесс перегона многочисленных отар меринсов с Северного Кавказа в Западную Сибирь и Среднюю Азию. При сокращении табунного коневодства наблюдался рост домашнего или хозяйственного коневодства, особенно на Ставрополье, где лошадей стали использовать в хлебопашестве.

В качестве второстепенной отрасли сельского хозяйства получает некоторое развитие и заводское промысловое коневодство. Несмотря на то, что животноводство Северного Кавказа было экстенсивным, российские переселенцы, кочевые и горские народы совместными усилиями не только сохранили лучшие местные породы, но и добивались их улучшения. Известные овцеводы братья Мазаевы вывели замечательную для того времени русскую «мазаевскую» породу тонкорунных овец.

Хотя климатические и почвенные условия на Северном Кавказе позволяли выращивать большое количество различных плодов и огородных культур, эти отрасли сельского хозяйства во второй половине XIX в. не получили заметного развития. Это объясняется рядом причин. Садоводство, виноградарство и особенно огородничество требуют весьма тщательной обработки земли, удобрений и, конечно, больших затрат рабочей силы. В то время на Северном Кавказе не было больших городов - центров сбыта садовых и огородных культур. Русское население на Северном Кавказе тем не менее занималось выращиванием плодов и огородных культур. Но оно не было рассчитано на продажу. Некоторые культуры и методы их возделывания были занесены ими на Северный Кавказ и восприняты местным населением. Лишь с окончанием строительства основных линий Владикавказской железной дороги возможность вывоза плодов и вина существенно облегчилась, что способствовало развитию новой отрасли сельского хозяйства. В аулах Кубанской и Терской областей садоводство в основном носило потребительский характер и не было связано с рынком. Тем не менее у горцев, особенно у адыгов, были выработаны определенные методы выращивания фруктов; народной селекцией выведены наиболее подходящие к природным условиям сорта яблок, груш, слив и других фруктов. Улучшением сортов фруктов занимались земледельческие школы, при которых создавали питомники. Большие успехи были достигнуты в огородничестве, особенно в разведении картофеля, который хорошо вырастал в некоторых аулах, даже в горах. В Терской области с 1886 по 1894 г. посадки картофеля возросли в 5 раз. В огородах выращивали свеклу, морковь, лук, чеснок, в меньшей степени - капусту. Садоводство, виноградарство и огородничество было традиционно развито и в Дагестане Сады Дагестана в основном состояло из сортов народной селекции. Они отличались породосмесью и сортосмесью. В пореформенном Дагестане появились крупные садовладельцы как из числа местных жителей, так и из представителей кавказской администрации. Часть садовой продукции вывозилась в Россию, преимущественно морем. Положение с транспортировкой продукции садоводства изменилось к лучшему в 90-х годах XIX в. в связи с завершением строительства железной дороги. В 1900 г. из Дагестанской области по железной дороге было вывезено 200 тыс. пудов фруктов, а в 1903 г. - 326 823 пуда. Вывоз фруктов осуществлялся в основном скупщиками. Издавна существовавшее в Дагестане виноградарство до середины 70-х годов XIX в. носило в основном потребительский

характер. С конца 70-х годов, все больше развиваясь, оно становится развитой отраслью торгового земледелия. Только в одном Дербенте культивировалось до 50 местных и иностранных сортов винограда. Крупным виноградным районом был Кизляр, для трех четвертей которого виноградарство являлось основным занятием. В 1874 г. под виноградниками Кизлярского района находилось 16 тыс. дес. Другим крупным виноградарским районом являлся Дербентский, где в 1876 г. под виноградниками было занято 1667 дес. земли. Развивалось виноградарство около г. Порт-Петровска, на равнине и частично в горном Дагестане.

Возрастание товарности, увеличение зависимости от рынка, сильное внедрение товарно-денежных отношений, широкое применение наемного труда - таковы наиболее характерные черты пореформенного дагестанского виноградарства. В Дагестане и Терской области торговое виноградарство и виноделие сосредоточилось главным образом в городах Кизляр, Дербент, Порт-Петровск, Темир-Хан-Шура и в Хасавюртовском, Темир-Хан-Шуринском и Кайтаго-Табасаранском округах. Главным рынком для торгового виноградарства был не местный, а русский рынок.

Следует отдельно отметить кратковременную вспышку разведения в Дагестане травянистого растения крапп (или марены красильной). Из всех технических культур она получила наибольшее распространение. Это было связано и с повышением спроса на марену со стороны текстильной промышленности России и с широким вторжением русского капитала в дагестанское мареноводство. В начале 70-х годов XIX в. маренные плантации Дагестана занимали свыше 18 тыс. дес. Марена почти всецело как товар вывозилась в Россию. Часть марены обрабатывалась на месте. В 1864 г. была построена русскими в Дербенте крапповская фабрика, новейшие машины для которой были выписаны из Франции, Германии и Голландии. Производство краппа на фабрике в 1875 г. возросло в 5,4 раза по сравнению с 1865 г. Среднегодовое производство краппа за 11 лет существования фабрики составило 17 664 пуда. В 1869 г. фабрика переработала в крапп 13% всего количества марены, добытой в Дербенте и Кубинском уезде, а в 1871 - 15% 18.

В начале 70-х годов ежегодный вывоз марены из Дагестана в Россию составил 400 тыс. пудов. В 50-60-х годах дагестано-азербайджанская марена почти полностью вытеснила с русского рынка иностранный крапп. Однако, случилось событие, которое привело к катастрофе: был изобретен способ искусственного получения ализарина.

Спрос на марену резко упал. Мареноводство, говоря образно, было похоронено. Хотя до этих пор мареноводство было отраслью торгового земледелия, оно вело к обмену между дагестанскими земледельцами и русской текстильной промышленностью. Таким образом, в 60-90-х годах XIX в. на Северном Кавказе происходил быстрый процесс заселения и освоения земель. Довольно четко выделяются районы торгового зернового хозяйства - - степи Кубани, Ставрополья и Терека; товарного скотоводства -- восточная часть Ставрополья и горские области; приобретают товарное значение и к концу столетия расширяются виноградники (прежде всего - в Дагестане и в примыкавших к нему районах Терской области); наконец, формируется район производства на рынок кукурузы, табака и подсолнечника - главным образом в западной части Кубанской области.

В равнинном Дагестане появилось небольшое число хозяйств фермерского типа, которые принадлежали представителям колониальной администрации, царским чиновникам, русским предпринимателям. В 1863 г. Гриценко получил в Кайтаго-Табасаранском округе 400 дес. и организовал крупное хозяйство, являвшееся, по словам источника, «образцовым не только в Южном Дагестане, но и во всей области». В 1863 г. коллежскому советнику Штукину было выделено 421 дес. для разведения садов, тутовых рощ, марены, хлопчатника. В 1872 г. у него под садом и мареной находилось 164 дес. Виноградный сад братьев Тумаевых занимал 158 дес. Многоотраслевое хозяйство принадлежало генерал-адъютанту Воронцову-Дашкову. Оно простиралось на 2100 дес.

Только на его виноградниках в 1900 г. работали 1875 поденных рабочих. Промышленное значение имели виноградные плантации статского советника Кривенко в Генджухе, занимавшие 100 дес. Во всех этих и им подобных хозяйствах в качестве наемных рабочих были горцы. Переселенцы из центральных губерний России, из Украины и других районов страны, а также солдаты гарнизонов, стоявших на Кавказе, ряд представителей царской администрации, получивших землю в регионе, оказали заметное влияние на распространение здесь передовых методов ведения хозяйства, принесли с собой новые сельскохозяйственные орудия и культуры. В качестве иллюстрации можно сослаться на такие примеры развития сельского хозяйства в Дагестане. Пионерами возделывания картофеля в Дагестане были русские солдаты, от которых горцы и переняли навыки его возделывания. Впервые горцы приступили к возделыванию гречихи и сорго также под влиянием русских. Сдвиг в Дагестанском

пореформенном садоводстве связан с организацией садов-рассадачников, где культивировались лучшие сорта фруктов, винограда и других полезных растений. При дербентском саде были созданы школка и сеянки, в которых насчитывалось более 3 тыс. деревьев. В саду разводили до 7 тысяч лоз и 50 сортов овощей. В теплице сада были новые для Дагестана виды растений. Здесь впервые были выращены ворсильные шишки из семян, выписанных из-за границы. В саду посеяли кормовые травы - люцерну, мак. Это был первый в Дагестане опыт посева кормовых растений.

Садовые питомники создавались и в других горских районах. Даже в таком высокогорном районе, как Карачай, при школах и в частных хозяйствах было создано несколько садовых питомников, обеспечивавших посадочным материалом несколько селений. В садах и огородах русских предпринимателей широко разводились новые сорта деревьев и овощей. Опыт садоводов перенимали местные жители. Русские предприниматели вкладывали капитал в садоводство, виноградарство, применяли агрономические новшества, применяли современные технические методы получения и хранения вина. Горцы переняли от русских способы борьбы с виноградными болезнями, улучшенные приемы ухода за виноградом.

В развитии земледелия огромна роль орошения. Отдельные каналы строились по проектам русских инженеров. Претерпели известную эволюцию местные земледельческие орудия и появились орудия труда русского производства - серпы, косы с гладким и пильчатым лезвиями, плуги, железная лопата, бороны с деревянными и металлическими зубьями, четырехколесный фургон, в который впрягались лошади, арбы на колесах с железными обручами, паровые молотилки, сеялки.

Таким образом, к концу XIX в. весь Северный Кавказ уже был втянут в общероссийский рынок, что отразилось на уровне развития сельского хозяйства в регионе.

Быстрое развитие капиталистического сельского хозяйства на Северном Кавказе требовало коренной перестройки транспортных средств, строительства дорог, которые обеспечивали бы вывоз продукции. Началось быстрое строительство грунтовых дорог, мостов.

Но это были полумеры. Только строительство железной дороги могло действительно соединить Северный Кавказ с Центральной Россией и содействовать включению его во всероссийский рынок. К началу 1872 г. было закончено изыскание дороги. Трасса была

удобной с военной точки зрения, но она не учитывала хозяйственные нужды (даже губернский город Ставрополь был обойден). В том же 1872 г. была утверждена концессия - «Общество Ростово-Владикавказской железной дороги». Акционерный капитал был невелик - 8,64 млн. руб., причем контрольный пакет акций принадлежал казне. За ее счет дорога фактически и была построена. В июле 1875 г. дорога была открыта. Вслед за главной линией были построены новые: в 1888 г. - Новороссийская (255 верст), в 1894 г. - Петровская (250 верст) и Минераловодческая (60 верст), в 1896 г. - Железноводская (5,3 версты) и Ставропольская (145 верст), в 1899 г. - Царицынская (501 верста), в 1900 г. - Бакинская (337,5 версты), в 1901 г. - Кавказско-Екатеринодарская (127,5 версты). Таким образом, к началу XX в. Владикавказская железная дорога связывала между собой все основные центры Северного Кавказа. К этому времени из 2 332,5 версты строительной длины дороги 324 версты приходилось на Донскую, 845 - Кубанскую, 453 - Терскую, 214 - Дагестанскую области, 192 - Ставропольскую и 18 - на Черноморскую губернии. Дорога также проходила по Бакинской, Астраханской и Саратовской губерниям.

Владикавказская железная дорога оказала большое влияние на экономику Северного Кавказа не только как транспортное, но и как промышленное и коммерческое предприятие. К началу XX в. в крае функционировали 16 мастерских при депо на важнейших железнодорожных станциях (не считая Ростова и Батайска). Многие из них, особенно Тихорецкие паровозные, Новороссийские вагонные, Кавказские, Минераловодческие, Бесланские, Грозненские мастерские были весьма значительными металлообрабатывающими заводами. В них были установлены машины, приводившиеся в движение паровыми и электрическими двигателями. Общество Владикавказской железной дороги занималось добычей нефти в районе Грозного. Дороге практически принадлежал весь Новороссийский порт (пристани, многочисленные амбары и нефтехранилища, элеватор, заводы, строившие и ремонтировавшие суда, буксирный пароход). По темпам развития, благоустройства и механизации всех работ Новороссийский порт уже к началу XX в. превосходил остальные порты России. К концу XIX в. к пристаням у Владикавказской дороги в Новороссийске приставало до 400 иностранных и до 600 русских судов, общий грузооборот этих пристаней превышал 10 млн пудов. Общество Владикавказской железной дороги создало собственное коммерческое комиссионное агентство, монополизировавшее хлебный экспорт через

Новороссийский порт. Агентство выдавало большие ссуды под принятие груза, а взимало малые проценты; оно исправно хранило хлеб, отправляло его и даже само продавало на комиссионных началах. Это было одно из крупнейших капиталистических предприятий такого рода в Европе. В 1888-1895 гг. агентство выдало ссуд на 2,6 млн руб." Для долговременного хранения зерна агентством были построены склады на многих станциях (Тихорецкая, Кавказская, Армавир, Малороссийская, Гулькевичи и др.). Кроме крупнейшего в Европе элеватора в Новороссийске, хорошо механизированными были такие же предприятия при названных складах.

Даже знаменитый курзал в Кисловодске принадлежал Обществу той же дороги. Управление дороги на льготных началах сдавало его в аренду антрепренерам и приглашало лучших артистов страны на летне-осенние сезоны. Это было средством привлечения сюда состоятельных людей (пассажиров первого класса) на отдых.

Таким образом, всего за четверть века общество Владикавказской железной дороги стало важнейшим капиталистом на Кавказе, сосредоточившим транспортные средства, промышленные предприятия и ссудный капитал.

Соединив между собой основные районы края, а сам край с остальной Россией, дорога способствовала быстрому развитию сельского хозяйства, массовому притоку рабочей силы, без чего это развитие было бы невозможным, и, наконец, созданию капиталистической промышленности.

К началу пореформенного периода промышленность Северного Кавказа была в зачаточном виде. Машинного производства не было совсем, мануфактурное только зарождалось. Заметные сдвиги в развитии промышленности произошли только в 80-90-х годах XIX в. Домашние же промыслы, изделия которых славились далеко за пределами Кавказа, напротив, имели длительную историю развития и славные традиции.

Самым распространенным ремесленным занятием на Северном Кавказе и в пореформенное время оставался промысел, связанный с обработкой шерсти. Более того, в 60-90-х годах в горских районах и даже у казаков и крестьян на плоскости шерстеобрабатывающий промысел получил дальнейшее развитие. Ассортимент из шерсти у горцев был шире, а сами изделия – лучшего качества. Более всего производилось заплечных бурок. В 1889 г. одна Кабардино-Балкария произвела 26 300 бурок, а через 10 лет - 30 000, в Чеченском бурочном районе в 1881 г. было произведено 7400 изделий, а в конце века - 21000, в Андийском, Гунибском и Самурском округах в

1881 г. было произведено 95 тыс. бурок, а в 1892 г/только из одного Андийского округа их было вывезено свыше 53 500 штук.

Еще более распространенными были полстовальный и полстяно-ковровый промыслы, включавшие в себя покрывные полости (кошмы), войлочные ковры различных размеров и назначения и потники для лошадей. В начале 80-х годов XIX в. одних только ковров на продажу ежегодно производилось 428 тыс. штук, в том числе в Чечне и в Дагестане - 360 тыс.²¹

На Северном Кавказе повсеместно, особенно у горцев, изготавливаются сукна из шерсти и пуха овец, верблюдов, туров и коз. В Дагестане, Осетин, Кабарде, Балкарии, Чечне, где сукно производилось на продажу, этим промыслом занимались почти все женщины, начиная с 8-10-летнего возраста. О размерах его можно судить по тому, что в Балкарии в конце XIX в. производили 390400 аршин сукна в год²².

Но не все отрасли домашних промыслов и ремесла могли так успешно конкурировать с заводской продукцией. Не выдержав конкуренции фабрик, быстро сдались оружейники. Даже знаменитые дагестанские мастера из селений Кубачи, Амузги, Харбук и др. были вынуждены искать заказчиков по всему Кавказу, а большинство оружейников стало заниматься другими промыслами. Серьезную конкуренцию со стороны фабрики стали испытывать кузнецы, изготавливавшие ножи, ножницы, серпы, косы, топоры, инструменты для ремесленников. Но так как спрос на такие товары опережал их ввоз на Северный Кавказ, то количество кузнецов здесь не только не уменьшилось, а выросло.

Удерживали свои позиции медники и лудильщики, производившие тазы, кувшины, умывальники, котлы, чашки, блюда, подносы и т. п. Производством этой посуды в основном занимались мастера из Дагестана.

Значительного развития на Северном Кавказе достигло и ювелирное производство. Изделия горских золотокузнецов (оправа оружия, украшения одежды, головные уборы, мелкие вещи, женские и мужские пояса, женские нагрудники) получили широкую известность далеко за пределами Кавказа, а мастерство дагестанских ювелиров, готовивших изделия из золота, серебра, слоновой кости, украшенные художественной резьбой и сложными, тонко выполненными рисунками чернью, позолотой, высоко ценилось на рынках Ирана, Турции, Франции, США и получило высокую оценку на всемирных выставках в конце XIX в.

Районы Северного Кавказа различались по роли промыслов в них. В то время, когда в Кабарде, Осетии, Чечне и Ингушетии, Карачае, Балкарии, Черкесии и Адыгее только отдельные ремесленники оторвались от земледелия и жили за счет своего ремесла, в Дагестане таких мастеров были тысячи. Для жителей дагестанских аулов Кубачи, Амузги, Харбук, Сулевкент, Балхар, Анди кустарные промыслы были не подспорьем, а основным занятием и источником существования населения. В ауле Кубачи из 504 хозяйств в 1882 г. земледелием занималось всего 8 хозяйств. Кубачи являлись типичным промышленным селом. Отдельные промыслы были связаны с рынком не в одинаковой степени, не одинаковой была и сама форма связи. Во второй половине XIX в., особенно к его концу, все большее распространение получила продажа изделий через скупщиков.

Скупщик, являвшийся порождением развивавшихся в промыслах капиталистических отношений, подчинял себе мелких производителей. В Кабарде и Дагестане встречались скупщики, которые не только скупали изделия разрозненных мастериц, изготовлявших бурки, но и обеспечивали их сырьем. За производственную работу скупщик расплачивался сырьем или определенной платой. Отдельные скупщики (особенно в Дагестане) не только отрезали производителей от рынка сбыта, но и открыли мастерские по производству бурок, в которых бурочницы работали за небольшую плату, являвшуюся основным источником их существования. Такие мастерские были открыты в селениях Ансалта, Анди, Гагатль.

Большие запасы нефти были разведаны в Кубанской, Терской и Дагестанской областях. В 1864—1869 гг. на Северном Кавказе добывалось почти по миллиону пудов нефти в год. В последующие годы добыча ее резко сократилась. Лишь с постройкой железной дороги эта отрасль хозяйства становится действительно промышленной. Отечественные и иностранные предприниматели спешно вкладывают в нее большие капиталы. Железная дорога прошла через Грозный в 1893 г., в том же году была заложена первая буровая скважина. Если за 60 лет, с 1833 по 1892 г., в Грозненском районе было добыто 3279 тыс. пудов нефти, то уже в 1893—1894 гг. ее в среднем добывалось по 6600 тыс., а в 1900 г. - 28 млн пудов 26. Хотя переход от ручного способа бурения нефтяных скважин к механическому, ударному впервые в России был осуществлен в 1864 г. в Кубанской области, этот район нефтедобычи во второй половине XIX в. не получил заметного развития. Виной тому были феодальные порядки и традиции, особенно сильные в казачьих областях. Монопольное право на землю и ее

недра казачьего населения, масса регламентации сдерживали развитие и капиталистической промышленности и капитализма. Особенно вредную роль сыграла система откупов. В Терской области в 60-80-х годах преобладали вручную вырытые колодцы, простейшие приспособления для черпания и подъема нефти. Здесь только складывалась мануфактура. И лишь с 1893 г. в Грозненском районе начинается усиленная нефтедобыча, ручной труд в значительной мере заменяется машинным, идет очень быстрая концентрация скважин в руках немногих компаний, что привело в 1902 г. к образованию нефтяного синдиката.

Садонский серебросвинцовый рудник и Алагирский завод, работавший на сырье этого рудника (Северная Осетия), были основаны казной еще в 1853 г. Освобожденные от феодальной зависимости, бывшие работные люди, занятые на руднике и заводе, были наделены землей. Но свои наделы они должны были выкупать работой на тех же казенных предприятиях. Рудник и завод, как и до 1861 г., представляли собой мануфактуры, а рабочие не были заинтересованы в производительном труде. Поэтому нет ничего удивительного в том, что оба предприятия многие годы были убыточными. Только после того, как в 1895 г. казна сдала рудник и завод в аренду частному лицу - И. Фильковичу, а тот уступил ее специально организованному русско-бельгийскому обществу «Алагир», в дело были вложены большие средства, и цветная металлургия и Северной Осетии приобрела фабричный характер.

Примером того, как из-за недостатка средств на Северном Кавказе медленно развивалась фабричная промышленность, могут служить разработки цветных металлов в Баталпашинском отделе Кубанской области и Карачае. Нехватка отечественных капиталов привела к тому, что эти разработки перешли в руки иностранных предпринимателей.

Рост строительства заводов был непосредственно связан также с развитием цементного производства. Крупнейшим цементным районом России с 80-х годов становится Черноморская губерния. В 1882 г. близ Новороссийска стал работать технически хорошо оснащенный цементный завод «Звезда», принадлежавший «Обществу Черноморского цементного производства». Завод производил столь высококачественный цемент, что не успевал выполнять заказы российских и заграничных потребителей. Хотя хозяева этого завода разными путями стремились не допустить появления конкурентов, в 1894 г. новый завод ростовского капиталиста

Фандеева возник на земле станицы Верхнебаканской, в следующем году основала завод в Геленджике франко-русская компания, а в 1898 г. там же - «Общество Новороссийского завода».

Все эти предприятия были столь значительными, что в 1900 г. только три наиболее крупных из них давали $\frac{3}{4}$ всего производства цемента в России. Неудивительно, что их хозяева сумели договориться и образовали «Главную контору по продаже портландцемента Юга России в Санкт-Петербурге». С этого началась монополизация цементной промышленности в России.

Самой распространенной отраслью по обработке сельскохозяйственной продукции на Северном Кавказе была мукомольная. Наряду с водяными появились крупные паровые мельницы. По данным А. В. Погожева, в 1904 г. в Дагестане была 1, в Кубанской области - 56, на Ставрополье - 18, на Тереке - 36, в Новороссийске - 1 паровая мельница. Составляя незначительную часть всех мельниц в крае (едва ли более 10%), они перерабатывали более половины всего зерна, поступавшего на мельницы.

Табак, выращенный на Северном Кавказе, использовали 9 фабрик (630 рабочих), размещавшиеся главным образом в Екатеринодаре. Армавире, Владикавказе, Майкопе и в Порт-Петровске. Хотя по соседству действовало несколько больших ростовских табачных фабрик, в том числе предприятия Асмолова и Кушнарера, северокавказские оказались конкурентоспособными именно потому, что они сразу возникли как фабрики, что они работали на местном сырье, а также потому, что они использовали очень дешевый труд женщин и детей.

«Каспийская мануфактура» в г. Порт-Петровске, возникшая в конце XIX в. сразу же как крупная фабрика по обработке хлопка, уже к началу XX в. обслуживалась 700 рабочими и давала половину всей продукции обрабатывающей промышленности Дагестана. Несмотря на то, что фабрика производила грубые ткани, они находили широкий сбыт как на месте, так и в Средней Азии, в Иране.

Что касается других отраслей промышленности, то фабрик в них было мало. Более или менее значительными были несколько чугунолитейных, кирпичных, пивоваренных, нефтеперегонных заводов в разных местах края.

Из 1289 предприятий (без железнодорожных) лишь на 140 работало по 16 и более человек. Это всего 10,9%. Предприятия, на которых трудилось менее 5 человек на каждом, составляли более 51%, в то время как предприятия, где работало более 100

рабочих, - всего 1% Предприятий с числом рабочих более 500 на каждом было лишь 3. Как видно, крупных капиталистических промышленных предприятий в крае было мало.

Более или менее значительные, в том числе 6 из 13 крупных, находились в Черноморской губернии, прежде всего в Новороссийске. Если учесть, что там же были и вагонные мастерские и депо Владикавказской железной дороги, а также порт, то станет ясно, что Новороссийск был самым крупным промышленным и пролетарским городом на Северном Кавказе. Другим значительным промышленным городом в крае являлся Грозный, где размещались крупнейшие нефтяные и нефтеперегонные предприятия, депо и мастерские железной дороги. Из других городов, в которых концентрировались промышленные и транспортные предприятия, следует выделить Екатеринодар, Владикавказ, Порт-Петровск, а также станции Минеральные Воды и Тихорецкая.

В начале 60-х годов XIX в. торговые обороты были сравнительно невелики. Но по мере развития сельского хозяйства, промышленности и транспорта, особенно с середины 70-х годов, когда была построена Владикавказская железная дорога, торговля на Северном Кавказе стала развиваться быстрее. К концу XIX в. она четко отразила уровень развития различных отраслей хозяйства. В Центральном Дагестане крупным торговым центром народов являлся Казикумух.

В конце XIX в. обороты торговых предприятий Северного Кавказа равнялись 165 990 тыс. руб., что составляло 84,3% всего торгово-промышленного оборота края (без Дагестана). В более экономически развитом степном Предкавказье торговля была развита сильнее, чем в горных районах. В денежном выражении эта разница выглядела как 3:1. Около половины всех торговых оборотов было сосредоточено в шести городах, пять из которых - Новороссийск, Екатеринодар, Армавир, Ейск и Ставрополь - находились в степной части края, а один, Владикавказ, - в горной. В каждом из этих городов торговые обороты превышали 6 млн руб. в год. Кроме того, заметную роль в торговле региона, особенно в горных его районах, играли города Грозный, Пятигорск, Майкоп, Георгиевск, Лабинская и Моздок.

Главными предметами торговой деятельности были хлеб и другие продукты земледелия. На них приходилась треть всех торговых оборотов. Куплю-продажу хлеба на Северном Кавказе вели 168 предприятий. Второе место в торговле занимала продажа изделий центральнорусских текстильных фабрик. На их долю приходилось 19,2% торгового оборота.

К концу XIX в. торговля нефтью и нефтепродуктами, а также другими товарами горной промышленности производилась на сумму 11,6 млн руб. Она оттеснила ряд других традиционных для Северного Кавказа отраслей торговли. В отличие от большинства других она была сосредоточена в немногих, но крупных торговых предприятиях. Следующей группой предметов массовой торговли были скот, шерсть, кожи и т. п. Центры этого вида торговли находились на всем Северном Кавказе, но крупнейшие, естественно, были сосредоточены в районах наибольшего развития животноводства.

Наряду с концентрацией торговли различными или специфическими товарами в отдельных центрах края в пореформенное время получила широкое развитие торговля смешанными товарами во всех городах, станицах, аулах, селах и хуторах. Чаще всего это была мелочная торговля.

Хозяева большинства лавок вкладывали в свои предприятия небольшие средства, получали незначительные доходы, а нередко и разорялись.

Скупка шерсти и других товаров горского хозяйства производилась не только на ярмарках и базарах, но и непосредственно в горских селениях и даже на горных пастбищах, куда приезжали скупщики. Часто они одновременно занимались и продажей и обменом товаров, а заодно и ростовщичеством. В развитии торговли особое значение имело широкое строительство дорог, мостов и т. д. В пореформенное время на Северном Кавказе получила большое развитие так называемая питейно-трактирная торговля. Естественно, что в первую очередь этот вид торговли был сосредоточен в крупных городах, но он широко практиковался повсеместно, в том числе и в горных аулах.

Весьма показательными являются данные об объеме и составе вывозимых и ввозимых на Северный Кавказ товаров. Объем вывозимых превышал объем ввозимых вдвое. Основными предметами вывоза были зерно, мука, жмыхи, отруби, пшено, кукуруза, растительное масло, табак, овощи, фрукты, сено, нефть и нефтепродукты, цемент, черепица, кирпич. Предметы ввоза: мануфактурно-галантерейные, бакалейно-гастрономические, москательно-химические товары, сельскохозяйственные машины и орудия, бумажные изделия, мыло, свечи, спички, мешки, обувь, веревки и т. п. Несмотря на заметное развитие в крае виноградарства и виноделия, на вывоз из края вина, количество ввозимых винно-водочных изделий и пива было значительно выше вывозимого.

Таким образом, уровень развития торговли на Северном Кавказе указывает на то, что к концу XIX в. край все еще был преимущественно аграрным, откуда промышленный, гораздо более капиталистически развитый Центр России получал большое количество сырья и куда он сбывал предметы производства своих фабрик.

Основными земельными собственниками в крае были местные князья помещики, Кубанское и Терское казачьи войска, гражданские и военные чиновники из царской администрации, а также войсковые старшины, государство, крестьянские общества, города и церковь. В первой половине 80-х годов XIX в. земельная площадь степного Предкавказья, которая служила объектом сельскохозяйственной деятельности крестьян и казаков, составляла около 14 млн дес. Из них: Надельные земли крестьян и казаков — 78,4% Земли частного владения 14,0% Войсковые запасные земли (казачьи) 3,9% Казенные и удельные земли 2,7% Земли городские, церковные и проч. 1,0%. Эти данные свидетельствуют о преобладании в системе землевладения надельной земли, которая занимала 78,4% площади, - это самый высокий процент в 49 губерниях Европейской России. Разница в земельном владении казачьих общин в Кубанской и Терской областях объяснялась тем, что в Терской области казачье население составляло 21,3%, т. е. одну пятую населения. Сельские земли (27,9%) принадлежали главным образом местным народам, которые составляли 63% населения области.

Особенность крестьянского надельного землевладения в Ставропольской губернии заключалась в том, что 99,3% надельной земли в 1881 г. принадлежало бывшим государственным крестьянам, а за бывшими крепостными числилось всего лишь 0,7% надельной земли. В итоге поземельного устройства бывших государственных крестьян Ставрополя к концу 70-х годов XIX в. средний надел составлял 16,7% дес. удобной земли на ревизскую душу. Но эти средние данные не могут вскрыть истинной картины состояния крестьянского надельного землевладения. Подавляющее большинство надельных земель, уравнительно данных крестьянам-беднякам, которые не имели средств обрабатывать и засеивать их, попадали в руки кулаков на правах аренды. По сведениям податного инспектора Ставропольского уезда, в 1889 г. по различным селам сдавалось в аренду почти до 40% земли крестьянского надела. В 1881 г. главными личными собственниками в Ставропольской губернии были дворяне, им принадлежало 72,8% частных земель, а крестьянам - только 5,9%. В 1896 г., т. е. через 15 лет, площадь дворянского земледелия сократилась в 2,3 раза и составляла 35,2%, в то же время

площадь крестьянского землевладения увеличилась более чем в 4 раза и составляла около 30%.

Образование частной земельной собственности в казачьих областях относится к 60-70-м годам XIX в. При этом возникло две формы сословной земельной собственности: участки казачьих офицеров и чиновников, которые отводились по Положению от 23 апреля 1870 г., и участки пожалованной земли «за службу на Кавказе», которые отводились дворянству и представителям царской администрации, не принадлежавшим к казачьему сословию. Все попытки царизма упрочить сословное землевладение казачьих офицеров и чиновников не увенчались успехом. Получив землю в частную собственность, представители казачьей старшины в большинстве своем не могли приспособиться к новым, капиталистическим условиям ведения хозяйства. Они предпочитали или продать выделенные им участки, или сдать в аренду. На Кубани уже к началу 90-х годов по разным отделам области было продано от 63 до 77% площади казачьих частных земель, а остальная ее часть почти полностью сдавалась в аренду. Аналогичная картина наблюдалась и в Терской области. Покупателями и арендаторами этих земель являлись главным образом крестьяне, купцы и мещане. Участки земли, пожалованные «за службу на Кавказе», также переходили в руки овцеводов-«тавричан». Так, из различных старых форм сословного землевладения капитализм создавал соответствующие ему бессословные новые формы землевладения и землепользования.

Особенно многообразными были формы землевладения и землепользования в горных районах Северного Кавказа. Крестьянская реформа здесь была проведена таким образом, что оставила за хозяевами пастбища, а это в условиях преобладания экстенсивного скотоводства ставило крестьян в исключительную зависимость от местных помещиков. В результате расслоения крестьян многие горцы быстро теряли землю, особенно пахотную. В 80-х годах пахотная земля между крестьяне-ми Кюринского, Кайтаго-Табасаранского и Темир-Хан-Шуринского округов распределялась так: из 50100 дворов 17,9% вовсе не имели земли, в 44,2% ее было в пределах до 2 дес. на двор, у 18,4% - от 2 до 3 дес., у 11,2% - от 3 до 5 и только 8,3 дворов имели более чем по 5 дес.

Арендные отношения получили в пореформенный период большое развитие. Формы аренды были многообразны: от капиталистической предпринимательской аренды в русских селах и станицах до традиционной издольщины у горских народов. Объектом

аренды были казенные, войсковые и надельные земли. Кулаки арендовали огромные массивы земель, создавая фермерские хозяйства. Роль надельного землевладения этим значительно уменьшалась. В Ставропольской губернии возможности вненадельной аренды в значительной степени расширились за счет земель кочевых народов Северного Кавказа. По мере развития капитализма, а следовательно, усиления процесса разложения крестьянства и расслоения казачества, росло значение аренды надельной земли. Уже в 70-х годах на арендованной земле создавались огромные овцеводческие экономии «тавричан» с большим числом наемных рабочих. Когда же к концу XIX - началу XX в. Предкавказье превращается в крупный район торгового зернового хозяйства России, то происходит быстрое втягивание всей земли в торговый оборот, «построение коммерческого земледелия на арендованной земле». Сословная замкнутость крестьянского и особенно казачьего землевладения породила и в значительной степени усиливала кабальные формы аренды; для громадного большинства иногородних аренда земли мелкими участками была тяжелой кабалой. В горских обществах сохранились кабальные виды издольщины, при которых крестьяне «исполну» обрабатывали земли кулаков и бывших феодальных владельцев или, вступая в товарищество с кулаками для совместной аренды земли, несли всю тяжесть этой аренды, работая и на владельца земли и на кулака, с которым вместе арендовали землю.

Сохранялась и такая кабальная форма залога земли, как «бегенда», при которой разбогатевшие землевладельцы брали в заклад участки бедноты с правом собирать урожай с этой земли.

Большого распространения достигла субаренда, при которой кулаки арендовали у казны или казачьих станиц большие участки земли, дробили их на мелкие и передавали крестьянам по значительно более высокой цене, наживаясь на земельной спекуляции.

Группировка хозяйств по рабочему скоту в условиях Северного Кавказа дает достаточное представление о процессе расслоения крестьян и казаков. Данные за 1890 г. показывают, что в Медвеженском уезде Ставропольской губернии бедняцкая группа составляла 49,3%, средняя группа - 38,1, зажиточная группа - 12,6%. Они свидетельствуют о быстрых темпах разложения крестьянства; быстро росли обе крайние группы крестьянского населения - беднота и кулачество. В этом заключалось существенное отличие Ставрополя от губерний Черноземного центра, где в процессе разложения крестьянства образование сельского пролетариата происходило значительно

быстрее, нежели образование сельской буржуазии. Крайние хозяйственные группы крестьянства росли за счет средней группы. Но здесь и средняя группа постоянно пополнялась за счет переселенцев, часть которых была крестьянами «среднего достатка». В руках кулаков было сосредоточено машин и орудий: в период 1887-1889 гг.-84,9%, а в 1900-1902 гг.-88%. Источником рабочей силы для кулацких хозяйств являлась сельская беднота, «иногородние» и масса ежегодно приходивших на заработки крестьян из губерний Европейской России. Наряду с капиталистической эксплуатацией наемных рабочих сохранилась полукабальная, отработочная форма эксплуатации крестьянской бедноты.

Процесс социально-экономического расслоения казачества Кубани и Терека имел свои особенности. Известно, что и в дореформенный период казачество не было однородным, в станицах шла ожесточенная борьба между трудовым казачеством и эксплуататорской верхушкой. Однако это имущественное неравенство было еще далеко от того, чтобы превратиться в «капиталистические отношения». Под влиянием капитализма, проникавшего в кубанские и терские станицы, постепенно рушились вековые устои казачьей самобытности. Главнначальствующий гражданской частью на Кавказе кн. А. М. Дондуков-Корсаков в августе 1886 г. с тревогой писал об этом: «Значительное количество паевых участков перешло в фактическое пользование иногородних». Это обезземеливание рядовых казаков практически означало постепенное исчезновение экономической основы казачества как военного сословия. В 1889 г. бедняцкая группа казаков составляла в разных отделах Кубанской области от 32,9 до 43,3%, средняя группа - от 45,5 до 49,0, зажиточная группа - от 10,2 до 18,1%. Таким образом, в конце XIX в. в казачьих станицах Предкавказья получило широкое распространение то же самое явление, которое наблюдалось в пореформенной российской деревне, т. е. уменьшение различными путями роли наделной земли. Следовательно, аграрный вопрос у казаков Кубани постепенно приобретал общие черты, свойственные аграрному развитию пореформенной России. Но если в среде пореформенного крестьянства России уже шел процесс разложения, или «раскрестьянивания», то среди кубанских казаков к началу XX в. социально-экономическое расслоение еще не достигло той степени, когда можно говорить о разложении казачества как военного сословия. В Терской области процесс социально-экономического расслоения казачества к концу XIX в. не достиг такого уровня, который

наблюдался на Кубани. Объясняется это тем, что капитализм еще в меньшей степени затрагивал терские станицы. Если в Кубанской области в 1897 г. хозяйства, имевшие наемных рабочих (как исключение - поденных), составляли 9,8%, то в Терской области - только 4,6% 39. Однако и здесь капитализм делал свое дело, а потому все усилия правительства, направленные на сохранение казачества как военного сословия в его прежней силе, были обречены на провал.

Сложным был процесс изменения социальной структуры и социальных отношений в горах, в первую очередь в Дагестане. Особенности проведения реформ 60-х годов привели к тому, что в руках местных дворян и царской администрации оказались громадные земельные владения. Это обстоятельство давало им возможность эксплуатировать большие массы крестьян (узденей и райятов) старыми методами. Хотя и была проведена унификация, люди были вынуждены устремляться в отход. В 90-х годах XIX в. удельный вес отходников в Дагестане был самым высоким не только на Кавказе, но и в России. Проникновение в горские аулы Кубанской и Терской областей капиталистических отношений ускорило процесс расслоения горского крестьянства у адыгов и карачаевцев, балкарцев и осетин, чеченцев и ингушей. Усилился рост имущественного неравенства, росло число хозяйств, не имевших ни земли, ни скота. По данным 1889 г., в Балкарии из 2307 хозяйств 404 не имели мелкого скота, 259 были безлошадными и 92 не имели крупного рогатого скота. В Кабарде не имели мелкого скота 5223 хозяйства, что составляло 48%, безлошадными были 2775 хозяйств - 26%. Эти данные показывают, как далеко зашел процесс имущественной дифференциации и разорения беднейших слоев. Аналогичными были данные и по Кубанской области, где даже у такого скотоводческого народа, как карачаевцы, 40% не имели мелкого скота и 20% были безлошадными. Однако и в этих областях развитие капиталистических отношений тормозилось обильными пережитками феодальных и даже дофеодальных отношений, поэтому процесс расслоения крестьянства не дошел до его разложения.

Основной общественной организацией, регулирующей вопросы внутреннего распорядка и землепользования, хозяйственную жизнь селений и взаимоотношения членов общин, осуществляющей контроль за нравственностью сельчан, оставалась сельская община. Однако характер ее, особенно в горских аулах, претерпел в пореформенный период значительные изменения. Часть крестьянских повинностей шла в пользу хозяев земли и государства. Нередко крестьяне со своим инвентарем выполняли

в хозяйстве хозяев различные отработки, это означало сохранение еще полуфеодальных форм зависимости и фактическое прикрепление крестьян к определенной земле. К такой зависимости вело полное безземелье или явная недостаточность у абсолютного большинства крестьян земли, рабочего и прочего скота, выпасов. Даже когда у крестьян земля была, у них, как правило, не хватало средств, чтобы вести хозяйство на необходимом уровне. Все это вело к усиленной имущественной дифференциации.

Большинству пролетаризованного крестьянства и бедняков противостояли немногочисленные группы магнатов и разбогатевших крестьян. Лишь немногие из них вели чисто капиталистическое хозяйство. Большинство же путем экономического принуждения использовали полуфеодальные методы эксплуатации широких масс горского населения. И хотя труд людей был малопродуктивным, в Дагестане к концу столетия образовалось большое количество избыточных рабочих рук. Из-за слабого развития капитализма в области, неразвитости промышленности и узости рынка они не находили применения на месте. Большинство функций общины перешло к административным органам - к старшине, назначаемому начальником округа, к его помощникам, писарю, казначею, общественным доверенным, сельским судьям. Только старшина мог собирать сход; вынесенное без него решение считалось недействительным. Землераспределительные функции общины также ограничивались ростом частного землевладения. Уравнительность общинного землевладения все более становилась фикцией, так как в течение всего пореформенного периода шел интенсивный процесс захвата общинных земель сельской верхушкой, концентрации земель в руках кулаков и обезземеливания основной массы крестьянства. Сама бессловность сельской общины пореформенного периода оказалась фикцией, так как в аулах наряду с полноправными коренными жителями росло число «иногородних», переселившихся из других аулов и не имевших права на земельный надел. Уменьшилась роль наделного землевладения и в связи с ростом арендных отношений. Стремление сельской верхушки к присвоению наделных земель проявилось в постоянном удлинении сроков переделов.

Если в 60-х годах переделы были ежегодными, то постепенно они стали производиться через 3, затем через 5 лет, а к концу XIX в. - через 9 лет и реже. По мере уменьшения землераспределительных функций общины, все более возрастали ее фискальные функции. Община использовалась правительством и кавказской администрацией для сбора налогов и обеспечения выполнения натуральных

повинностей. Единицей обложения был «дым», т. е. самостоятельное хозяйство. С «дыма» взималось от 3 до 4 руб 50 коп. независимо от того, сколько членов было в семье и каков был доход семьи. Это позволяло сельчанам перекладывать основную тяжесть налогов на плечи средних и бедных жителей. Кроме подымного налога, горские крестьяне должны были вносить воинский налог в размере 2 руб. 33 коп., сборы на содержание милиции, аульского правления, школы. Всего набиралось до 10 руб., а иногда и более. Натуральные повинности заключались в обязанности строить дороги, мосты, ремонтировать общественные здания. Особенно тяжелой была дорожная повинность, так как в горных условиях, когда дороги прокладывались в скальном грунте, это требовало очень большого количества рабочих рук, выделяемых аулом. И снова богачи находили способы освободиться, в крайнем случае откупиться от несения повинностей, а бедноте часто приходилось посылать единственного кормильца на общественные работы, отрывая его от собственных хозяйственных дел.

Высокое налоговое обложение приводило к росту недоимок. Так как население аулов было опутано круговой порукой, то за неуплату налога отвечало все селение. Несло оно ответственность и за любое преступление, совершенное в пределах сельской общины. Даже за все дорожные происшествия ответственность нес аул, к которому вела дорога. Все это делало общину одним из органов местного управления, поэтому кавказская администрация поддерживала патриархально-феодалные устои, препятствовавшие выходу из общин или даже временным отлучкам. Выход из общины был затруднен - для этого требовалось согласие родителей, справка об уплате всех налогов и решение сельского схода.

Горское население страдало от административного гнета, от своей неполноправности. Жители каждого села были прикреплены к месту своего жительства и даже на кратковременные отлучки из аула должны были получать письменное разрешение сельской администрации. Особенно усилился этот гнет в период контрреформ 80-х годов, когда сельское управление горцами было подчинено казачьей администрации Кубанской и Терской областей. За малейшую провинность горцев строго наказывали, выселяли из родных мест, облагали штрафами. Штраф раскладывали обычно на все дома аула поровну, поэтому страдали от них больше всего бедняки. Горцы должны были отвечать не только за совершенные ими преступления, но и за все нераскрытые дела на аульских землях. Администрация обычно даже не искала виновного

в краже, если следы украденного скота вели к аулу, а заставляла жителей аула уплатить стоимость украденного. Если же на аульской земле было совершено убийство, то все жители несли тяжелую кару.

Важнейшим показателем пореформенного развития капитализма на Северном Кавказе было формирование рабочего класса. Однако неполнота данных существующих источников затрудняет четкое определение количества рабочих.

На Северном Кавказе (без Дагестана) в конце XIX в. было 700 тыс. сельскохозяйственных рабочих. Все отряды рабочих Северного Кавказа формировались за счет как пришлого из старых промышленных центров страны, так и местного населения. Большое число местного безземельного населения (горцы и русские) не шло вовсе или шло в малом количестве в фабричные рабочие из-за отсталости производственных отношений или уклада жизни, традиций и т. д. Просто эти люди не были подготовлены к труду на крупном промышленном предприятии ни профессионально, ни психологически. Фабрика не нуждалась в людях, не способных управлять машинами. Поэтому привлечение на Северный Кавказ квалифицированной и даже малоквалифицированной рабочей силы извне было явлением неизбежным. Естественно, что рабочие, за счет которых в первую очередь формировались промышленные кадры в крае, принесли с собой не только профессиональные знания и навыки, но и более высокую общую культуру, пролетарскую психологию, опыт пролетарской борьбы.

Известны многие случаи, когда квалифицированные рабочие-революционеры, преследуемые охранкой и полицией, уходили из Ростова в города или на железнодорожные станции Северного Кавказа. К концу XIX в. уже успела пройти школу ученичества и приобрести профессиональные навыки заметная группа горского населения. Известно, что на Владикавказской железной дороге трудилось 149 осетин, 34 чеченца, 92 аваро-андийца, 87 кюринцев, столько же казикумухцев, 14 даргинцев, 5 кабардинцев. В общей сложности на железной дороге работало около 50 горцев. Это имело большое значение как начало и опыт формирования интернациональных кадров авангарда рабочего класса.

На кубинских угольных копях и Эльбрусском серебросвинцовом руднике рядом с русскими рабочими трудились осетины и карачаевцы. Перевозкой угля и руды занимались ногайцы. В период кратковременного расцвета Эльбрусского рудника па нем

находили работу в качестве главным образом подсобных рабочих и перевозчиков до двух тысяч горцев. Рабочим из местных народов, как правило, платили более низкую заработную плату, чем русским. От них требовали знания русского языка, которым владели лишь немногие.

Немало горцев в качестве рабочих и прислуги трудились также за пределами Северного Кавказа. По материалам переписи населения 1897 г. видно, что в европейской части России трудилось 356 уроженцев Дагестана (в том числе 74 в Москве и Петербурге), 993 уроженца Терской области (в том числе в Москве 189, на Дону и в Екатеринославской губернии - 317). Особенно много горцев работало в Закавказье, в первую очередь в Бакинской губернии.

Уроженцев Дагестана в Закавказье трудилось около 10 тыс. человек, из них свыше 2700 в Бакинской губернии; около 2 тыс. уроженцев Терской области зафиксировала перепись в качестве рабочих в Закавказье. Часть из них, обретя специальности, возвращалась на Северный Кавказ и становилась кадровыми рабочими.

Наиболее значительными были заработки на железной дороге, на цементных и металлообрабатывающих заводах, на нефтепромыслах и некоторых других предприятиях. В зависимости от разряда и стажа работы паровозные машинисты получали от 35 до 65 руб. в месяц, то же относится к машинистам у паровых котлов на нефтепромыслах, фабриках, электростанциях элеваторах и т. п. Слесари, кузнецы и им подобные рабочие получали 18-30 руб., другие, так называемые мастерские или квалифицированные рабочие, 30-36 руб. в месяц. Часть высококвалифицированных рабочих получала по 45-60 руб. в месяц. Довольно значительная часть рабочих (кочегары, стрелочники, молотобойцы и им подобные) зарабатывали по 15-20 руб., а часть (особенно женщины и подростки) - еще меньше. Условия труда повсеместно были крайне тяжелыми; длинный рабочий день (по 12-14 часов), антисанитария, недостаточная освещенность мастерских и цеховых зданий, плохая вентиляция и т. п. Рабочие Северного Кавказа, как и все рабочие России, были лишены элементарных прав, характерных для буржуазного общества. Но в крае это бесправие усугублялось отсутствием в XIX в. даже фабричной инспекции. А «Общество Владикавказской железной дороги», пользуясь безнаказанностью, ввело такие расчетные книжки, что даже официальные власти, черноморский губернатор были вынуждены признать, что это - свод незаконных требований к рабочим. Это бесправие хорошо понимали передовые

рабочие, что усиливало их стремление к борьбе не только за лучшие условия продажи своей рабочей силы, но и против политического строя.

Крестьянское движение в пореформенную эпоху развертывалось неравномерно. Подъем «волны» общественного возбуждения и революционного натиска масс, отбитый самодержавным правительством в середине 60-х годов XIX в., сменился ее временным спадом и переходом крестьян от открытых выступлений к упорной повседневной борьбе за свои ближайшие интересы.

Разнобой в масштабах, размахе, формах и способах крестьянской борьбы в среде невиданно пестрого по составу населения Северного Кавказа обусловлен различиями в уровне социально-экономического уклада, особенностями местного феодализма, обычного права, степенью прочности патриархально-родовых связей, своеобразием традиций, национальных черт и религиозного облика масс в том или ином уголке края, а также временем вовлечения их в водоворот хозяйственных связей. Не могли не сказаться в ту пору и попытки воздействия на них как противоборствующих частей местной верхушки и соседних владельцев, так и враждебно настроенных кругов из-за рубежа с целью использования движения социального протеста среди горцев, кочевников или казаков в корыстных целях укрепления собственных классовых позиций, разобщения разных народов и т. п.

Наиболее сильным потоком в крестьянском движении на Северном Кавказе оказались выступления государственных крестьян, которые открыто поднялись в период второй революционной ситуации в стране. Их волнения, прокатившиеся в 1878—1880 гг. по Ставрополю, были одним из самых значительных проявлений недовольства масс в ту пору в масштабах всей России. Оно возникло в связи с введением «владенных записей», что, по мнению крестьян, было «равносильно закреплению в крепостничество». Особенно длительной (1853-1885 гг.) и тяжелой была борьба крестьян с. Маслов Кут против помещиков Зотовых и Калантаровых. Открытое упорство проявило каждое пятое село Ставрополя, а в Новогригорьевском уезде 17 из 44, что составляло более трети их общего числа. Крестьяне «самовольно сместили волостных старшин», а «у старост отобрали должностные печати». «Громадная разъяренная толпа», «вооруженная палками, дрючьями и железными баграми», изгнала из села Дербетовки экзекуционную команду во главе с самим вице-губернатором. «Никакие меры губернского начальства не достигли желаемого (для правительства.— *Ред.*) результата». В борьбе против

стеснявшей их системы землеустройства и чиновничьего произвола крестьяне держались «всем обществом». Но высокая степень развития капитализма в степной полосе, резко проявившаяся в процессе «раскрестьянивания» масс, привела к тому, что, отвергая «владенные записи», беднота во главу угла ставила получение земли без всяких платежей (хотя бы только четвертой части надела), в то время как зажиточные крестьяне - «богача», которые имели «капиталец» и могли «взять в арендное содержание землю в потребном количестве и на стороне», добивались прежде всего «сложения круговой поруки», чтобы избавиться от уплаты взносов «за несостоятельных», «которых у них много». Толки бедноты сводились к мысли что было бы правильнее взыскивать подать с имущества, например со скота, а не с «ревизских душ», у которых ничего нет. Не оставалось в стороне от движения и казачество. Часть его открыто уже роптала на тягость поголовной воинской службы, которую приходилось отбывать на собственный счет, и выражала недовольство ограничением прав в распоряжении земельными и лесными угодьями, уничтожением выборной администрации, изменением порядка сходов станичников, ежегодным отрывом из дома на «сборы» во время полевых работ. «Явное неповиновение начальству» было оказано казаками ст. Полтавской на Кубани в 1873 г., что представляло, по оценке журнала «Вперед», откликнувшегося на это событие, уже «прямой протест» казачьей массы. Упорное сопротивление казаков, продолжавшееся с марта по май месяц, было подавлено воинской сплюю. В Дагестане, Осетии, Балкарии, в Кабарде и в среде других адыгских народностей, в Чечне и Ингушетии, а также в казачьих станицах процесс обострения социальных противоречий, который подспудно протекал повсеместно, ознаменовался рядом резких взрывов. В ауле Хатукаевском (в Кубанской области) в 1867 г. крестьяне «отказались ... от работы своим владельцам», ссылаясь на слухи «об окончательном освобождении их от рабства». Изменения в жизни горцев привели к тому, что «среди всех горских племен», как вынуждены были признать местные власти на Кавказе, к 80-м годам XIX в. «с особенного силою начали обостряться сословно поземельные вопросы», несмотря на то, что пробуждение самосознания крестьян в их среде тормозилось патриархально-родовыми пережитками и мусульманским духовенством.

Обострение национально-освободительного движения на Северном Кавказе в 80-х годах XIX в. было связано с усилением национального гнета, вызванного контрреформами 80-х годов. По этим реформам гражданское управление и гражданские

органы власти в Кубанской и Терской областях были упразднены и заменены военно-казачьими. Вместо уездов вся территория областей была разбита на отделы, в которые вошли и горские округа. Горское население было подчинено начальникам областей, которые одновременно были и командующими войсками. Они получили право без суда карать и наказывать горское крестьянство, арестовывать и подвергать штрафам горские сельские общества и отдельных их членов. Непосредственный контроль над горскими обществами осуществляли участковые начальники, которым была передана вся полнота власти. Они распоряжались финансами горских обществ и творили суд, следили за настроением населения и вели списки «подозрительных лиц», т. е. осуществляли полицейский надзор. Без ведома участкового начальника нельзя было проводить выборы сельских старост, которые теперь целиком зависели от казачьей администрации. Реакционность этих реформ резко критиковал К. Л. Хетагуров, живший в эти годы в Баталпашинском отделе. Он писал: «С преобразованием Баталпашинского уезда в отдел того же названия отношение к туземцам администрации, состоящей почти исключительно из казаков, изменилось к худшему. У них было отнято право выбора старшин, которые стали вербоваться по рекомендации участковых начальников атаманом отдела из кадров лакеев и вестовых, которые и в должности старшины остаются теми же покорными слугами начальников участка, а потому вся их деятельность, руководимая только усердием угодить начальству, идет совершенно вразрез интересам туземного населения».

Неудивительно, что волнения крестьян, еще более усилились. Среди выступлений горцев в 80-90-х годах серьезным было волнение в с. Христианском в Осетии. Там на сходе в 1884 г. «толпа», возмущенная злоупотреблениями старшины, расправилась с ним - бросила его в реку и дала отпор прибывшему туда подкреплению. 12 «зачинщиков» подверглись ссылке. Но крестьяне продолжали отказываться как от уплаты податей, так и от выполнения повинностей и распоряжений властей. Их сопротивление с бадеями вылилось в 1886 г. в прямую схватку из-за угодья у «Черного леса», где билось сразу несколько сот дровосеков с охраной и вызванной сотней казаков. Крупная вспышка «беспорядков» разразилась в 1884 г. и «между жителями» с. Сурхохи Владикавказского округа, куда «для восстановления» положения по требованию начальника Терской области 20 июля был срочно командирован 2-й батальон пехотного Тенгинского полка, и его пришлось там держать до полного «восстановления порядка и спокойствия».

В 1887 г. сопротивление крестьян в Средней Ачалуки (тоже Владикавказского округа) своему старшине привело к схватке, в которой произошло убийство нескольких односельчан, а в ауле Хакуриновском Майкопского уезда и к еще более крупному выступлению. «Толпы горцев в несколько сот человек, в числе которых были и женщины», вооруженных «кольями, палками и кинжалами», напали на местного старшину с требованием выдачи им призывных списков для отбывания воинской повинности и приговора схода относительно ее выполнения «не натурой», а платежом определенной денежной суммы, причисляемой к «подымной подати». Старшина был «вытащен из правления», ему и эфенди нанесены «побои палками» и две раны кинжалом, а «означенный приговор... тотчас же был изорван в клочки». Но наиболее яркая вспышка возмущения крестьян произошла в Балкарии. Считая весь лес, покрывавший склоны Баксанского ущелья, своею собственностью, горцы с 1889 по 1897 г. боролись за бесплатное пользование им. А в день байрама собравшиеся заявили, «что не желают молиться» и слушать эфенди, который стоит на стороне богатых. Сам же эфенди, исполнявший у них обязанность более сорока лет, был обруган и изгнан со схода. Позже зачинщики этого выступления были арестованы, а 78 человек подвергнуты за «самоуправство» штрафам. Значительные выступления произошли в 80-90-х годах в старых очагах крестьянской борьбы в русских и украинских поселениях на Ставрополье, Кубани и Тереке. Однако общей отличительной чертой классовой борьбы в деревне в 80-90-х годах XIX в. было почти полное отсутствие одновременно разгоравшихся открытых массовых крестьянских выступлений. Несколько волн негодования горских, русских и украинских крестьян и казаков вызвали лишь 2 сильных, но все же разрозненных всплеска их, а «частые *ежегодные* бунты между рабочим народом, приходящим из разных губерний Российской империи на заработки» нередко доходили здесь «до *всеобщего* восстания» 48 рабочего люда. С начала 80-х и до середины 90-х годов в крае произошло 4 крестьянских выступления по Ставрополью (в 1883-1886 гг.-1, в 1890 г.- 2 и в 1892 г.-1), 4 на Кубани (в 1884, 1887, 1888 и 1891 гг.), 2 из которых с вводом войск, и 2 – в Терской области (в 1887 и 1894 гг.). Относительно большого подъема и напряжения массовое движение в это время достигало дважды: в 1883-1885 гг. в связи с движением крестьян за землю, а затем в 1888-1894 гг., когда горские, русские а украинские крестьяне и казачество Северного Кавказа выступили против сомнительных и «крайне убыточных для них» карантинных мер по прекращению чумы среди скота. Эти меры

протекали в обстановке «общего озлобления народа». «Чумные бунты» являлись движением не только против убоя зачумленного скота, в них отразился протест против произвола властей. «Противочумные меры стеснения» явились причиной глухого «неудовольствия в крестьянской среде, в большинстве не видящей пользы от этих мер, но тяжело чувствующей вред от них». Одновременно с порывами открытого крестьянского протеста и малоприметными формами их повседневной, будничной борьбы нарастало и углублялось движение наемных сельскохозяйственных рабочих, которое, несмотря на сезонный характер, играло громадную роль в жизни народов Северного Кавказа. Переход крестьянского движения от сравнительно мощных взрывов борьбы к менее «воинственной» форме, наблюдавшейся в крае на протяжении длительной полосы, не означал, однако, общего ослабления натиска на остатки средневековья в деревне. «Вольнодумством и своеволием», по словам официальных документов, на южных окраинах России в 80—90-х годах XIX в «заражаются» и «славятся» уже не только целые села (вроде Михайловского в Ставрополье или Дурноселовки на Кубани, которые в течение многих лет представляли собой «гнезда неповиновения властям», заметно выделяясь в этом отношении «между всеми селами» обширного края), но и почти вся масса сельского населения региона.

Борьба рабочих заставила с собой считаться с первых же шагов как основной восходящей силой в капиталистическом обществе, несмотря на то, что проявлялась она тогда по большей части в виде «разъяренной» и «необузданной», по словам подрядчиков, «стихии». И первая весть о том разнеслась по Северному Кавказу еще в эпоху падения крестьянского права в России - непосредственно в связи с крестьянской реформой 1861 г., которая коснулась и горнозаводского люда в Осетии и Карачае. Много лет подряд властям не удавалось усмирить горнозаводских рабочих на Садонских рудниках и Алагирском заводе, за плечами которых был опыт, и в других старых промышленных центрах на Урале, Алтае и на Украине. Более 10 лет сопротивлялись они, упорно не допуская ввести у них в действие уставную грамоту. Немало хлопот и беспокойства доставили властям также рабочие, занятые добычей угля на руднике в верховьях Кубани. Наиболее ощутимо массовое возмущение проявлялось на самых крупных в крае капиталистических новостройках - железной дороге и рудниках, на цементных заводах, в торгово-промышленных центрах и на рынках найма рабочей силы, - где ветшали волны открытого протеста рабочего люда.

Так, известный отклик получило стихийное восстание в предгорьях Кавказа на строительстве Ростово-Владикавказской железной дороги. В 1875 г. «Санкт-Петербургские ведомости» писали, что рабочие, которые шли, прокладывая линию «от самого Ростова», надеялись, что с наступлением весны «подрядчик ... надбавит им цену, как хорошим прибойщикам». Однако они ошиблись в расчетах. Ибо, едва заметив в среде русских рабочих «поползновения к стачке», изворотливый заведующий стройкой постарался тут же избавиться от них, для чего «обратился в аулы», где имелось много дешевой рабочей силы. В итоге переговоров «татары, лезгины, а также и грузины предложили свои руки за меньшую плату». Чтобы подавить протест в самом начале, подрядчик прибег к расколу и противопоставлению одних рабочих другим, всячески привлекая на свою сторону более выгодных ему местных отходников, которых стал снабжать «белым хлебом и свежими баранами». Работа оттого не пошла скорее, так как двое совсем не знакомых с делом рабочих «не стоят», по словам самих предпринимателей, и одного опытного прибойщика, но цель - избавиться от непокорных, требовательных ростовских рабочих - была достигнута. Возмущенные коварством капиталистических подрядчиков, рабочие «возроптали» - им от самого Ростова всегда поставляли только «черствый ржаной хлеб да непригодную уже к употреблению говядину, которую завозили издалека». Брань и драки с администрацией на этой почве стали обычным явлением. Самая большая драка разразилась в 1875 г. Она превратилась в подлинную драму. Ибо из-за отказа выдать одному захворавшему русскому рабочему белого хлеба (даже «ради праздника») вся масса ростовских прибойщиков стала напирать на заведующего работами, требуя, чтобы и им всем непременно дали белого хлеба (а в тот день, «как нарочно», выданный рабочим ржаной хлеб «был черствым более, чем когда»). За этим требованием, как заметил очевидец событий, скрывалось больше желания «не столько самого хлеба, сколько уступок», изменения условия работы, «чтобы и им давали, чего они хотят». Попытка рабочих добиться своего была отвергнута. Когда же они самовольно «бросились отбивать хлеб», произошла ожесточенная схватка. Избитые рабочие были еще и обвинены в стачке. «Обвиняя русских рабочих в бунте», заведующий работами Кульчицкий подверг их еще и разным оскорблениям, взял сторону обидчиков. В итоге вся масса рабочих бросила работу, насильственным образом потребовала уплаты приходящихся им денег и занимала «с бою места в вагонах». Первые выступления «рабочего люда» наглядно показали, что рабочие

порывают с покорностью перед начальством, теряют исконную веру в незыблемость давящих их порядков и начинают чувствовать необходимость коллективного отпора. Порывы стихийного протеста, прекращение работ на рудниках, в угольной шахте, на стройках железной дороги заставляли предпринимателей «во избежание новых недоразумений и споров» и ради прибыли лавировать, иногда делать уступки рабочим, что воспринималось рабочими как непосредственный результат их борьбы. Но всякий раз буржуазия стремилась компенсировать эти уступки новым давлением на жизненный уровень трудящихся.

«Самовольство» рабочих на Северном Кавказе отличало их от «покорных» рабочих Урала и других мест, где работные люди были более скованы особенностями быта и традициями старого уклада. На Северном Кавказе, «нанимая сто человек, можно рассчитывать,- как писали местные подрядчики министру внутренних дел в своем прошении,- не более как на 70 человек, которые останутся на работе до окончания срока найма» А остальные? Они, оказывается, все «самовольно уходят на другие заработки, без письменных видов, не отработав иногда и четверти задаточных денег».

Крупные «беспорядки» произошли в среде железнодорожных рабочих ст Верхнебаканской в 1885 и 1886 гг.; большая стачка вспыхнула в среде строительных рабочих при прокладке Новороссийского шоссе в 1892 г., а выступление шахтеров на Садонском руднике в 1891 г. явилось замечательным предшественником нового этапа борьбы рабочих Северного Кавказа - совместных, интернациональных по своей природе выступлений рабочих. В ходе борьбы проявилась общность интересов русских, осетинских и других рабочих рудника, их классовое единство. «Русские и осетины-шахтеры грозили... десятникам за обмеры». Рабочие добились успеха, побудив начальника округа распорядиться о выплате им дополнительно 1100 руб. Таким образом, трудящиеся края были готовы к активному участию в революционных событиях в стране в начале XX в. Это объясняется тем, что уровень и характер классовой борьбы здесь определялись не только быстрым развитием капитализма, но и всем освободительным движением в России. Особое влияние на рабочих и крестьян Северного Кавказа оказывали передовые рабочие (в первую очередь железнодорожники) Ростова. Руководители ростовских рабочих были инициаторами создания в конце 80-х годов марксистских кружков в главных хозяйственных центрах края. В 1894 г. в Ростове произошла примечательная для рабочего движения стачка рабочих Главных мастерских

Владикавказской железной дороги. Как отмечала в 1902 г. ленинская газета «Искра», эта стачка была первым «крупным проявлением массового рабочего движения 90-х годов, руководимая социал-демократами». Стачка оказала большое влияние как на рабочее движение в крае, так и на образование здесь социал-демократи.

Кубанская область – аграрная окраина огромной империи с её специфическим населением, не была в эпицентре выступлений революционеров 60-х–80-х г. XIX в. но на её территории действовали отдельные лица и группы, связанные с народническим движением. Немало кубанцев из числа учащихся в столице и в других городах, где были высшие учебные заведения. Вовлекались в деятельность организаций народников.

Ещё в начале 60-х г. учитель Екатеринодарской гимназии Николай Иванович Воронов установил связи с редакцией лондонского «Колокола» и стал корреспондентом А.И. Герцена и Н.П. Огарёва на Северном Кавказе. Руководители «Колокола» рассматривали край как один из возможных районов восстания против самодержавия. Лондонский революционный центр поручил Воронову наладить связь с Петербургским кружком общества «Земля и воля», а также организовать пути доставки революционных изданий на Юг России, один из маршрутов которых пролегал через Екатеринодар. Но в сентябре 1862 г. Н.И. Воронов был арестован и после шестимесячного заключения в Алексеевском рavelине был выслан в Закавказье под гласный надзор полиции.

В 1870 г. кубанцы, учившиеся в Кавказской духовной семинарии и находившиеся под влиянием идей Н.Г. Чернышевского, создали ремесленную артель, в которой готовили себя к «хождению в народ». Вскоре они отправились в станицу Бриньковскую Ейского отдела для того, чтобы своим примером показать казакам преимущества социалистического производства. Входили в эту группу будущий известный кубанский историк и статистик, уроженец станицы Новодеревьянковой Фёдор Андреевич Щербина, а также племянник другого, не менее известного историка казачества генерала И.Д. Попки Григорий Анфимович Попко, родом из станицы Тимашевской. Однако попытка организации социалистической формы хозяйствования не получила поддержки со стороны бриньковцев. Станичники даже заподозрили кооператоров в связях с нечистой силой, и, в конце концов, первая кубанская коммуна закончилась полным крахом.

Перебравшись в Одессу, Щербина и Попко организовали здесь народнический кружок пропагандисткого направления. Кроме того, они поддерживали связи с

«Южнороссийским союзом рабочих» – первой пролетарской организацией, возглавляемой Е.С. Заславским. Познакомились кубанцы и с другим видным революционером народником А.М. Желябовым, наладившего получение подпольной литературы из-за границы. В сентябре 1876 г. в Одессе был убит рабочий В. Тавлеев, которого народники посчитали платным агентом полиции. Жандармские власти подозревали в убийстве Тавлеева Фёдора Щербину. Но доказать это не удалось, несмотря на то, что сам Александр II проявил большой интерес к случившемуся и настаивал на отыскании виновных. Попко же выехал к себе на родину, где пытался вести агитацию среди казаков.

На Кубани к этому времени активно действовали и другие народники. На ферме близ Анапы вёл пропаганду известный земледелец, уроженец станицы Полтавской Адриан Фёдорович Михайлов. В станице Бекешевской распространяли народнические издания братья Иван и Евсей Победоносцевы. В октябре 1875 г. сначала в Темрюке, затем в Екатеринодаре, в станицах Титаровской, Мышастовской и Сергиевской действовал известный народник Лев Гартман. Вскоре он был задержан полицией с подложным паспортом и запрещёнными книгами. «Главным пропагандистом в ближайшем околотке» считали органы полиции учителя станицы Петровской К.Е. Юшко. В станице Усть-Лабинской действовали супруги А.М. и С.Н. Богомолец. В Армавире в народнической среде большое влияние имел В.И. Лунин, бывший секретарь Н.Г. Чернышевского.

Российское революционное движение развивалось в это время главным образом по направлениям, в основе которых был призыв к всеобщему бунту и организация захвата власти путём заговора. Идеологи революционного пути развития общества располагали весьма отдалёнными знаниями о своём народе. Они получали представления о нём из литературы и народных песен. Помещик, священник, купец, казак, полицейский куда ближе стояли к народу и понимали его лучше, чем профессиональные революционеры. Руководители народнических организаций, эгоистические интерпретаторы чужих философских учений выбрасывали из них или изменяли, как им казалось, второстепенные положения, навязывали рядовым товарищам по партии непроверенные, слабо аргументированные идеи и превращали их в программы действий. Увлекая за собой доверчивую и романтически настроенную молодёжь, они шли напролом, давя всё, что не соответствовало их теоретическим представлениям. Они отвергали постепенное

реформирование, не оставлявшее им надежд на сколько-нибудь видное положение в административно-бюрократической иерархии державы. Могли ли претендовать на серьёзную карьеру недоучившийся студент из станицы Зассовской Владимир Будзинский, заурядный литератор из Ейска В.Г. Богораз, его земляк, присяжный поверенный Григорий Прозрителев? Они превосходно понимали, что только революция в силах вознести их на вершину, дать всё и сразу.

Летом 1879 г. на Кубань приезжает видный революционер Осип Аптекман с целью завязать связи с местными кружками. Он проинформировал кубанских народников о Воронежском съезде «Земли и воли», взявшего курс на цареубийство, и заручился их обещанием наладить доставку оружия в Петербург.

Несколько раньше часть народников, уроженцев Кубани, разочаровавшись в пропаганде и организации поселения, стали искать более короткие пути в революции. На путь террора встал Г.А. Попко. Он вошёл в группу, которая намеревалась выехать в Петербург с целью расправы над градоначальником генерал-адъютантом Ф.Ф. Треповым, личным другом Александра II. Однако террористов опередила Вера Засулич, явившаяся 22 января 1878 г. в канцелярию Трепова и стрелявшая в него. Весной 1878 г. в поле зрения террористов оказался киевский жандармский адъютант барон Б.Э. Гейкинг. Этот полицейский обладал талантом сыщика, хорошо проявил себя в розыске активных противников царского самодержавия. Поэтому члены народнической организации «Земля и воля» решили его убить. Произвести покушение взялся Г.А. Попко. Он выследил полковника Гейкинга во время прогулки и всадил ему в бок кинжал. Уложив подбегавших полицейских выстрелами из револьвера, Попко скрылся, но в августе 1878 г. был арестован. Его приговорили к каторге в Восточной Сибири, где Григорий Попко и умер.

В группу под громким названием «Террористическая фракция партии «Народная воля» входили уроженцы Кубани П.И. Андреюшкин и Н.А. Рудевич. Пахомий Иванович Андреюшкин был уроженцем станицы Медведовской, внебрачным сыном крестьянки и богатого грека. Он окончил Кубанскую войсковую гимназию в Екатеринодаре, а осенью 1886 г. поступил на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета. Здесь он и вошёл в группу, члены которой собирались убить Александра III бомбой, начинённой отравленными пулями. «Андреюшкин, — вспоминал о нём современник, — по внешности напоминал сурового казака Тараса

Бульбу, проявил, однако, некоторую сентиментальность [...] мастерски пел за душу хватающие малороссийские песни. Слушая его песни, я удивлялся тому богатству чувств, которые таились в этом на редкость мужественном человеке. Как известно, этот сентиментализм Андреюшкина привёл к провалу всего дела, к неудаче покушения». То, что мемуарист именовал «сентиментализмом», на самом деле было вызвано чисто ребяческой похвальбой. В ряде своих писем, перлюстрированных полицией, Андреюшкин горделиво сообщал о своей причастности к террору. Два таких письма получила екатеринодарская народная учительница Анна Сердюкова, жестоко за них расплатившаяся на суде вместе с террористической группой. Полиция установила за Пахომием Андреюшкиным слежку, которая закончилась 1 марта 1887 г. арестом всех метальщиков и сигнальщиков на Невском проспекте, где предполагался проезд государя. Как знать, если бы не этот эпистолярный зуд Андреюшкина, покушение на Александра III могло бы завершиться успехом.

Заговорщики авантюристического пошиба придерживались зачастую следующего нравственного принципа: революционеру дозволено всё – обман, ложь, шантаж, угрозы, применяемые не только к врагам, но и к товарищам по революционной борьбе. Это видно на драматичной судьбе другого кубанца Николая Авксентьевича Рудевича. Он родился в Ейске, в семье полицмейстера, окончил Кубанскую войсковую гимназию и поступил в петербургский университет. Посещая квартиру своего друга и земляка Пахомия Андреюшкина, он случайно сделался помощником в приготовлении азотной кислоты. Сначала он думал, что участвует в студенческих химических упражнениях Пахомия. Потом, из признаний последнего, выяснил, что помогал готовить сырьё для динамита. Андреюшкин не скрыл и того, что состоит в террористической группе, что ему предназначено быть одним из метальщиков бомб. Рудевич возмутился таким вероломством товарища. Тогда один из руководителей группы Пётр Шевырёв в ультимативной форме предложил продолжать Рудевичу изготовление кислоты, пригрозив, что в противном случае группа вынуждена будет «сплавить» его. Лишь вмешательство А.И. Ульянова поспособствовало отъезду Н.А. Рудевича за границу. 5 мая 1887 г. Пахомий Андреюшкин со словами «Да здравствует «Народная воля!» взошёл на эшафот...

Многие молодые люди тогда верили народническим вождям, и воодушевляемые утопическими идеями слепо следовали за своими поводырями, не задумываясь о

последствиях. Поскольку утопия построена быть не может, на то она и утопия, попытки её воплощения приводят к насилию над народом. В этом главная трагедия русского революционного движения, в которое оказались втянутыми и уроженцы Кубани.

Для борьбы с революционным движением на Кавказе в феврале 1905 г. правительство восстановило наместничество, упраздненное в 1882 г. На наместника на Кавказе гр. Воронцова- Дашкова было возложено в качестве первой задачи «безотлагательное водворение на Кавказе спокойствия». Наместник подавлял революционное движение суровыми карательными мерами и в то же время говорил о необходимости проведения на Кавказе экономических и других социальных реформ (в том числе о введении земства), направленных на сужение социальной базы революционного движения в крае путем отрыва от него либеральной буржуазии и рассчитанных в конечном счете на подавление революции в крае.

Наиболее крупным выступлением сельскохозяйственных рабочих в это время была стачка-демонстрация в имении бар. Штейнгеля под Армавиром. В ней приняли участие 1500 человек. Рабочие в ряде имений в Карачае и Черкесии отказались убирать урожай; 36 стачек произошло в Лабинском, Майкопском и Баталпашинском отделах на Кубани. Под влиянием революционной борьбы рабочего класса на Северном Кавказе весной и летом 1905 г. усилилось крестьянское движение, возросла политическая работа социал-демократических организаций среди крестьянства. В дни июльской стачки рабочих Владикавказской железной дороги крестьяне Кубани отказывались от платежа податей и угрожали местным властям закрыть сельские управления, уничтожить делопроизводство. В Ставрополье крестьянские волнения проходили за раздел казенных и помещичьих земель, за предоставление крестьянам права пользования казенным лесом. Наибольшее развитие крестьянское движение в губернии достигло в Медвеженском, Александровском, Прасковейском уездах губернии. Осенью 1905 г. крестьяне села Прасковейского разделили казенные земли, находившиеся в арендном пользовании крупного собственника Рудометкина. Активно проходило крестьянское движение в Дагестане, в особенности в Темир-Хан-Шуринском и Кайтаго-Табасаранском округах. В организации крестьянской борьбы Темир-Хан-Шуринского округа большую роль сыграл «Крестьянский центр». Центр возглавляли Д. Э. Коркмасов и П. Ковалев. В руководстве центра были также Чирив-Мурза из Атлыбоюна, Ибрагим-Хаджи из Джегунтая, Муртаза-Хаджи из Ахатля и др. Весной 1905 г. «Крестьянский центр» организовал ряд открытых выступлений крестьян против помещиков. Наиболее упорным, организованным было вооруженное выступление крестьян Атлыбоюна и Тарки в апреле 1905 г., потребовавших у князя Тарковского вернуть захваченный им участок земли.

Выступление крестьян было подавлено с помощью войск, но князь, боясь новых выступлений, вынужден был вернуть крестьянам часть захваченного участка.

По примеру тарковцев и атлыбоюнцев в борьбу включились крестьяне селений Кяхулай, Альбурикент, Герменчик, Шам-Хал-Гермен, Кумторка-ли, Кафиркумух, Ишкарат и др. В Кайтаго-Табарасанском округе, где на аграрное движение оказывало влияние выступление рабочих Баку и Дербента, райяты почти повсеместно отказались платить повинности бекам, а в ряде мест приступили к захвату бекских земель и к порубке лесов. Особой остроты движение райят достигло весной 1905 г. в селениях Марата, Дарвах, Хучни, Александркент, Гайпанкент, Великент.

Массовый характер приняло аграрное движение в Осетии. В мае-июне крестьяне вновь разгромили лесную стражу и рубили лес во всех казенных дачах Владикавказского округа. Были захвачены казенные земли общества «Алагир», церковные земли в Ногкау, Дарг-Кохе и других местах. Крестьяне травили покосы землевладельцев.

Под влиянием рабочего движения активизируется борьба чечено-ингушского крестьянства. Малоземельная и безземельная крестьянская беднота Грозненского, Веденского и Назрановского округов захватывала частные, войсковые, казенные земли, лесные участки, рубила лес, изгоняла представителей царских властей, отказывалась платить налоги и т. д. Весной 1905 г. были захвачены и распаханы крестьянами с. Чишки казенная поляна «Керлан-Бассе», а ингушскими крестьянами из с. Сурхахи - земельные участки и общественные земли. Летом 1905 г. вместе с аграрным антикрепостническим на Северном Кавказе также развернулось национально-освободительное движение. Главной движущей силой его было горское крестьянство, а не национальная буржуазия. Крестьянство, борясь за разрешение аграрного вопроса, боролось п за национальное освобождение.

Во многих сельских обществах крестьяне смещали правительственных старшин и писарей и вместо них выбирали бедняков. Так поступили в 13 сельских старшинствах Чечни: Сальбюринском, Богочароевском, Нижелоевском, Ачалоевском и в других, включавших селений и 23 хутора. Они перестали платить налоги. Широкое развитие это движение получило и в Осетии, охватив в мае и первой половине июня 1905 г. Салугардан, Христиановское, Ардон, Батакаюрт и другие селения Владикавказского округа. Под давлением народного движения в середине июня 1905 г. институт

правительственных старшин был в области отменен, и они стали избираться па сходах крестьянских обществ, однако с последующим утверждением их начальником области. С целью успокоения народа в области были проведены и некоторые другие меры, среди них - восстановление Назрановского округа, населенного ингушами и упраздненного в 80-х годах XIX в., возвращение в состав Нальчикского округа Малой Кабарды, которая раньше вместе с Ингушетией была переведена в состав казачьего Сунженского отдела. Наконец, в июне 1905 г. наместник предложил объявить горцам, что «в самом непродолжительном времени будет приступлено к работам по землеустройству жителей нагорной полосы Терской области». Отдельные уступки, сделанные властями под напором народного движения, и обещанные реформы породили среди значительной части горского крестьянства иллюзии, надежду на милость царя, непонимание того, что без свержения самодержавия невозможно уничтожить гнет помещиков, получить политическую свободу. Эти настроения пытались использовать горские либералы.

Осенью прокатилась мощная волна выступлений солдатских масс края. Вместо отдельных выступлений, имевших место в июле 1905 г. на Тереке, восстания и волнения произошли почти во всех крупных гарнизонах края. Среди солдат и казаков революционно-пропагандистскую работу вели «военные бюро» социал-демократических или военно-революционных организаций, как было во Владикавказе, где при тесном сотрудничестве с Терско-Дагестанским комитетом РСДРП с лета 1905 г. работала Владикавказская военно-революционная организация. Первыми выступили солдаты 81-го пехотного Апшеронского полка во Владикавказе, пополненного вновь призванными запасными. Ближайшим поводом восстания, начавшегося октября, была задержка запасных на службе. Утром 28 октября солдаты отказались идти на строевые занятия и вместе с вопросами, касавшимися улучшения быта, предъявили начальству, как докладывал генерал Трепов царю, «совершенно невыполнимые требования»: немедленное увольнение со службы, освобождение от патрулирования по городу, а рядового Ментишашвили, обвинявшегося в подпольной политической работе, - из заключения. Свои требования солдаты «сопровождали шумом и бранью по адресу офицеров». 29 октября положение в полку стало настолько напряженным, что, по признанию властей, «можно было ожидать катастрофы». Для подавления восстания командующим Кавказским военным округом было приказано использовать артиллерию, казачьи и другие части города. Во Владикавказ были переброшены 5 казачьих сотен с

Кубани. Ввиду «явного восстания» апшеронцев и разраставшегося в крае революционного движения гр. И. И. Воронцов-Дашков телеграфно просил Петербург срочно направить в округ две кадровые дивизии и немедленно демобилизовать запасных. После подавления восстания было арестовано 23 солдата. Был поставлен вопрос о переводе мятежного полка из Владикавказа и об открытии в городе сессии временного военного суда. Терско-Дагестанский комитет РСДРП призвал в своей прокламации солдат на защиту арестованных руководителей восстания:

Несмотря на поражение восстания 81-го пехотного Апшеронского полка, в ноябре началась полоса восстаний и волнений в других воинских частях края. В начале ноября выступили солдаты 82 пехотного Дагестанского полка в Грозном, предъявившие требования: «Уменьшить срок службы, уволить в запас отслуживших свой срок службы, не посылать солдат на усмирение забастовщиков». Десятого ноября солдаты 249-го Майкопского резервного батальона в Ставрополе выступили в знак протеста против слежки за солдатами, посещавшими революционные сходки. Разбив цейхгауз и взяв боевые патроны, они, вооружившись, прогнали офицеров и вышли из повиновения. Но, поверив обещаниям своего командования об удовлетворении предъявленных требований, солдаты на второй день сдали боевые патроны, волнение солдат прекратилось. 16 ноября восстали солдаты 252-го Анапского батальона в Екатеринодаре. Восставшие отстранили командира, захватили знамя батальона, заняли батальонную канцелярию, избрали своим командирам унтер-офицера Соловьева. Восстанием руководил солдатский комитет, первый на Северном Кавказе. В требованиях солдат, состоявших из 40 пунктов, наряду с вопросами об улучшении быта солдат были: освобождение из-под ареста всех политических заключенных, отмена смертной казни, свобода слова, собраний, запрещение использовать солдат на полицейской службе, отмена офицерской прислуги и др. Однако восстание не имело прямых связей с рабочим движением, не было поддержано другими частями гарнизона. Воспользовавшись этим, власти сумели внести раскол в ряды солдат, которые после удовлетворения некоторых требований изъявили покорность. Руководители восстания были осуждены, а унтер-офицер Соловьев казнен.

Из солдатских выступлений края накануне Декабрьского вооруженного восстания наиболее организованным и упорным было восстание солдат 250-го Ахульгинского батальона в Пятигорске, продолжавшееся две недели, с 17 по 30 ноября. К ахульгинцам

присоединились солдаты 2-го дивизиона Кавказской резервной артиллерийской бригады и местного лазарета. Таким образом, восстание охватило весь гарнизон города. В первый день солдаты отстранили всех офицеров и вместо них избрали командиров из своей среды. Командиром батальона был избран унтер-офицер С. Александров, начальником гарнизона - фельдфебель Ф. Мариненко, руководил восстанием «Совет выборных солдат». Совет утвердил «Дисциплинарный устав», выработал требования восставших, включавшие наряду с экономическими и политические: отмена военных судов с заменой их судом присяжных, прекращение посылки солдат на подавление рабочих, крестьянских и солдатских выступлений, свобода собраний для солдат и др. Восстание нашло горячий отклик среди горожан, 17 ноября на митинге солдат собралось 6-7 тыс. человек. Власти не рискнули прямо отвергнуть требования восставших, затягивали переговоры с ними, собирая тем временем силы для того, чтобы «решительно покончить, - как требовали власти из Тифлиса, - с восстанием в Пятигорске». Командование решило подавить восстание вооруженной силой. После решительного предупреждения «Советом выборных солдат» наместника о том, что направлявшиеся в Пятигорск казачьи части будут встречены артиллерийским огнем, эшелон с казаками был возвращен. Став хозяином гарнизона, Совет установил несение службы в частях гарнизона, проводил строевые занятия. Солдаты и командиры показывали высокую дисциплину, военную выучку и умение. Это было показано, в частности, 26 ноября на параде войск, проведенном по решению Совета. В этот день, доносил военный министр, восставшие «самовольно и не стесняясь приезда в г. Пятигорск командующего корпусом, устроили парад, причем командовал последним унтер-офицер Савва Александров, а принимал парад старший между восставшими фельдфебель Федор Мариненко - за начальника гарнизона».

Встретив исключительную организованность и единство солдат батальона, власти вынуждены были удовлетворить многие требования, касавшиеся быта и условий службы, обещали, что никто из восставших не пострадает. После этого Совет решил прекратить восстание. 1 декабря 1905 г. были уволены в запас солдаты призыва 1901-1902 гг., а с ними и члены Совета. В то же время было предложено властям вести следствие «вне очереди и без всякого промедления» Под влиянием восстания Ахульгинского батальона в конце 1905 г. произошли солдатские выступления и в других гарнизонах: брожение в Апшеронском полку во Владикавказе, в 84-м пехотном

Ширванском полку в Хасавюрте, в 252-м Анапском резервном батальоне в Екатеринодаре, в местной команде в Моздоке.

К политической забастовке в Новороссийске, начавшейся 8 декабря, примкнули, кроме железнодорожников, рабочие заводов, мастерских, матросы, работники торговых заведений, учащиеся гимназии. На многолюдных собраниях, проводившихся 8-12 декабря, в городе был создан Совет рабочих депутатов, в который входили большевики, меньшевики и эсеры. На сторону восстания фактически перешел гарнизон города численностью более 1500 человек. Царская администрация бежала из города, власть была захвачена без всякого сопротивления. В этом заключалось своеобразие Новороссийского восстания. Совет рабочих депутатов, который, опираясь на боевую дружину, установил революционный порядок, представлял собой зачаток новой, революционной власти. Для укрепления власти Совет провел ряд важных мер. С мерных дней восстания он занимался увеличением военных сил. В Новороссийском округе отряды дружинников разоружили полицию, собирали оружие у крестьян. Восставшим рабочим Новороссийска была доставлена тысяча ружей из Гагры, оказана военная помощь Гурийским комитетом РСДРП. Изготовлением оружия занимались также сами рабочие города. Все это позволило вооружить тысячу рабочих. Совет закрыл правительственные учреждения губернии, округа, заставил городскую думу выполнять свои предписания, приступил к созданию народного суда, контролировал работу почты и телеграфа. В деятельности Совета большое место заняло решение рабочего вопроса. Для оказания помощи безработным был установлен налог па капиталистов, предприниматели обязывались восстановить на работу уволенных рабочих, повысить заработную плату. Совет добивался введения 8-часового рабочего дня, приостановил выселение рабочих из частных домов. Он имел свою газету «Известия Совета рабочих депутатов в городе Новороссийске», закрыл губернскую газету «Черноморское побережье», установил контроль за работой типографии. За проведением в жизнь распоряжений Совета на предприятиях и в округе следили учрежденные им порайонные комитеты, которые, по признанию властей, «стали управлять городом и округом».

Вооруженное восстание в Новороссийске дало толчок к восстанию в Сочи. В середине декабря в городе была создана боевая дружина из рабочих города и крестьян окрестных сел округа. 28 декабря власти округа сделали попытку разоружить дружинников и сорвать таким образом начало восстания. Однако дружинники города

вместе с товарищами, подошедшими из Гагры, Адлера и Хосты, встретили стражников и полицию огнем, заставили их отступить к казармам на окраине города. 28 декабря по призыву большевиков началось восстание строительных и портовых рабочих и крестьян округа. Душой восстания стала Сочинская группа РСДРП, в рядах которой состояли большевики Н. П. Поярков, Л. А. Яичников и др. В городе появились баррикады и проволочные заграждения, патрулировали дружинники, казармы были осаждены. После трехдневных уличных боев осажденные сдались. В Сочи и округе царская администрация была свергнута и власть перешла в руки восставшего народа. В дни восстания штаб боевой дружины следил за революционным порядком в городе, он установил контроль за распределением продуктов, контролировал цены, сжигал «дела» и другие документы карательных учреждений, разгромил арестный дом, освободил заключенных. Но «Сочинская республика» продержалась недолго, 5 января 1906г. с помощью военного десанта с моря и казачьих отрядов власти подавили восстание.

Вскоре восстание охватило Пятигорск, Ессентуки, Кисловодск и Георгиевск. Боевой дружиной Минеральных Вод, являвшейся ядром военных сил стачечного комитета, были разоружены жандармы на дороге всей группы Минеральных Вод и полиция Пятигорского отдела. «Оружие революционерами отбирается всюду, где возможно, для вооружения» рабочих, включая хутора и имения помещиков, - доносили власти. Восставшими рабочими были отстранены администрация дороги, царские и судебные власти Пятигорского отдела. Атаман отдела, начальник Минводского отделения железной дороги и другие чины царской и дорожной администрации бежали. Отдел оказался «совершенно во власти революционеров... власти законной там уже не существует». Огромным успехом пользовались «делегатские поезда», курсировавшие по всей дороге с представителями стачечного комитета для привлечения к восстанию революционных сил Терской области, Ставрополя, Дагестана. 16 декабря в Минеральные Воды поступила телеграмма от Ростовского стачечного комитета с призывом о помощи ростовским рабочим. В связи с этим в Минводах принимались срочные меры по усилению военных сил восстания. По линии дороги до Владикавказа 17 декабря в Осетию был направлен отряд дружинников с агитпоездом для разоружения жандармов, конфискации денег, касс железнодорожных станций и набора дружинников. В составе отряда были активные участники восстания на Минеральных Водах осетины машинист М. Т. Саухалов и помощник машиниста М. С. Цуцаев, которые проделали

большую работу по набору дружинников в осетинских селах. Отряд выполнил свою задачу. От Владикавказа до Минеральных Вод были разоружены жандармы, в железнодорожных кассах конфискованы 30 тыс. руб. Из осетинских сел одна за другой прибывали группы дружинников. 22 декабря, по данным охраны, «специальный поезд доставил на ст. Минеральные Воды до 500 вооруженных ружьями осетин из Дарг-Коха, Эльхотово и других аулов». В ночь на 18 декабря отряд дружинников в 140 чел. отправился Ростов. На пути к отряду должны были присоединиться дружинника Армавира, станций Кавказской и Тихорецкой. Было решено также продолжать вербовку боевой дружины, получить оружие у солдат Ахульгинского батальона, попытаться овладеть крупнейшим на Северном Кавказе артиллерийским складом в городе Георгиевске. Однако отряду дружины добраться в Ростов не удалось. власти, заняв станцию Кавказскую, перекрыли путь, и он вынужден был вернуться в Минводы.

В Екатеринодаре, Армавире, Грозном, Владикавказе, Ставрополе, Дербенте и в других городах Северного Кавказа стачки не переросли в вооруженные восстания, но декабрьская всеобщая политическая стачка на Владикавказской железной дороге и вооруженные восстания в Ростове-на-Дону, Новороссийске, в Минеральных Водах оказали огромное влияние на рабочее, крестьянское, солдатское движение в крае.

На борьбу против революции был направлен и закон 11 декабря 1905 г. о созыве законодательной Думы. На Кавказ Положение о выборах в Думу не распространялось; мотивом «несвоевременности введения в действие его», по мнению генерала Трепова, было продолжавшееся в крае революционное движение. Поэтому рассмотрение вопроса о выборах на Кавказе было предложено отложить впредь до «успокоения» края. Лишь в августе 1906 г., спустя 6 месяцев после издания первого избирательного закона (2 февраля 1906 г.), царским указом были утверждены разработанные «Особым совещанием» «Особые правила о выборах в Думу на Кавказе, составленные с изъятиями из Положения о выборах в империю». Кубанские большевики в своей листовке назвали выборы «позорной комедией». Бойкотировали выборы большевики Новороссийска, Ставрополя, Темир-Хан-Шуры, Владикавказа. Но социал-демократы Армавира не только не бойкотировали выборы, но вступали в блок с кадетами. Предвыборная кампания на Северном Кавказе проходила в обстановке массовых репрессий, при сохранившемся в крае военном положении. «Военное положение... аресты и следствия по делу о декабрьской забастовке на железной дороге... все это не дает, - писала газета

„Пятигорск", - развития предвыборной деятельности». Число избирателей, не принявших участие в выборах, было значительным, в Грозном-30%, во Владикавказе более 50%¹¹⁸ В Дагестане количество избирателей, решивших не голосовать под влиянием агитации социал-демократической организации, было так велико, что областное избирательное бюро отказалось от проведения выборов, и в Дагестане выборы в Думу не состоялись. В Терской области в Думу было избрано 3 депутата, из них 2 - от 504 тыс. человек казачьего и остального («нетуземного») населения и 1 депутат (Т. Эльдерханов) -от чеченцев, ингушей, осетин, кабардинцев и других горцев, насчитывавших 539 700 человек. Таким образом, представительство местных, коренных народов области по сравнению с другим населением области было сокращено более чем в два раза. Ни один из горских народов не имел своего отдельного депутата в Думе.

Самым крупным выступлением пролетариата Северного Кавказа в 1906 г. была стачка на Грозненских нефтяных промыслах, которой руководили большевики. Поводом к стачке, начавшейся 14 июня, послужило увольнение на промысле «Шпис» рабочего Жуйко, одного из организаторов и руководителей социал-демократического кружка на промысле. Стачка охватила все 13 промыслов и некоторые городские предприятия. Стаечный комитет потребовал восстановить на работу уволенного рабочего Жуйко, ввести восьмичасовой рабочий день, установить празднование 1 Мая. Стачка с самого начала приняла организованный и упорный характер. Приезд генерал-губернатора на промысел, уговоры о прекращении стачки успеха не имели. И предприниматели вынуждены были начать переговоры с представителями рабочих. Переговоры вела выделенная для этой цели от стачечного комитета «Руководящая комиссия» из 14 человек под председательством большевика В. Иванова, одного из организаторов забастовки. Капиталисты отвергли требования рабочих и предложили выйти им на работу. Но рабочие не подчинились. В 20-х числах июня стачка приобрела угрожающий характер: «В городе Грозном, Грозненском промышленном районе повсеместная забастовка, бастуют около трех недель 10 тысяч рабочих... За последние дни... бастующие рабочие стали держать себя вызывающе», - доносили власти в Департамент полиции. Но стачка рабочих на промыслах, длившаяся с 14 июня по 13 июля, окончилась победой рабочих. Предприниматели удовлетворили почти все 33 требования, за исключением пунктов о праздновании 1 Мая и восстановлении на работе рабочего Жуйко. Среди завоеваний рабочих самым главным было введение восьмичасового

рабочего дня - один из первых случаев в добывающей промышленности в России. В дни стачки власти решили провести судебный процесс над участниками декабрьской забастовки. 27-28 июня 1906 г. в Грозном перед судом предстали 18 железнодорожников, обвинявшихся «в организации вооруженного восстания» в декабре 1905 г. Но рабочие выступили в защиту своих товарищей. Зал заседания, окрестные улицы были запружены рабочими. Для охраны суда были вызваны войска. Власти пытались оказать давление на суд. Однако суд вынес оправдательный приговор всем обвиняемым. Выходя из зала суда, один из оправданных воскликнул- «Не защита нас оправдала, не суд нас оправдал, а вы, народ, против которого не посмел идти суд».

С весны 1906 г. подъем революционных выступлений крестьян отмечается на Кубани и в Черноморской губернии. Вместе со стачками сельскохозяйственных рабочих в ряде станиц и сел участились случаи погрома крестьянами имений помещиков и кулаков. Крестьяне нападали на карателей, отказывались от внесения арендной платы, рубили казенные и частновладельческие леса. В Баталпашинском, Лабинском и Кавказском отделах Кубани, по неполным данным, крестьянскими волнениями было охвачено около 100 экономий, т. е. количество крестьянских выступлений увеличилось по сравнению с 1905 г. почти вдвое¹²⁵. Выступления крестьян наводили страх на помещиков. «Не дай до осени земли,- писал один помещик. - то к осени обязательно явятся Стеньки Разины и крестьянство пойдет работать вовсю».

Самым ярким солдатским выступлением на Северном Кавказе в период отступления революции явилось восстание солдат 83-го Самурского пехотного полка, поднятое 17 июля 1906 г. в урочище Дешлагар в Дагестане. Восстанием руководили унтер-офицер Самойленко, рядовые Яковенко, Петров, Голубятников и др. Поводом к восстанию послужило известие о разгоне Государственной думы. Восставшие заняли крепость, слободу Дешлагар и пути, ведущие к ближайшим станциям железной дороги, почтово-телеграфную контору, освободили заключенных, обезоружили учебную команду, убили командира полка, трех офицеров и священника. Восставшие выбрали из своей среды начальников, Самойленко принял командование гарнизоном. Восставшие сделали попытку установить связь с другими частями дивизии, но действия их носили медлительный, оборонный характер. 18 июля восстание было жестоко подавлено войсками, переброшенными из Петровска, Темир-Хан-Шуры и Грозного. Пять

руководителей восстания - Самойленко, Чаусов, Голубятников, Нога, Яковенко - были расстреляны, 22 солдата отданы под суд, из них многие сосланы в Сибирь.

После разгона I Государственной думы, не оправдавшей надежды самодержавия, были проведены выборы во II Думу. Большевики решили принять участие в них, о Думу использовать как трибуну в интересах революции, в борьбе за освобождение крестьян из-под влияния либеральной буржуазии, за создание в Думе блока депутатов рабочего класса и крестьянства. Меньшевики призывали на выборах в Думу вступать в блоки с кадетами. Во II Думу прошли от Северного Кавказа 13 депутатов, среди них - 2 социал-демократа, 1 трудовик, 2 эсера, 1 народный социалист, 1 кадет, 4 депутата от Дагестана, горских народов Терской области, Закатальского округа и др.

9 января 1907 г., в годовщину «Кровавого воскресенья», бастовали рабочие цементных заводов Новороссийска, в феврале - шахтеры Садона и рабочие Мизурской фабрики, волновались воспитанники Ардонской духовной семинарии.

Массовый митинг, проведенный 12 февраля в Майкопе по случаю приезда социал-демократа, депутата II Думы А. Р. Геруса, нашел отклик за пределами области. Герус в своей речи осудил действия самодержавия, призвал народ к борьбе за изменение «существующего государственного строя»¹¹. Участники митинга одобрили наказ выборщиков Кубани и Черноморья, содержащий требования: замена правительства, отмена смертной казни, военного положения и военно-полевых судов, амнистия политзаключенным и др.

Летом 1907 г. самодержавие перешло в решительное наступление против революции. 3 июня была разогнана II Государственная дума, арестованы члены социал-демократической организации Думы, издан новый избирательный закон, обеспечивавший в новой, III Думе безраздельное господство самодержавия, помещиков и крупной буржуазии. Это означало, что революция 1905-1907 гг., продолжавшаяся около двух с половиной лет, потерпела поражение.

Главная особенность революции на Северном Кавказе состояла в том, что борьба рабочих и крестьян в крае сочеталась с национально-освободительным движением, ставшим частью общероссийского революционного процесса. На революционную борьбу в годы революции выступила и трудовая, беднейшая часть казачества. Таким образом, в революции 1905-1907 гг. в крае были сделаны первые успешные попытки объединения в единый революционный поток пролетарского, крестьянского и

национально-освободительного движений. В этом факте нашло свое яркое выражение одно из важнейших прогрессивных последствий присоединения горских народов к России.

7 июня 1907 г. был опубликован приказ наместника на Кавказе о введении в крае чрезвычайного положения. Все губернии и области Северного Кавказа были объявлены на военном положении или чрезвычайной охране. При этом в наиболее крупные города и железнодорожные станции вводились дополнительные контингенты войск. Почти во всех административных центрах «для безотлагательного водворения порядка» учреждались военные суды и должности временных генерал-губернаторов. Усмирение края сопровождалось массовыми увольнениями и арестами участников революционного движения, конфискацией имущества и изъятием огнестрельного оружия. За нарушения «обязательного постановления» генерал-губернатора Терской области виновным грозила тюрьма (до 3 месяцев) или штраф до 3 тыс. руб.

При Управлении Владикавказской железной дороги действовал «Особый комитет», разработавший обширный план расправы с рабочими железной дороги. Был сформирован «военно-вспомогательный» поезд с пулеметами и пушками, предназначенными «для обстреливания толпы и поездов мятежников».

Край напоминал арену военных действий: с помощью артиллерии подавлялись рабочие центры края, особые карательные отряды громили восставшие селения Ставропольской и Черноморской губерний, Осетин, Чечни и Ингушетии, Дагестана, Кабарды и Балкарии. Побежденные, как это бывает на войне, нередко подвергались постоям войск и контрибуциям. Так, жители Владикавказского округа были обложены контрибуцией на сумму в 321,6 тыс. руб. В Кабарде и Балкарии были созданы летучие отряды стражников для подавления аграрного движения, а в некоторых селах квартировали войска, содержавшиеся за счет трудового населения. Царской администрации помогали в этом офицеры из горской знати. Они преследовали демократически настроенную национальную интеллигенцию, пытаясь изолировать от ее влияния крестьян-горцев.

Часть горской интеллигенции, выступавшая в роли попутчиков революции (например, А. Цаликов и И. Гайдаров), в период реакции скатилась к проповеди националистических и туркофильских идей.

Революция 1905-1907 гг. еще раз заставила царизм приступить к ломке аграрных отношений и расширению своей социальной опоры в деревне, которой могло стать кулачество. Новая аграрная политика, названная по имени председателя Совета Министров П. А. Столыпина - столыпинской, по словам В. И. Ленина, «совсем не случайность». Напротив, этот поворот был для правительства и для «совета объединенных крепостников *классовой необходимостью*. Правительству некуда было иначе податься... Правительству ничего иного не оставалось, как *попытаться* путем судорожных усилий, путем какого угодно разорения деревни *расколоть* крестьянство, отдать деревню „на поток и разграбление" кулаков и зажиточных мужиков, чтобы опереться на *союз* крепостников-дворян с „новыми помещиками", т. е. с богатеями - крестьянами собственниками, с крестьянской буржуазией».

Указ от 9 ноября 1906 г. определял порядок выхода крестьян из общины и закрепления в личную собственность земли. Выиграли от этого только кулаки. Закон от 14 июля 1910 г., Положение о землеустройстве от 29 мая 1911 г. разрешали проведение принудительных мер землеустройства, упрощали процедуру выхода из общины, следовательно, ускоряли экспроприацию крестьянства. На Северном Кавказе проведение столыпинской аграрной политики имело ряд специфических особенностей. В полном объеме оно было распространено только на Ставропольскую губернию. С 1906 по 1916 г. в губернии было образовано около 35 тыс. хуторских и отрубных хозяйств, что составляло 21% от всех крестьянских хозяйств. Из общины выходили как зажиточные крестьяне, образовавшие хутора и отрубные хозяйства, так и бедняки, которые по выходе из общины вынуждены были продать свои наделы за бесценок. В ряде селений Ставрополя это приобрело массовый характер: с землей расставалось до 90% крестьян этих селений. Проведение столыпинской аграрной реформы на Ставрополье привело к усилению мобилизации земли в руках кулаков и обезземеливанию масс, к пролетаризации крестьянства. Сложнее стоял вопрос о землеустройстве в казачьих областях. Считая казачество своим оплотом, царизм пытался сохранить казачью общину, хотя она уже была расшатана наличием частного землевладения у казачьей старшины и широкими арендными операциями.

Столыпинские аграрные законы на казачьи земли не распространялись. Весь казачий земельный фонд, составлявший более половины, а в Кубанской области - более трех четвертей всей земли, оставался общинным. Вопрос о распространении на казачьи

области столыпинского аграрного законодательства рассматривался во многих инстанциях. На съездах делегатов казачьих общин разгорелась острая борьба: основная масса казачества требовала пересмотра аграрных отношений, верхушка крепко держалась за свои привилегии и сохранение основ казачьего землевладения и землепользования. В 1913 г. этот вопрос вновь рассматривался на Военном совете, постоянно сопротивлявшемся всяким попыткам изменить эти основы. Военный совет предлагал такие меры: ограничить права станичных обществ противодействию образования новых хуторов и удлинить сроки переделов. Таким образом, власти оказались не в силах противодействовать проникновению в казачьи общины новых рыночных отношений.

В казачьих обществах из-за роста арендных цен на землю особенно ухудшилось положение «иногородних». Значительная часть их окончательно разорилась. В 1913 г. в Кубанской и Терской областях их насчитывалось 1,35 млн человек, из которых 66,6% считались арендаторами или собственниками земли, а 33,3% жили, как признавали сами власти, «случайными заработками».

Местом «колонизации» были объявлены некоторые районы Северного Кавказа, где фактически не было удобных свободных для переселения земель. Из общего числа заготовленных на 1 января 1912 г. и назначенных для переселения русских крестьян на Кавказ 62 298 долей по 31 декабря 1911 г. было занято 45 864 доли. К 1912 г. на Северном Кавказе было образовано 123 новых поселка. Наибольшее количество переселенческих участков приходилось на Черноморскую губернию. Существовавшие здесь участки считались непригодными для переселения. Переселенцам предлагались либо безводные, либо заболоченные участки. Многим из них не удалось обосноваться на новых местах. Число переселенцев, ушедших с мест водворения в другие места, либо обратно на родину, в отдельных районах края достигало 18—19%. На территории Осетии, Кабарды и Балкарии, Чечни и Ингушетии, Черкесии, Дагестана закон о выходе крестьян из общины распространения не получил. Царское правительство, считая земли горских крестьян казенными, переданными им лишь во временное пользование, вовсе не торопилось с реформой аграрных отношений в этих областях. Вплоть до 1913 г. сохранялась при поддержке царских войск феодальная зависимость райят и части узденей Дагестана. Отмена ее здесь приобретала наиболее актуальное значение. В горских округах суть аграрной политики царизма заключалась не столько в попытках

наделить крестьянство землей, сколько в расхищении общинных пастбищ, которые частично правительство отобрало в казну, а частично раздало представителям сельской верхушки кабардинцев и балкарцев, чеченцев, ингушей, дагестанцев, осетин, черкесов, карачаевцев, абазин и ногайцев. В их лице царизм искал социальную опору в горском ауле. Вопрос о землевладении и землепользовании у горских народов, более всех страдавших от малоземелья, рассматривался целым рядом правительственных комиссий. В 1906 г. начала работу Комиссия для исследования землепользования и землевладения жителей нагорной полосы Терской и Кубанской областей. Но никаких радикальных выводов в интересах народа Комиссия не сделала и не могла сделать, так как состояла из представителей царской администрации. Об этом свидетельствует главный результат Комиссии: земельная собственность горских народов была объявлена *казенной*. И дальнейшие попытки разрешить аграрный вопрос в горах не пошли дальше создания новых землеустроительных комиссий и мировых посредников.

Важным орудием столыпинской аграрной политики был Крестьянский земельный банк, который помогал помещикам выгодно продавать свои земли, а кулакам - расширять свои земельные владения. Крестьян же он опутывал цепями дополнительных платежей. В 1907 г. его деятельность была распространена на казачье и горское население Кубанской и Терской областей. Несмотря на некоторые ограничения в казачьих областях, в целом банк развернул по всему Северному Кавказу большую деятельность по оказанию финансовой помощи кулакам. Им давались ссуды по 500 руб. на человека, причем в индивидуальном порядке, а средним и тем более малоимущим крестьянам для получения ссуды надо было объединяться в товарищества, доказать свою платежеспособность банку, и только после этого они могли получить по 150 руб. на человека. Банк давал крестьянам 75% суммы, необходимой для покупки земли у помещиков, из расчета 7% годовых. Чтобы найти 25% суммы, крестьянам приходилось обращаться к ростовщикам и получать ссуду у них на значительно более тяжелых условиях. Кроме банков, кредитными операциями занимались учреждения мелкого кредита: ссудные кассы, кредитные товарищества, которые кулаки также использовали в своих корыстных целях. Кредитные товарищества давали ссуды на покупку земли, семян, инвентаря, скота, на постройку небольших предприятий. Так, в Терской области с 1908 по 1911 г. учреждениями мелкого кредита было выделено 68,9 тыс. ссуд на 4,5 млн руб. Но получать ссуды могли зажиточные крестьяне, так как для этого надо было

доказать свою платежеспособность. И все же кредитные товарищества получили широкое распространение в горских обществах Чечни и Ингушетии, Кабарды и Балкарии, Дагестана, Карачая, Адыгеи и Черкесии.

В Северной Осетии, кроме кредитных товариществ, был открыт Ольгинский сельскохозяйственный банк, который помогал кулакам в скупке земли. Для покупки крупных участков крестьяне объединялись в товарищества. С 1908 по 1913 г. в Северной Осетии было образовано 19 таких товариществ, которые купили 11 тыс. дес. земли. В Кабарде и Балкарии возникло 38 подобных товариществ, в Карачае и Черкесии - 43. Через них кулаками и пришлым населением было куплено к 1917 г. более 56 тыс. дес. земли 21.

Таким образом, Крестьянский банк и кредитные товарищества содействовали концентрации земли в руках кулачества, усиливали имущественную дифференциацию крестьянства, ускорили распад сельских общин. Но попытка царской администрации разрешить аграрный вопрос при помощи Крестьянского банка не могла увенчаться успехом.

Таким образом, столыпинская аграрная реформа, давшая известные результаты в области экономического развития, укрепления капиталистической собственности на землю и капиталистических форм ведения хозяйства, с политической стороны не дала желаемых результатов. Она не остановила обострение классовых противоречий в деревне, так как пролетаризация крестьянства усилилась, а с нею вместе и классовая борьба.

Царизм вступил в войну совместно с англо-французским империализмом, от которого он находился в экономической и финансовой зависимости. Но самодержавие преследовало и свои собственные, далеко идущие цели на Черном море, что содействовало столкновению с Турцией. А Османская империя выступала на стороне австро-германского империализма. Наиболее ретивые пантюркисты стремились, опираясь на этот союз, свести старые счеты с Россией, захватить Кавказ и Крым, мечтали объединить под главенством Турции все мусульманские народы, включая «долины Волги и Камы» с татарским населением. 16-17 октября 1914 г. турецкий военный флот без объявления войны напал на черноморские порты России, в том числе и на Новороссийск. В ответ на это 20 октября 1914 г. Россия объявила войну Турции. Так война непосредственно коснулась Северного Кавказа.

Кавказ занимал не последнее место и в планах империалистических стран Запада. Немецкая буржуазия и прусское юнкерство рассчитывали найти здесь богатые земли и природные ресурсы. Наиболее откровенные планы раздела Кавказа нашли свое выражение в опубликованной в 1916 г в Веймаре книге «Кавказ в мировой войне». Ее автор писал: «Наши политики должны думать над тем, чтобы после поражения России организовать христианскую Грузию в виде Южно-Кавказского буферного государства», которое должно было «границить с нейтральным Кавказским мусульманским государством вблизи от границ России и Турции».

В связи с началом войны особую активность проявляли на Кавказе пантюркисты. 11 ноября 1914 г. глава мусульманского духовенства призвал «весь исламский мир поднять на священную войну против государств Антанты». На Кавказ было тайно переправлено 60 турецких офицеров. Одними из сторонников реакционного панисламизма на Северном Кавказе были меньшевики А.Цаликов и И. Гайдаров, пропагандировавшие идею отторжения Кавказа от России и образования Северо-Кавказского мусульманского государства под эгидой Турции. На третьем году войны - 12 января 1917 г. начальник Бакинского губернского жандармского управления доносил помощнику заместителя на Кавказе генералу Орлову, что «между мусульманами Дагестана и Терской области состоялось соглашение, по которому они обязались ни в коем случае людей на работы не давать и в случае насилия со стороны властей оказать вооруженное сопротивление, взаимно поддерживая друг друга. В Терской области, по слухам, был создан комитет по организации восстания, который раздавал мусульманам деньги для приобретения оружия». В донесении отмечалось, что «проявляемая мусульманами до сего времени лояльность зависит главным образом от успехов русского оружия на фронте».

В первой мировой войне Кавказский фронт играл второстепенную роль. Попытка Турции захватить инициативу в начальный период войны потерпела неудачу. В 1915 г. русская армия начала успешные наступательные операции, а в начале 1916 г. она овладела Эрзерумом и Трапезундом. Летом 1916 г. Кавказский фронт продвинулся в глубь Турции почти на 250 км.

Идеолог осетинской буржуазно-монархической интеллигенции Г. Баев пытался поднять «патриотический» дух осетинского народа. С неменьшим усердием заверяли заместителя царя на Кавказе в своих верноподданнических чувствах дагестанские, чеченские, кабардинские и другие горские буржуазно-монархические круги. С самого

начала войны при покровительстве буржуазно-монархических слоев из горских верхов шло формирование «добровольческих» полков, которые вошли в Кавказскую конную туземную дивизию, более известную под названием «Дикой». В ее состав вошли шесть полков: Дагестанский, Кабардинский, Ингушский, Татарский, Чеченский и Черкесский. Командный состав состоял в основном из представителей горской феодальной знати. Мусульманское духовенство и буржуазно-националистические элементы воспользовались войной для усиления пропаганды идей пантюркизма и панисламизма. Они стремились использовать национально-освободительные чаяния трудящихся горцев в своих эгоистических классовых целях, подчинить их новым хозяевам в лице турецкой эксплуататорской верхушки.

Народным массам Северного Кавказа был чужд любой гнет, от кого бы он ни исходил, поэтому они отнеслись к призывам пантюркистов и панисламистов без особого энтузиазма. Даже власти вынуждены были признать: «В широких мусульманских массах это сочувствие (к Турции.—Авт.) чисто идейное, но среди некоторой части интеллигенции и духовенства сочувствие это практически не выражается». Горские крестьяне, как и русские рабочие и крестьяне, отнеслись к войне отрицательно. В составе Кавказской конной туземной дивизии воевало немало горских крестьян, вынужденных идти туда из-за тяжелых жизненных условий. Находясь на фронте, полки требовали постоянного пополнения. Несмотря на большие льготы, установленные добровольцам и их семьям, пополнение дивизии уже в 1915 г. натолкнулось на большие трудности, а в 1916 г. приток добровольцев в нее почти прекратился.

Война отрицательно отразилась на хозяйственном развитии Северного Кавказа. Как и во всей стране, она нарушила торгово-экономические связи различных областей края как между собой, так и с Центральной Россией и с границей, вызвала разруху в промышленности и сельском хозяйстве, резко ухудшила положение народных масс. Война задела фабрично-заводскую промышленность ряда районов Северного Кавказа глубже, чем страны в целом. Если в стране в целом стоимость промышленной продукции за 1913-1915 гг. выросла на 13,7%⁹, то в Черноморской губернии, наоборот, она упала на 40,6%, в Кубанской - на 17,6%, в Дагестанской - на 12,5%. Исключение составила промышленность Терской области. Добыча нефти, несколько упав в начале войны, увеличилась здесь в 1916 г. (по сравнению с 1913 г.) на 40,2%. За 1915-1917 гг. число бездействующих скважин увеличилось на Тереке на 53,1%¹³. На Кубани в 1916 г. было

добыто нефти на 62,7% меньше, чем в 1915 г., и на 41,5% меньше, чем в 1913 г. Все это указывало на пагубное влияние войны на промышленность Северного Кавказа накануне Февральской революции 1917 г. Но при всем этом нефтяная промышленность Северного Кавказа занимала и в годы войны одно из ведущих мест в экономике страны. Нефть спасала промышленную жизнь страны от окончательного краха. Известно, что особенно ценными были сорта нефти, добываемые в Майкопском и Грозненском районах. Из нее получали высококачественный бензин, который шел в авиацию и на флот. Особо важное значение северокавказская нефть приобретала для Черноморского флота и Кавказского театра войны. Все это дало толчок к расширению нефтеперегонных заводов Кубани и Терека. В канун войны началась перекачка нефти по построенному фирмой «Ахвердов и К^о» нефтепроводу от Грозного до Порт-Петровска, где был построен нефтеперерабатывающий завод. В 1916 г. в связи с мощным фонтаном, забившим в Новогрозненском районе, началась очередная, третья по счету, «нефтяная горячка». В связи с войной большое значение приобрело и производство цветных металлов на Тереке и Кубани, которые шли на изготовление снарядов. Но, несмотря на принятые правительством меры, эта отрасль промышленности переживала спад. Из-за отсутствия квалифицированных рабочих и нехватки топлива на Владикавказском заводе за 1914-1916гг. выплавка цинка упала на 36,6%, свинца - на 28,8, серебра - на 59,1%. В 1916 г. из-за нехватки топлива завод несколько раз останавливался.

Одна из главных причин сокращения производства в ряде отраслей промышленности Северного Кавказа - это расстройство железнодорожного транспорта. Пропускная способность его уменьшилась буквально в первые же месяцы войны. Объем перевозок по главной железнодорожной артерии края - Владикавказской дороге - снизился к ноябрю 1914 г. - на 30%. Очень сильно возросли потоки военных грузов. Владикавказская дорога стала главной магистралью, по которой шли военные грузы для Кавказского фронта. Это отрицательно сказалось на перевозках грузов для населения и для предприятий, производивших невоенную продукцию. На выпуск хорошо оплачиваемой продукции для армии перешло 26% предприятий, поднадзорных фабричной инспекции, и 55 горнозаводских предприятий Северного Кавказа. В годы войны усилились позиции отечественного монополистического капитала. Если на 1 января 1914 г. основной капитал грозненских фирм составлял 71,4 млн руб., из которых на капиталы российского происхождения приходилось 27,2% 17, то к 1917 г. из 142 млн

руб. на долю российских приходилось 47% (67 млн руб.) 18. Из группы «Ойль» отпочковался новый российский нефтяной концерн «Нефть». На базе акционерной компании «Грозненская нефть» зарождалась новая монополистическая группировка. Заметным было сращивание монополий с госаппаратом. Ряд строившихся и пущенных военных предприятий, среди них толуоловый завод Морского ведомства и другие, были детищами государственного монополистического капитала.

В нефтяной промышленности выросла роль выходцев из чеченской буржуазии. Известный чеченский капиталист Тапа Чермоев взял на себя хлопоты по «доказательству прав чеченского населения на недра». Впрочем, с неменьшим усердием этим же занимался и концерн «Братья Нобель», которому выгоднее было вступать в непосредственные отношения с сельскими обществами, чем арендовать те же месторождения у государства: второе обходилось дороже. В годы войны активной деятельностью в Чечне и Ингушетии занимались Азовско-Донской, Русско-Азиатский, Волжско-Камский и Тифлис-скип коммерческий банки. По существу они же являлись и главными акционерами нефтяных компаний и кредиторами местных (чеченских и русских) буржуа: Арсамирзоевых, Мациевых, Эльмурзаевых, Крилликовых, Месяцевых.

В целом позиции западных монополий в экономике Северного Кавказа были все еще сильны. В 1916 г. 35 иностранных фирм продолжали хозяйничать в различных отраслях народного хозяйства края. Из них 27 являлись английскими, 5 - французскими, 2 - бельгийскими и одна - голландской. Деятельность 80% иностранных фирм была связана с добычей, переработкой и транспортировкой нефти.

Общества, которые находились под влиянием иностранного капитала, сдерживали добычу и переработку нефти в крае. «Майкопский нефтяной район, - доносили власти, - ...целиком захвачен ...Англо-Майкопской компанией во главе которой стоит англичанин Твиди... являющийся крупнейшим нефтепромышленником румынских промыслов, работающих почти исключительно на деньги Немецкого банка... Русская нефть, так... необходимая для Черноморского и Балтийского флотов, всеми способами задерживается в ее добывании».

В годы войны особенно резко ощущалась нехватка металла, а без него было невозможно поддерживать на должном уровне бурение новых скважин. Снизилась производительность труда рабочих из-за истощения нефтяных пластов и нехватки квалифицированных рабочих. Съезд терских нефтепромышленников и военно-

промышленные комитеты разработали обширную программу мер по оказанию помощи фронту. На местных предприятиях изготавливали бомбометы, саперные лопаты, повозки для армии, производились централизованные закупки сахара и муки, размещались заказы на строительство предприятий по производству взрывчатых веществ из бензина.

Особенно пагубно отразилась война на основной отрасли экономики края - сельском хозяйстве. Если в 1914 г. на Северном Кавказе было засеяно 10 млн дес., то в 1916 г. лишь 7,1 млн дес. В ряде районов Северного Кавказа посевная площадь сократилась катастрофически. В Кубано-Черноморье посевные площади сократились в 1913-1916 гг. на 23,9%, в Кабарде - на 26, в Дагестане - на 30, в Карачаево-Черкесии - на 35-40, в Северной Осетии - на 44, а в горных ущельях Балкарии - более чем в 2 раза. Посевной клин по сравнению с 1914 г. в 1917 г. уменьшился в Терской области на 34%, в Ставропольской губернии - на 18%.

Резко упала и урожайность. На Кубани, например, средний урожай пшеницы с десятины сократился с 92 до 39,9 пуда. Уже в первый год войны на Северном Кавказе урожай зерновых был ниже ожидавшегося на 15-20%. Количество собираемого хлеба снижалось и в последующие годы. На состоянии сельскохозяйственного производства сказались мобилизация кубанских, терских казаков, «иногородних» и резкое снижение притока сезонных рабочих из русских и украинских губерний. Это обостряло продовольственный кризис в городах и ухудшало положение в первую очередь рабочих. В годы войны значительно пострадала и другая отрасль сельского хозяйства - животноводство. Особенно в тяжелом положении оно оказалось в традиционных скотоводческих районах края. За период войны число овец и коз сократилось в Дагестане почти на 35%, лошадей - на 32%³². В Северной Осетии поголовье лошадей уменьшилось к концу 1916 г. на 20%, крупного рогатого скота на 26,7, а овец и коз - на 47%. Особенно катастрофически уменьшилось поголовье скота в Карачае и Черкесии - почти наполовину. Но в ряде районов края в связи с резким ростом спроса на шерсть и мясо, а также появлением незанятых земель некоторые отрасли животноводства получили толчок в своем развитии, например овцеводство. Так, на Ставрополье его поголовье увеличилось с 1,6 млн в 1914 г. до 2,3 млн в 1916 г. Овцеводство не требовало новых рабочих рук и больших материальных затрат.

В целом, характеризуя сельское хозяйство Северного Кавказа и изменения, которые в нем произошли за годы войны, следует иметь в виду, что по-прежнему эта отрасль

продолжала сохранять за собой ведущее положение в экономике края. Как и раньше, край оставался крупнейшим в стране поставщиком промышленного сырья и продовольствия.

С первых же месяцев войны ее тяготы коснулись прежде всего промышленных рабочих и их семей. Возросла продолжительность рабочего времени с 9-10 часов в 1913 г. до 12 часов к 1917 г., т. е. на 22-75%⁴⁶. На многих же мелких заведениях она практически не имела минимума. Не случайно сохранившиеся сведения коротко, но ярко определяют это следующим образом: «работали от зари до зари», «от восхода до заката» и т. д. В годы войны резко возросли сверхурочные работы: рабочие вынуждены были пойти на это не только в силу их обязательного характера, но и из-за дороговизны жизни. По той же причине, а также под давлением рабочих хозяева вынуждены были пойти на некоторые увеличения зарплаты рабочим. За 1913-1915 гг. в среднем в фабрично-заводской промышленности Северного Кавказа наработки возросли на 11,7%. Для сравнения укажем, что по стране в целом они увеличились на 24,9%, а в Петроградской губернии - на 45,8%. В горнозаводской промышленности края заработки возросли больше, чем в фабрично-заводской. В целом на Северном Кавказе уровень заработков был ниже, чем в Петроградской, Нижегородской, Орловской, Тульской, Бакинской и Тифлисской губерниях. Бесспорно, на него влияли характер самой промышленности края, малочисленность в ее составе отраслей, оснащенных усовершенствованной технологией производства, малочисленность кадровых рабочих, отличающихся более высокой организованностью в борьбе за свои интересы. Цены на продукты питания и предметы первой необходимости возросли в различных городах края на 100-300% и более, жилье вздорожало на 30-70%, а кое-где даже в 2-3 раза, топливо - на 400-600%. Реальная заработная плата грозненских нефтяников снизилась к весне 1916 г. на 25-30%, а майкопских - до 40%; на средних и мелких предприятиях реальная заработная плата упала еще более. Эксплуатация труда горцев в условиях аграрной перенаселенности, когда они вынуждены были соглашаться практически на любую работу, усугублялась подрядной формой найма. Львиная уходила в карман подрядчиков - посредников из своей же среды. Следовательно, положение рабочих-горцев усугублялось отсутствием в горах «свободного» капиталистического рынка рабочей силы.

25 июня 1916 г. царь подписал указ «О привлечении реквизиционным порядком на время настоящей войны освобожденных от воинской повинности инородцев империи».

Этим указом местным властям предоставлялось право принудительно мобилизовать горцев-мусульман на сооружение оборонительных объектов и на другие необходимые работы в районе действующей армии и в тылу. Важно отметить, что закон разрешал нанять другого человека и отправить его по мобилизации вместо себя. Следовательно, мобилизации дополнительной тяжестью легли на несостоятельные слои горского населения.

Определенную роль в пробуждении широких слоев народных масс Северного Кавказа к политической жизни сыграли продовольственные «бунты», направленные своим острием против торговцев, лавочников, спекулянтов, сельской, городской буржуазии, царизма в целом. Они приняли на Северном Кавказе массовый и повсеместный характер. С 31 мая по 14 июня 1916 г., т. е. за 15 дней, продовольственные «бунты», в которых приняли участие крестьяне, ремесленники и батраки, прокатились по 29 станицам, железнодорожным станциям и городам Кубани. В станицах Павловская, Атаманская, Незамаевская, Веселая, Каневская, Выселки восставшие разгромили 66 лавок. Больших размеров погромы приняли в Геленджике, Екатеринодаре и Ейске. 12-14 июня 1916 г. здесь было разгромлено более 73 лавок и магазинов. В июне 1916 г. массовые волнения крестьян прокатились по всему Кубано-Черноморью и Адыгее. Они были направлены против дороговизны, а в ряде случаев прямо против царского самодержавия. Вскоре продовольственные «бунты» охватили и Ставропольскую губернию. 8 июня «бунт» начался в селе Белоглинском, 9 июня он перекинулся в селения Привольское, Летницкое, Средне-Егорлык, Жуковское, Ладовая Балка и др. С 9 по 17 июня в селениях Белоглинском, Летницком, Привольном, Жуковском, Покровском, Медвежьем, Красной Поляне. В Преградном восставшими были разгромлены 32 лавки. Выступления приняли настолько угрожающий для царизма характер, что во главе карательных войск стал сам ставропольский губернатор.

Продовольственные «бунты» происходили и в других областях Северного Кавказа. Еще в феврале 1916 г. начальник Терской области доносил об угрожающем положении в городах области «на почве дороговизны продуктов». 22 февраля солдаты г. Грозного собрались на базарной площади «и в возбужденном состоянии жаловались на дороговизну продуктов, квартир, обуви, ситца». После долгих «увещаний» полиции они разошлись, но собрались опять вечером и держали себя «вызывающе и с угрозами требовали немедленно принять меры к удешевлению жизни». 29 февраля во

Владикавказе среди торговцев началась паника, вызванная решительным настроением горожан против дороговизны. На улицы вышла вся полиция во главе с начальником области.

19 июня 1916 г. для подавления «беспорядков» в Геленджик Черноморской губернии были посланы казаки. Власти находили, что казаки действовали «недостаточно решительно». Отказы солдат и казаков стрелять в народ или «рассеять толпу» свидетельствовали о том, что местные власти теряли опору в военных.

Нерусское население Северного Кавказа было освобождено от обязательной военной службы: взамен службы в армии они платили специальный налог. Горцы не желали воевать за царя, о чем свидетельствует их массовый уход из армии, дезертирство. Донесения властям пестрят требованиями о розыске всадников Осетинского конного полка, ратников Осетинской пешей бригады, самовольно покинувших свои части. Горцы-мусульмане не шли в «добровольческие» полки. «По-видимому, - доносили власти, - под влиянием агитации горцы неохотно вступали в ряды Кабардинского конного полка...». Полк формировался в составе 580 всадников. Однако 18 февраля 1916 г. туда записалось лишь 117 человек. Такой же была судьба вербовки «добровольцев» в царскую армию из мусульманских областей Северного Кавказа.

Недовольство среди крестьян-горцев резко усилилось во второй половине 1916 г. Оно было связано с изданием правительственного закона «О привлечении реквизиционным порядком на время настоящей войны освобожденных от воинской повинности инородцев империи», в том числе горцев-мусульман Северного Кавказа. Принудительная реквизиция подвод, мобилизация на тыловые работы мужчин вызвали бурные протесты со стороны горцев, в ряде случаев переросшие в вооруженные выступления. Так, в июне-июле 1916 г. против реквизиции с оружием в руках выступили крестьяне селения Аксай Хасавюртовского округа, а также представители (3-4 тыс. человек) от всех аулов Караногайского приставства, собравшиеся в Терекли-Мектеб по поводу реквизиций и мобилизаций. Восстания Караногайских и Аксаевских крестьян были жестоко подавлены верными царизму воинскими частями. Открытые выступления против реквизиций происходили в Кабарде и Балкарии, Чечне и Ингушетии и других местах. Временный генерал-губернатор Терской области в своем донесении от 17 сентября 1916 г. обвинил 15 жителей селения Экажевского Назрановского округа в том, что они «во время реквизиции подводи лошадей позволили себе подстрекать жителей не

давать перегоночных средств, ни проводников арб и своим преступным поведением настолько возбудили жителей, что для восстановления среди них порядка и выполнения предъявленного требования доставить арбы и лошадей потребовалась вмешательство стражников». Далее он отмечал, что «среди туземцев заметно нервное, вызывающее настроение».

Царское правительство стремилось широко использовать казачьи войска в первой мировой войне. В 1916 г. на военной службе находилось до 100 тыс. донских, 90 тыс. кубанских и 18 тыс терских казаков¹⁰², но далеко не все они находились на фронте, так как применение пулеметов привело к ослаблению роли кавалерии в боевых действиях. В Петрограде всегда находились некоторые части казаков. Казачьи: полки и дивизии были едва ли не главной опорой царизма в армии накануне Февральской революции. Правительство стягивало в столицу значительные силы казаков. Но царизм настолько себя скомпрометировал, что в феврале 1917 г. во время свержения самодержавия столичные полки казаков оставались пассивными заняли нейтральную позицию. Но верхи казачества стали опорой контрреволюции и готовы были выступить против народа на стороне помещиков и буржуазии.

Временное правительство не желало дать народу ни земли, ни мира, но обещало казачеству сохранить его привилегии. На Дону, Тереке и Кубани сосредоточено было до 70% всех казаков России. На казачьи войска в значительной мере опирался генерал Л. Г. Корнилов, назначенный в марте 1917 г. командующим Петербургского военного округа, а затем (в мае) командиром 8-й армии. Казачьи полки участвовали в расстреле июльской демонстрации в Петрограде, а Корнилов 19 июля был назначен верховным главнокомандующим. Вместе с тем масса рядовых в казачьих полках, находившихся в центре страны, все слабее поддерживала контрреволюционные замыслы казачьих верхов. Корнилов, видимо, замечал :»то и собирался увеличить число мелких земельных собственников среди казаков примерно на 4 млн и намеревался раздавать земли фронтовикам, верным правительству. Требуется более глубокого исследования вопрос, почему рядовые казаки не проявляли особого рвения в поддержке Корнилова против правительства А. Ф. Керенского и нередко склонялись к нейтралитету. Это ослабило силы Корнилова. Отпор со стороны революционных солдат, матросов и красногвардейцев привел к провалу его попыток осуществить контрреволюционный переворот в августе 1917 г.

Давая оценку рабочему, аграрному и национально-освободительному движению в крае накануне Февральской революции 1917 г., можно утверждать, что события 1916 г. свидетельствовали о том, что революционный кризис в стране достиг предела, вступил в свою высшую стадию и охватывал окраины. Накануне Февральской буржуазно-демократической революции и на Северном Кавказе различные революционные потоки сливались воедино

27 февраля 1917 г. под ударами восставшего петроградского пролетариата и солдат пало царское самодержавие. Боясь революционного взрыва, кавказские власти, с одной стороны, всеми мерами скрывали от народа правду о свержении царя с другой - торопились выразить свои верноподданнические чувства Временному правительству. Начальник Терской области призвал население подчиниться новому правительству, «облаченному всей полнотой власти», а начальник Кубанской области заявил, что он - слуга нового правительства. Одновременно губернаторы Дагестана, Ставропольской и Черноуской губерний, начальники Кубанской и Терской областей делали попытки привести гарнизоны в боевую готовность на случаи народных выступлений.

В Новороссийске о победе революции в Петрограде узнали 4 марта. В тот же день трудящиеся по призыву большевистской организации вышли на демонстрацию, в которой приняло участие несколько тысяч человек. Митинги, демонстрации, собрания состоялись в Туапсе, Геленджике и в других городах Черноморья. 5 марта во Владикавказской городской думе состоялось собрание, на котором выступил С.М. Киров. Известие о победе революции вызвало политический подъем и среди рабочих Грозного. 4 марта 1917 г. прошла демонстрация солдат Ставропольского гарнизона. В ряде населенных пунктов Дагестана и Ставропольской губернии крестьяне приступили к разоружению властей, полиции и стражников. В Кабардино-Балкарии крестьянство поднялось против князей, таубиев, кулаков, за возвращение отобранных у сельских обществ земель. Революционно-демократическое направление национального движения в Кабарде и Балкарии представляло «Карахалк» - объединение крестьянской бедноты. На сторону господствующих классов, как и следовало ожидать, встал Нальчикский гражданский комитет – орган Временного правительства в Кабардино-Балкарии.

Своеобразие Февральской буржуазно-демократической революции заключалось в том, что она создала двоевластие. Первым в крае был создан Екатеринодарский Совет рабочих депутатов, выборы в который начались на третий же день после свержения

самодержавия. Первое его заседание состоялось 2 марта 1917 г. На заседании 8 марта Совет признал полномочия представителей солдатских и казачьих депутатов. Но во главе его оказались меньшевики и эсеры. В исполком Совета вошли лишь три большевика. 5 марта 1917 г. состоялось первое организационное заседание Грозненского Совета рабочих депутатов, предложившее местным воинским частям командировать в его состав своих делегатов (по одному человеку от каждой пешей роты, казачьей роты и воинской команды). марта он был переименован в Совет рабочих, солдатских и казачьих депутатов. Представителем Совета был избран руководитель грозненских большевиков Н. А. Анисимов. 7 марта состоялся общегородской митинг, который постановил разоружить полицию, создать народную милицию из рабочих и освободить из тюрьмы политзаключенных. 6 марта 1917 г. был образован Совет рабочих и солдатских депутатов в Ставрополе. 7 марта в его состав вошли и представители гарнизона. Во главе Совета оказались эсеры и меньшевики.

7 марта был создан Совет рабочих и солдатских депутатов Новороссийска. В первой половине марта Советы рабочих, солдатских и казачьих депутатов возникли в Армавире, Майкопе, Гулькевичах, станицах Апшеронской, Усть-Лабинской, Геленджике и в ряде других мест Кубанской области и Черноморской губернии.

Владикавказский Совет рабочих депутатов возник 8 марта 1917 г. И здесь руководство в Совете захватили эсеры и меньшевики. Благодаря энергичной деятельности владикавказских большевиков во главе с С. М. Кировым 19 марта состоялось объединенное заседание Совета рабочих и солдатских депутатов. В апреле состоялись выборы в его исполком, в состав которого вошли от большевиков С. М. Киров, Я. Л. Маркус, И. Я. Турыгин.

11 марта 1917 г. был образован Временный Кубанский областной исполнительный комитет, в который вошли кадеты, эсеры и меньшевики Новороссийске и Ставрополе 4 и 6 марта были образованы Комитеты общественной безопасности, которым были переданы функции губернского управления. В их состав вошли представители от городской думы земства и других буржуазных организаций. Члены Комитета выступали за доверие и полную поддержку Временного правительства. В Екатеринодарском, Пятигорском, Майкопском и Баталпашинском отделах были созданы Гражданские комитеты. Губернатор был заменен «правительственным комиссаром», а в казачьих областях и в указанных отделах рядом с «правительственными комиссарами» по-

прежнему властвовали атаманы. 5 марта 1917^г в Владикавказе возник орган Временного правительства – Областной гражданский комитет, состоящий из представителей буржуазно-дворянских и клерикальных слоев горских народов, высших чиновников старого аппарата, эксплуататорской верхушки казачества и отдельных мелкобуржуазных элементов. В состав Областного гражданского комитета вошли кумыкский князь Р. Капланов, чеченский нефтепромышленник-миллионер Т. Чермоев, кабардинский коннозаводчик, крупный землевладелец П. Коцев и др. Его почетным председателем был избран член IV Государственной думы, казачий есаул М. А. Караулов, назначенный Временным правительством «комиссаром» Тергкой области.

Во главе округов были поставлены «комиссарами»: Хасавюртовского округа - князь Капланов, Владикавказского - мировой судья Платов, Назранского - чиновник Джабагиев, Нальчикского - дворянин Чижикиев, Веденского - полковник Адуев, Грозненского - присяжный поверенный Ильин.

Выборы в Дагестанский областной исполком прошли в острой борьбе между революционерами, националистами и монархистами. Во главе с губернатором Ермоловым монархисты приложили немало усилий для того, чтобы сохранить власть в своих руках. 8 марта, накануне выборов в областной исполком, собрались представители феодально-клерикальной и националистической контрреволюции. «Нужно, - говорил подполковник З. Доногуев, - чтобы наших на выборах было очень много, гораздо больше, чем русских, иначе мы провалимся с нашим списком». В эти же дни энергичную деятельность развернули революционные силы во главе с Махачом Дахадаевым, добиваясь, чтобы широкие народные массы приняли участие в выборах в областной исполком, чтобы он стал органом власти народа. Выборы состоялись 9 марта. Вследствие отсталости и слабой организованности крестьян, еще не осознавших происходившие в стране события, в областной исполком вошли князь Тарковский, капитан Апашев, помещик Гоцинский и др. Председателем избрали монархиста Темирханова. В первом же воззвании исполкома к населению области говорилось: «Мы вас просим - подчинитесь Временному правительству... не нарушайте спокойствия». Наряду с Советами и местными органами Временного правительства на Северном Кавказе появились и организации, преследовавшие цель отделить край от России. 5 марта 1917 г. во Владикавказе собрались представители горской национальной интеллигенции, которые объявили о создании так называемого Союза объединенных

горцев. 6 марта были проведены «выборы» во Временный Центральный комитет Союза объединенных горцев, в который вошли Б. Шаханов (председатель), Т. Чермоев, Р. Капланов и др.